

Из российской историиСветлана Бестужева-Лада **Грех гордыни** 4**Это интересно**Светлана Марлинская **Лягушки-путешественницы** 14Светлана Рахманова **Сильней любви
в природе нет начала** 112**Неизвестное об известном**Евгения Гордиенко **Несущая свет** 26**Забытые страницы**Валентин Пиккуль **Душистая симфония жизни** 36**Звезды не гаснут**Денис Логинов **Унесенная ветром** 52**Поэзия**Татьяна Кушнарева **Стихи** 62**Открытие «Смены»**Ольга Займенцева **Возвращение постимпрессионизма** ... 66**Творец и женщина**Ирина Опимах **Габриэла Мюнтер
и Василий Кандинский** 76**Штрихи к портрету**Майя Орлова **Русская Сафо** 88**О, женщины!**Ги де Мопассан **Знак** 96**Чем живем**Татьяна Харламова **Школа, которая всегда с тобой** 104**Рассказ**Катерина Измайлова **Пампушка** 120**Житейская история**Александр Мошна **Земная любовь** 126**Да сколько той жизни...** 131**Детектив**Елена Колчак **У страха глаза велики** 134**Кроссворд. Эрудит**

Главный редактор, генеральный директор	Кизилев Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Web-редактор	Калиша Людмила Григорьевна, smena24@mail.ru
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Директор по распространению	Яркина Мария Александровна, sales@smena-online.ru
Обложка	«Солнышко. Дочь художника». Константин Мирошник, Наталья Кургузова-Мирошник
Иллюстрации	Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д. 14
e-mail: jurnal@smena-online.ru

тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано: **Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая типография»**

Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валуевая, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Тираж — 14 000 экз.

Зак. №412

Цена свободная

Номер подписан в печать: 20.02.2013

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

Александр Волков

39 лет, менеджер
по развитию персонала,
Москва

Если бы со мной когда-нибудь
Ты в ночи безоблачной осталась,
Я бы не позволил нам уснуть,
Сняв с себя тревогу и усталость.
Я б украсил звездами постель.
Распахнул окно, впустив из леса
Соловьев безудержную трель
И тумана легкую завесу.
И сплелись бы в музыке тела,
А сердца, почувствовав свободу,
В танце бы кружились без конца —
То в огонь, то в ласковую воду.
И блаженства чаша до краев,
Через край, пронзая наши вены,
Устремится прямо в нашу кровь,
Растворит в могуществе Вселенной.
И в лучах вселенского огня,
На волнах из нежности и ласки,
Ты обнимешь бережно меня,
Растворяясь в искрометной сказке.
Подари же нам такую ночь,
Подари мгновенья дикой страсти.
Прочь тревоги, и запреты прочь!
Дай любви хоть каплю власти...

Грех ГОРДЫНИ

Светлана
Бестужева-Лада

Всем нам прекрасно известна картина Василия Сурикова «Боярыня Морозова». Некоторые, возможно, даже помнят пафосные объяснения экскурсоводов подле этого полотна: что вот, мол, не покорившаяся, пострадавшая за приверженность своей вере жертва царского произвола... и т.д. и т.п. А на картине — еще далеко не старая, красивая женщина с лицом фанатички и горящими глазами поднимает вверх два перста — символ старообрядчества, за приверженность которому официально и наказана ссылкой в Боровский монастырь.

Только оказалась в цепях и в простых санях Феодосия Прокопьевна Морозова, в девичестве — Соковнина, «матерая вдова» и одна из богатейших боярынь России, вовсе не из-за приверженности старообрядчеству. Это был лишь формальный повод, фактическим же послужила непомерная гордыня Феодосии, возомнившей себя выше земных царей и прилюдно сие демонстрировавшей.

Дочь окольного Прокопия Федоровича Соковнина, человека небедного и к престолу близкого, Феодосия рано прославилась своей красотой и набожностью, а в семнадцать лет была выдана замуж за Глеба Ивановича Морозова — бездетного пятидесятилетнего вдовца, младшего брата знаменитого Бориса Ивановича Морозова. Оба они были в свое время назначены спальниками царя Михаила Федоровича и «дядьками» к царевичам: Борис Иванович — к Алексею, а Глеб Иванович — к Ивану, увы, скончавшемуся в шестилетнем возрасте.

получить от царя благословение. Стольник был пожалован дарами от царя и его матери. Но вот что странно: ни имени первой жены Бориса Морозова, ни длительности их брачного союза документы не сохранили. Известно только, что брак был бездетным.

Глеб женился позднее. В невесты он выбрал дочь князя Алексея Юрьевича Сицкого Авдотью. Свадьбу сыграли 18 января 1619 года, а на другой день новобрачные тоже поехали во дворец к царю Михаилу «челом ударить» и тоже были одарены дорогими подарками.

Вся надежда братьев была на новый брак Глеба Ивановича, и в 1649 году он женился на родственнице царицы Марии Ильиничны. Феодосия таким образом считалась «выданной замуж из дворца», тут же стала «приезжей боярыней» царицы и пользовалась ее особым расположением

После смерти царя Михаила Федоровича его «дядька» стал фактическим правителем России. Ко всему прочему, род Морозовых, изрядно «прореженный» в свое время «зачистками» Ивана Грозного, владел тысячами дворов и десятками тысяч крепостных. К концу сороковых годов XVII века братья Морозовы были самыми богатыми людьми в государстве.

Борис женился первым — в июле 1617 года. По обычаю тех времен, он приезжал к государю «на завтра своей свадьбы... челом ударить» и

Сицкие приходились родственниками Романовым, и после свадьбы близость Морозовых к престолу еще более укрепилась. Оба брата были в «поезжанах» на свадьбах царя Михаила Федоровича — и в 1624 году с княжной Марьей Владимировной Долгорукой (которая вскоре неожиданно умерла), и с Евдокией Лукьяновной Стрешневой в 1626 году. А потом, как уже говорилось, стали «дядьками» царевичей. Был в те времена обычай, что царские дети после рождения находились на попечении мамки и других женщин, а с пяти лет

переходили на руки дядьки «для бережения и научения». Это была боярская должность, на нее или назначали боярина, или переводили в боярский сан нужного человека.

Жена Глеба Ивановича вошла в число важных родственных лиц, из которых составлялся список «приезжих боярынь», обладавших правом приезда к царице на обед по назначению в известные праздники или торжественные дни. Чин приезжих боярынь заключал в себе, главным образом, государево или царицыно родство, то есть их родственниц по мужьям или по рождению.

Но приезжие боярыни рассаживались за столами с учетом их старшинства, по степени близости по родству, даже если бывал указ сидеть «без мест». При этом родственницы царя всегда садились выше родственниц царицы, даже выше ее родной мате-

ной замуж «из дворца», тут же стала «приезжей боярыней» царицы и пользовалась ее особым расположением.

16 января 1648 года на свадьбе у государя «в отцово место» был боярин Борис Иванович Морозов, а «в материно место» — Авдотья Алексеевна, жена боярина Глеба Ивановича, назначенного оберегать спальню новобрачного царя Алексея. А через десять дней Борис Иванович... женился вторым браком на Анне Ильиничне Милославской, которая была моложе его на тридцать лет, и стал государю свояком. Государь пожаловал ему к свадьбе «отцовскую постелю» со всем убором, а царица — три сорока соболей. Увы, ни молодость знатной супруги, ни богатые царские дары на свадьбу не могли заменить того, чего так жаждал старший Морозов — наследника. И второй брак оказался бездетным.

ри. В числе приезжих боярынь были и жены окольных и стольников.

Брак Глеба Ивановича и Авдотьи Алексеевны продолжался около тридцати лет, но был, как и у старшего брата (рано овдовевшего), бездетным. Огромное богатство семьи Морозовых могло оказаться «выморочным»: со смертью обоих братьев род неизбежно пресекался.

Вся надежда братьев была только на новый брак Глеба Ивановича, и в 1649 году он женился на родственнице царицы Марии Ильиничны. Феодосия, таким образом, считалась выдан-

Глебу Ивановичу же повезло больше. Через год после свадьбы молодая супруга родила ему сына, крещеного Иваном. Радости отца и дяди не было предела: ведь новорожденный становился не только продолжателем рода Морозовых, но и самым богатым в России наследником. Увы, единственным, больше детей у Феодосии не было.

Через тринадцать лет скончался Борис Иванович и оставил в наследство брату неслыханное богатство — 7254 крестьянских двора, а все еще молодой вдове, сестре самой цари-

цы, — горькую долю бездетной одинокой женщины, которой оставалось искать утешения только в церкви.

Но задолго до этого произошло событие, в буквальном смысле слова расколовшее Россию и имевшее самые неожиданные последствия для многих людей, вне зависимости от их знатности и богатства. Произошел церковный раскол, и в 1654 году возникла новая, так называемая «казенная» церковь.

Эта церковь была узаконена в 1654 году, когда собравшийся в Москве церковный собор принял реформу обрядности, подготовленную патриархом Никоном. Конечно, смысл реформ был значительно глубже, чем новые правила начертания имени Иисуса Христа или предписание креститься тремя перстами вместо двух.

Новые обряды вызвали протест среди значительной части духовен-

го женского счастья, приняла сторону гонимой «старообрядческой церкви». Боярыня еще при муже открыто исполняла старые церковные обряды, отличаясь непримиримостью к «никонианам» — последователям нового церковного толка.

Как знать, может, все и обошлось бы оправлением обрядов по старому чину в домовый церкви да щедрой денежной помощью другим раскольникам: муж был хоть и любящим, но суровым, да и перечить царской воле никому бы не позволил. Но в 1862 году Глеб Иванович умер, оставив тридцатилетнюю вдову хозяйкой неисчислимых богатств и... самой себе хозяйкой.

Но молодая вдова неожиданно для всех начала чудить, избравши для себя едва ли не монашеский удел и тесно сошедшись с протопопом Аввакумом — вождем раскольников,

ства, которое увидело в них иноземное влияние, угрозу чистоте истинной православной веры.

В одном из документов тех лет говорится: «Огонь ярости на начальников, на обиды, налоги, притеснение и неправосудие больше и больше умножался, и гнев и свирепство воспалились».

Молодая Феодосия Морозова, отличавшаяся редкостным темпераментом, да к тому же, начитанная (редкость для женщин того времени!), своевольная, энергичная, не нашедшая в браке со старым мужем обычно-

«в черном теле». Ибо боярыня, буруемая многими чисто земными страстями, «томила» тело власяницей, но и власяница не всегда помогала.

«Глупая, безумная, безобразная, — писал ей Аввакум, — выколи глазища те свои челноком, что и Матридия».*

* Аввакум имел в виду пример преподающей Матридии, житие которой боярыня знала по Прологу. Героиня этого жития выколола себе глаза, чтобы избавиться от любовного соблазна.

*В.И. Суриков.
«Боярыня Морозова»*

Уличал Аввакум Морозову и в ску-
пости: «А ныне... пишешь: оскудала,
батюшко; поделитца с вами нечем.
И я лише разсмеяся твоему несо-
гласию... Милостыня от тебя истека-
ет, яко от пучины морския малая ка-
пля, и то с оговором».

Неистовый протопоп был прав,
но не учитывал того, что Морозова
по своему положению была «мате-
рая вдова», то есть вдова, которая
управляет вотчинами только до со-
вершеннолетия сына. А Морозова
очень любила своего Ивана, поэто-

му и пеклась о том, «как... дом стро-
ен, как славы нажить больше, как...
села и деревни стройны». «Матерая
вдова» хранила для сына богатства,
накопленные его отцом и дядей, на-
деясь, что сын, как бы ни сложи-
лась судьба матери, будет жить в
«земной славе», приличествующей
его знаменитому роду.

Она словно не понимала, что царь
не станет долго терпеть ее фанатич-
ные причуды, что все благополучие
семьи может в одночасье рухнуть.
Зато прекрасно знала: нужно, во что

бы то ни стало, защитить любимого сына от всевозможных бед, прежде всего — женить его, отделить от себя, обезопасить. Даже советовалась со своим духовным отцом насчет невесты: *«Где мне взять — из добрых ли породы, или из обышняя. Которья породю полутче девицы, те похуже, а те девицы лутче, которья породю похуже...»*

Феодосия неоднократно присутствовала в «новообрядной церкви» на богослужении, что старообрядцами рассматривалось, как вынужден-

ное «малое лицемерие», а на самом деле диктовалось все тем же материнским инстинктом. Так что непреклонность в вопросах веры боярыни несколько преувеличена историками и старообрядцами.

Она жила, наполняя свои сундуки и кладовые, подыскивая достойную невесту сыну, и одновременно перестраивала домашний уклад своей жизни по монастырскому образцу: открыла двери своих роскошных московских хором перед нищими и монахами, юродивыми и убогими, ще-

Протопоп Аввакум

дро подавая милостыню. Не между «старой» и «новой» верой разрывалась — а между религиозными убеждениями и материнской любовью.

Царь Алексей Михайлович, всецело поддерживающий церковные

реформы, пытался повлиять на боярыню через ее родственников и окружение, а также то отбирая, то возвращая поместья из ее вотчины. Возможно, иную боярыню постригли бы в монастырь, но... царя удерживало высокое положение Морозовой и заступничество царицы Марии Ильиничны.

Тем временем события развивались стремительно и пугающе. В 1664 году из ссылки в Москву вернулся духовный глава раскольников — протопоп Аввакум. Здесь же останавливались и находили материальную поддержку и многие другие «расколочители» из разных концов страны.

В конце концов Москва стала одним из центров староверческого раскола. Здесь действовали «старолюбцы», имевшие связи в кругах высшей светской знати и столичного духовенства.

А дом боярыни Морозовой («инокини Феодоры», как она теперь себя величала) превратился в «штаб» этого центра. Феодосия Прокопьевна перестала ездить во дворец, отвергла святости официальной церкви, еще с большим рвением занялась благотворительностью.

Некоторые историки называют поведение боярыни «самоотверженной борьбой с официальной церковью и царской властью». В это с трудом верится хотя бы потому, что по происхождению и положению Морозова сама была частью этой власти. А вот религиозная экзальтация, доходящая до фанатизма, просматривается совершенно четко. И пришла к ней боярыня от безысходности.

Не одна Морозова была молодой вдовой, страдавшей от женского одиночества, на Руси давно уже нашли средство от такой беды — молодой полюбовник. Так поступила, например, царица Прасковья Федоровна, супруга царя Иоанна Пятого, сводного брата Петра Великого, когда овдовела в тридцать лет. Общество благоразумно закрывало на это глаза, а церковь ограничивалась лишь мягким увещанием да «условным наказанием».

Но когда в 1668 году умерла вдова Бориса Ивановича Морозова боярыня Анна Ильинична, сестра ца-

рицы, а в следующем году и сама царица Мария Милославская, у Феодосии Прокопьевны практически не осталось заступниц перед царем, недовольным ее ревностным соблюдением старых обрядов.

Бог бы с ними, с чудачествами «благочестной» боярыни, но ее пример увлек в раскол новых сторонниц, в том числе сестру Морозовой княгиню Урусову, вполне благополучную замужнюю женщину, и многих других. Особенно быстро стали увеличиваться ряды ее сторонниц после того, как в декабре 1670 года Моро-

екуров и князь Урусов, муж ее сестры, с уговорами хотя бы принять церковную реформу. Морозова обоим ответила решительным отказом.

Царское терпение, даже у такого кроткого и незлобивого государя, как Алексей Михайлович, тоже имело свои пределы. Он надеялся, что упрямая родственница образумится, еще почти год, но Морозова, как говорится, «закусила удила» и открыто проповедовала «нечестивость новой веры и власти царицы, под нее подпавшей». Вечной ее заступницы, царицы Марии, уже не было в живых, а

еодосия Морозова, отличавшаяся редкостным темпераментом, своевольная, энергичная, не нашедшая в браке со старым мужем обычного женского счастья, приняла сторону гонимой «старообрядческой церкви». Молодая вдова, неожиданно для всех, начала чудить, избравши для себя едва ли не монашеский удел, и тесно сошлась с протопопом Аввакумом

зова тайно постриглась в монахини под именем Феодоры и отказывалась от всех светских мероприятий, проводимых при дворе. А это уже рассматривалось как прямая измена.

Под предлогом болезни Морозова в начале 1671 года отказалась от участия в свадьбе царя Алексея Михайловича и Натальи Нарышкиной. А ей на этой свадьбе надлежало «в перьвых стояти и титлу царскую говорити». Разгневанный царь несколько раз присылал к Феодосии Прокопьевне своих приближенных с выговором, но она не покорялась. Последними приезжали боярин Тро-

молодую царицу Наталью Кирилловну интересовали только развлечения да первая беременность, протекавшая на удивление легко. Видно, кто-то шепнул царю, что «бесноватая раскольница» может напугать царицу или нанести какой-нибудь вред зреющему плоду, а это было уже серьезно.

В ночь на 16 ноября 1671 года боярыню Морозову, ее сестру княгиню Урусову, а также еще нескольких знатных боярынь взяли под стражу. Но ни уговоры патриарха, ни увещевания других архиереев не могли сломить упорства староверок. Морозовой угрожали и пытками, и дыбой,

и сожжением на костре. Она в ответ кричала, что любые телесные муки примет во имя истинной веры.

Феodosию содержали на подворье Псково-Печерского монастыря, причем в кандалах. Однако несмотря на строгую стражу, Морозова продолжала поддерживать общение с внешним миром, ей передавали еду и одежду, даже приходили письма от протопопа Аввакума. Одно из писем принесло страшную весть: скончался ее обожаемый сын Иван. На этом земная жизнь боярыни действительно закончилась, ибо «нашло на нее великое помутнение ра-

Когда ее подвергли пытке, она с дыбы исступленно выкрикивала:

— Вот что для меня велико и истине дивно: если сподоблюсь сожжения огнем в срубке на Болоте, это мне преславно, ибо этой чести никогда еще не испытала!

Ни уговоры, ни угрозы, ни мучительные пытки не могли сломить дух Морозовой. Ее друг и наставник, истовый защитник старой веры, протопоп Аввакум писал о ней так:

«Персты рук твоих тонкостны, а очи твои молниеносны. Кидаешься ты на врага, аки лев».

Царское терпение, даже у такого кроткого и незлобливого государя, как Алексей Михайлович, тоже имело свои пределы. Он еще почти год надеялся, что упрямая родственница образумится, но Морозова, как говорится, «закусила удила» и начала открыто проповедовать «нечестивость новой веры и власти царевои, под нее попавшей»

зума». Проще говоря, Морозова помешалась.

Официально это подтвердил сам патриарх, который в присутствии духовных и гражданских властей беседовал с Феодосией в Чудовом монастыре. Решив, что она больна (боярыня не хотела стоять перед патриархом и весь допрос висела на руках стрельцов), попытался помазать ее освященным маслом, но Феодосия яростно воспротивилась.

Боярыню вернули под арест и стали уже всерьез готовить к публичной казни.

Страстное желание Морозовой быть публично сожженной, пострадать за веру, могло бы исполниться, настолько велик был гнев царя. Но тут вмешалась почти вся аристократия: раскольников было в основном распространено среди «черного люда», и позволить публично истязать, а затем предать огню представительницу одного из шестнадцати знатнейших родов России было невозможно.

За Морозову и Урусову заступилась любимая сестра царя, царевна Ирина Михайловна, и Морозову,

Урусову и Данилову в простых саянах, закованных в «конские желез», отправили в Боровский Пафнутьев монастырь.

Путь в острог знаменитой боярыни и запечатлел впоследствии на своей картине В.И. Суриков, хотя так ли на самом деле выглядела мятежная боярыня — сказать трудно, прижизненных изображений, равно как и описаний, не сохранилось.

Возможно, царь и не прислушался бы к защитникам «поединщицы», изрядно попортившей ему кровь, — на Руси казнили и более знатных персон. Но публичная казнь дает человеку ореол мученичества, а этого царь боялся больше всего, боялся, что *«будет последняя беда горши первая»*, поэтому обрек Морозову и ее сестру на «тихую» долгую смерть. А вот четырнадцати слугам раскольниц повезло меньше: за принадлежность к старой вере их в конце июня 1675 года заживо сожгли в срубе.

Жажда жизни в ней была неистребимая. Как знать, предложи ей кто-нибудь из священников отречься от ереси и принять новую веру «за калачик», несгибаемая женщина могла бы и сломиться. Но священников к ней больше не подпускали.

Первой от голода умерла княгиня Урусова, потом боярыня Морозова. В ночь с 1 на 2 ноября 1675 года тела раскольниц — в рогоже, без отпевания — зарыли внутри стен боровского острога: опасались, как бы старообрядцы не выкопали их «с великою честью, яко святых мучениц мощи».

Но память о мятежной боярыне убить так и не сумели. Раскольники почитают ее среди своих мучеников, а обычные люди, даже не подозревающие о том, что когда-то на Руси был церковный раскол, впечатляются почти иконописным обликом женщины в цепях, с грозно поднятыми вверх двумя перстами.

Умирала Морозова не так героически, как собиралась.

— *Раб Христов!* — взывала замученная голодом боярыня к сторожившему ее стрельцу. — *Есть ли у тебе отец и мати в живых или преставились? И убо аще живы, помолимся о них и о тебе; аще ж умроша — помянем их. Умилосердися, раб Христов! Зело изнемогах от глада и алчу ясти, помилуй мя, даждь ми колачика.*

И когда тот отказал, она продолжала униженно вымаливать у него хотя бы хлеба, хотя бы «мало сухариков», хотя бы яблоко или огурчик.

А ведь не овдовой она молодой, не было бы ни цепей, ни острога, ни... бессмертия. □

На месте захоронения сестер Ф.П. Морозовой и Е.П. Урусовой их братья Алексей и Федор Соковнины в 1682 г. положили надгробную плиту

ЛЯГУШКИ- ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ

Если о мужчинах-путешественниках и исследователях, покорявших океаны и горы и открывавших новые земли, написаны тысячи книг и сняты сотни фильмов, то в России, например, широко известна лишь одна путешественница — представительница прекрасного пола: отважная лягушка из рассказа Гаршина. Ее имя даже стало нарицательным, что, между прочим, неопровержимо свидетельствует о неумной «охоте к перемене мест» не только у мужчин. Но о женщинах-путешественницах широкой общественности известно до обидного мало. Попробуем заполнить этот пробел в истории путешествий и открытий...

Первой в мире женщиной, совершившей кругосветное путешествие, была француженка Жанна Барре, которая чуть ли не с колыбели мечтала об этом. В 1766 году, когда ей исполнилось 26 лет, переодевшись в мужскую одежду и назвав себя

Жаном Барре, она попросила естествоиспытателя Филибера Коммерсона взять ее в экспедицию, которой руководил известный мореплаватель, граф де Бугенвиль. Филибер нуждался в помощнике, а потому ему без труда удалось уговорить

графа взять в кругосветное путешествие Барре.

Путь предстоял долгий. Мореплаватели отправились к берегам Африки и Южной Америки. И хотя во время морского похода Барре проявляла отвагу и храбрость, тайна ее все же была раскрыта, и Жанну высадили с корабля на острове Маврикий, откуда она должна была самостоятельно вернуться во Францию. Увы, неизвестно, удалось ли это ей или нет, — следы Жанны затерялись по дороге домой...

Но еще задолго до отважной Жанны были женщины, проводившие в странствиях всю свою жизнь. Это проповедницы христианства, которые путешествовали по святым местам, помогали бедным, исцеляли больных. Известно повествование, датированное IV веком и написанное аббатисой из Франции Эджерией, о путешествии, которое она совершила на Святую землю. Долгие годы подобные «хождения» были единственным разрешенным законом способом путешествий для женщин...

Первыми путешественницами, завоевавшими у мужчин право самостоятельно ездить по свету и вступать в члены географических сообществ с собственными открытиями, стали англичанки, и случилось это только в XVIII веке. Именно тогда интересовавшаяся географией леди Мэри Уортли Монтегрю отправилась в путешествие по Европе, Азии и Африке, а потом описала свои впечатления в книге. И само путешествие, и книга

произвели шоковое впечатление на чопорный британский высший свет, а сама путешественница была подвергнута своего рода бойкоту...

В 1804—1806 гг. женщина из индейского племени северных шошонов Сакагавея помогла экспедиции Льюиса и Кларка исследовать земли на американском Западе. Поскольку индейцы относились к прибывшим на их исконные территории чужеземцам, мягко говоря, негативно, присутствие женщины-проводника индейки помогло избежать многих неприятных моментов, поскольку свидетельствовало о сугубо мирных целях исследователей. Изображение Сакагавеи в 2000 году даже разместили на монете в 1 доллар, который так и называется — «доллар Сакагавеи»...

Много позже, уже в последней трети XIX века, американская журналистка, писательница и предпринимательница Нелли Блай сделала редактору газеты «Нью-Йорк Уорлд», в которой работала, предложение: превзойти рекорд героя книги Жюль Верна, совершив кругосветное путешествие. В одном из номеров газеты было опубликовано объявление о том, что известная Нелли Блай решила обогнуть планету менее чем за 80 дней.

Нелли отправилась в кругосветное путешествие 14 ноября 1889 года. По пути она отклонилась от своего маршрута, чтобы взять интервью... у самого Жюль Верна. Когда девушка достигла своей цели, он отправил телеграмму в редакцию:

*Жанна
Барре*

*Мэри Уортли
Монтегрю*

«Я нисколько не сомневался в успехе Нелли Блай. Она показала свое упорство. Ура в ее честь!

Жюль Верн».

Нелли добилась своей цели — посетила ровно за 72 дня 6 часов и 10 минут Англию, Францию, Италию, Суэцкий канал, Цейлон, Сингапур, Гонконг и Японию. Ей было всего двадцать два года.

Так что к концу XIX века вслед за англичанками путешествиями увлеклись американки, и женщина, поднявшаяся на Монблан или отправившаяся изучать Сирию, уже никого не

удивляла. Однако имена большинства путешественниц так и остались неизвестными широкой публике, поскольку воспринимались окружающими как эпатаж и попирание устоев общества.

Попробуем восстановить справедливость и вкратце рассказать о наиболее известных представительницах прекрасного пола — страстных путешественницах и исследовательницах.

Если бы Александра Потанина (в девичестве — Лавровская) не влюбилась в политического ссыль-

Сакагавея

*Нелли
Блай*

ного Григория Потанина, жизнь дочери священника сложилась бы совсем иначе. Но муж давно мечтал об изучении населения и природы стран Азии и Востока. В 1876 году супруги в составе экспедиции отправились на северо-запад Монголии. Александра поначалу сомневалась, как она написала в своем дневнике, «*сможет ли выдержать такой длинный путь, сложности, связанные с лишениями...*» Но она выдержала не только это путешествие, но и еще последующие за ним — в Китай и в Центральную Азию.

Александра Потанина отвечала не только за быт членов экспедиции, но и помогала мужу вести записи, изучала образцы рыб, насекомых, собирала гербарий редких растений, а также сказки, легенды, загадки, которыми местное население охотно делилось с путешественницей. Дневниковые записи Александры Потаниной легли в основу двух томов с рассказами о путешествиях.

Она одной из первых женщин стала членом Русского географического общества, которое спустя годы

*Александра
Потанина*

удостоило ее научный труд «Буряты» Большой золотой медали...

Еще одна путешественница — Ольга Александровна Федченко — оказалась в Средней Азии в составе научной экспедиции, руководимой мужем. Но у нее была и собственная исследовательская программа, как у ботаника. В то время Туркестан, Коканд, Бухара и прочие земли пока не полностью вошли в состав России, всюду шла война, и экспедиция по Южному Тянь-Шаню, Алтаю и Памиру была равносильна попытке самоубийства.

Тем не менее, молодые ученые в октябре 1868 года по решению Об-

щества любителей естествознания отправилась в эти края в сопровождении военных. Крупного русского ученого Алексея Павловича Федченко в равной степени интересовали геология и климат, растительный мир и животные, этнография и антропология. В задачи Ольги Александровны входил сбор растений для гербария и зарисовка видов нового края. Кстати, впоследствии они были изданы в виде альбома. И в Туркестан она поехала как вполне состоявшийся и известный в научных кругах специалист, что было в те годы большой редкостью.

В Туркестане Ольге Федченко пришлось также преодолевать скеп-

*Ольга
Федченко*

*Мэри
Кингсли*

тическое отношение к себе со стороны... проживающих здесь русских, в основном военных. То, что ученым являлась женщина-путешественница, было огромной новостью для края. Но Ольге Александровне удалось переломить это отношение, стать для военных своей и даже получить от них шутовское прозвище «Ботаника». За три года, с 1869-го по 1871-й, супруги Федченко совершили четыре экспедиции по Туркестану: по Зеравшанской долине, к озеру Искадеркуль, в пустыню Кызылкум и по Ферганской долине до Заалайского хребта. Во время работы в Зеравшанской долине Ольга Алексан-

дровна собрала гербарий из 800 видов растений, причем в нескольких тысячах экземпляров.

В конце 1869 года Федченко выехали в Москву для отчета на годовичном заседании Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Совет Общества по итогам проведенных исследований присудил Алексею Павловичу высшую награду — премию имени Г.Е. Щуровского, которая материализовалась в прекрасный микроскоп. Ольга Александровна за свой вклад в науку: сбор гербария и выполнения альбома с рисунками — была награждена золотой медалью.

В сентябре 1872 года семья Федченко отправилась в Европу. Там Алексей Павлович собирался ознакомиться с альпийскими ледниками, чтобы подготовиться к экспедиции на Памир. В Лейпциге Ольга Александровна родила сына Бориса, а в августе 1873 года молодая семья отправилась в Монтре на Женевском озере. Ольга Александровна осталась собирать растения, а Алексей Павлович, готовясь к предстоящим исследованиям среднеазиатских ледников, поехал в деревню Шамуни, у подножия Монблана, чтоб совершить восхождение. Он погиб от холода, попав в снежную бурю на перевале. Ему было 29 лет.

Ольга Александровна осталась вдовой с восьмимесячным сыном. Но трагедия ее не сломала, наоборот, она с удвоенной энергией занялась изданием материалов Туркестанской экспедиции, а через год после гибели мужа была избрана почетным членом Общества любителей естествознания.

После долгого перерыва, в 1897 году, Ольга Федченко снова посетила Туркестан и в районе Западного Тянь-Шаня занималась самостоятельным изучением флоры. А когда сыну Борису предложили работу в Императорском ботаническом саду, вместе с ним переехала в Санкт-Петербург. Отсюда, годом позже, они отправились в экспедицию на Памир, где посетили малодоступный район Шункан и прошли до реки Пяндж — границы с Афганистаном. Итогом этой экспе-

диции явилась монография «Флора Памира».

Потеряв любимого мужа, Ольга нашла друга и соратника в сыне, в компании с которым продолжила «семейное дело» и еще дважды побывала в Туркестане, в 1910 и 1915 годах, — последний раз, когда ей было уже 70 лет. К тому времени она стала уже известным ботаником с мировым именем — Парижское географическое общество, Академия наук в Бостоне, Международная академия ботанической географии избрали ее своим почетным членом, а на родине в 1906 году она была избрана членом-корреспондентом Российской академии наук...

Англичанка Мэри Кингсли с детства с интересом изучала историю, географию и иностранные языки. Учеба давалась ей легко. Девочка была усидчивой и трудолюбивой. Никто в семье Мэри не знал, что она втайне мечтает о путешествиях. И лишь когда ей исполнилось тридцать лет, мечта стала явью: в 1893 году Мэри отправилась в Африку на пароходе, хотя это было далеко не безопасно.

Она сумела быстро расположить к себе незнакомых людей, постоянно бывала в селениях местных племен, где изучала их обычаи и традиции, оказывала помощь больным. Ее бесстрашие многих поражало. Известен факт, когда Мэри удалось отбиться от напавших на ее лодку крокодилов, используя лишь весла. Кингсли дважды побывала в Африке и опубликовала о своих путешествиях три книги...

XX век принес женщинам полную свободу, во всяком случае, в области увлечений. По статистике, они странствовали по свету даже больше и охотнее, чем мужчины. Например, в 1975 году альпинистка из Японии Юнко Табей оказалась в числе тех немногих женщин, кто смог подняться на Эверест. Это восхождение проходило в рамках программы, организованной королевой Непала, и было приурочено к 30-летию со времени покорения Эвереста женщинами. Эта маленькая и хрупкая женщина, мать семейства, побывала в 44 странах, в том числе и в России.

В 1991 году бывшая школьная учительница, норвежка Лив Арнесен стала первой женщиной в мире, которая организовала и возглавила первую женскую экспедицию в Гренландию. Правда, полноценной экспедицией это назвать нельзя — она вышла в путь с двумя спутницами и прошла только три дня, потом женщины вернулись из-за урагана. Но через год Лив вдвоем с подругой снова отправились в путь и на этот раз пересекли Гренландию за 23 дня. Затем Лив стала первой женщиной, которая в одиночку на лыжах добралась до Южного полюса. Она шла пятьдесят дней при температуре от -40 до -60 градусов, таща за собой санки с 85 килограммами снаряжения и 15-килограммовый рюкзак.

Четыре года назад 51-летняя Лив скооперировалась с 50-летней американкой Энн Банкрофт, и они задумали совместное отчаянное пересе-

чение Северного Ледовитого океана за сто дней. Энн к тому времени уже носила звание первой женщины в мире, достигшей Северного полюса на собачьей упряжке. Путешественницы отправились к океану, но им пришлось прервать маршрут из-за смещения арктического льда — вместе с поломанным снаряжением их эвакуировали с дрейфующей льдины. Перед маршрутом женщины были уверены, что их главной проблемой станут встречи с белыми медведями, а никак не отколовшаяся льдина. Несмотря на неудачу, Лив и Энн не отказались от своей идеи и собираются повторить путешествие...

В середине 90-х годов Марло Морган, скромный врач-психотерапевт из Миссури, приехала в Австралию для участия в реформе системы государственной медицины. Ей пришлось ездить по всей стране и общаться со многими коренными жителями. Однажды австралийский коллега Марло по имени Оота, сам выросший среди аборигенов, пригласил ее на встречу, которую устраивало в пустыне одно из племен. Доктор Морган без долгих раздумий отправилась в путь. В результате она провела в племени аборигенов четыре месяца, а потом описала свои приключения в книге «Послание с того края Земли».

Хотя, по мнению ученых, на просторах Австралии давно уже не осталось ни одного племени, о котором ничего не было бы известно, Морган утверждает, что побывала среди людей, о существовании ко-

*Юнко
Табей*

*Марло
Морган*

торых не знают ни власти, ни ученые. Они называли себя самыми древними людьми на планете. *«Мы — племя Истинных людей, — объясняли они. — Мы прямые потомки первых людей. Мы прошли все испытания от начала времен и выжили, никогда не отступая от изначальных ценностей и законов»...*

Александра Толстая, английская аристократка, член Королевского географического общества, не однофамилица, а самая что ни на есть настоящая наследница графа Льва Толстого. У нее две большие страсти — путешествия и лошади. В 1999 году она впервые в современной истории повторила маршрут Вели-

кого шелкового пути от Туркмении до Китая. Экспедиция, которую тогда возглавила Александра, состояла из четырех девушек-наездниц и одного мужчины-проводника. По дороге Александра написала исследовательскую книгу.

Ее следующий маршрут пролегал из России в Монголию, а затем она снова решила пройти исторический путь и повторить легендарный переход 1935 года из Ашхабада в Москву (тогда конная экспедиция прошла 4000 километров за 84 дня), и даже лошадей выбрала той же породы — ахалтекинцев. С первого раза затея не удалась из-за изменившихся с того времени государственных границ,

*Лив
Арнесен*

*Энн
Банкрофт*

и экспедиции Александры удалось пройти только до Оренбурга.

Толстая все-таки довела дело до конца через два года и триумфально закончила маршрут в Москве у памятника Жукову после восьми месяцев пути. Все свои экспедиции она организывает и проходит вместе с мужем — после покорения Великого шелкового пути Александра вышла замуж за того самого единственного мужчину-проводника — профессионального наездника, мастера спорта по конкуру Шамиля Галимзянова...

Кристина Хойновская-Лискевич — полька, ставшая первой женщиной в мире, в одиночку совер-

шившей кругосветное плавание. По образованию Кристина — инженер-кораблестроитель, по профессии — капитан дальнего плавания, по страсти — яхтсменка. Она начала свою «кругосветку» в 1976 году на Канарских островах в порту Лас-Пальмас. Плыла Кристина на океанской яхте с веселым названием «Мазурка». От Канарских островов она отправилась в направлении Барбадоса, в Карибское море и Панамский канал, затем в Тихий океан, на Таити, Фиджи, в Австралию, Индийский океан и южный берег Африки.

Через два года после старта Хойновская-Лискевич вернулась в

*Александра
Толстая*

Лас-Пальмас, где ее встречали бурными овациями. На воде Кристина провела в общей сложности 401 день, остальное время ушло на заходы в порты. По возвращении полка тут же стала легендой, ее имя занесли в Книгу рекордов Гиннеса, а сама она написала книгу о том, как справлялась с опасной и тяжелой работой, и как ей удалось выйти невредимой из всех штормов, преодолеть рифы и спастись от ураганов...

10 лет спустя другая мореплательница — австралийский конструктор парусных лодок Кэй Котти — совершила еще более рискованное путешествие — прошла «кругосветку» за 189 дней без единого захода в порт!

Российская путешественница Любовь Случевская прославилась совсем недавно. В 2006 году она в одиночку пересекла пять стран Африки, стартовав в Хургаде и завершив свой поход на острове Занзибар в Танзании. Экспедиция Случевской была культурно-этнографической и проводилась в рамках проекта передвижной выставки рисунков «Африка — Дружественный мир».

Египет, Судан, Эфиопию, Кению и Танзанию путешественница прошла с рюкзаком, в котором лежали рисунки российских детей, и в каждой стране устраивала выставки. Она совсем не была готова к тому, что жители африканских стран настолько активно захотят поучаствовать в проек-

*Кристина
Хойновская-
Лискевич*

*Любовь
Случевская*

те, и к концу пути несла уже рисунки не только российских, но и африканских ребят. Обратный путь Любовь проделала по тому же маршруту, и все путешествие заняло у нее четыре месяца — и туда, и обратно передвигалась она пешком или автостопом.

Путь дался ей легко: она рассказывает, что за первые полтора месяца адаптировалась и к климату, и к местной пище и научилась быть ко всему готовой, а пограничники не чинили ей никаких препятствий, так как знали о цели ее путешествия. Самое неприятное случилось в конце пути — в Танзании на нее напали трое бандитов, отнявшие сумку с личными вещами и документами. Тем не менее, вернувшись, Случевская

задумала на будущее новый, еще более опасный маршрут: Марокко, Мали, Мавритания и Сенегал...

География интересов путешественниц расширяется. Этому способствует и развитие транспорта в разных частях света. Теперь в распоряжении женщин находятся не только пароходы и железные дороги, но и самолеты, автомобили и... велосипеды.

Так, 80-летняя Линет Дальмоосо из Франции на велосипеде проколесила через всю Европу, затем отправилась в Азию и Африку. Посетила Дальмоосо и Россию, где ее шуточно, но с полным на то основанием называли... правильно, «лягушкой-путешественницей».

Но разве дело в названии? □

Несущая свет

Евгения Гордиенко

Keep Calm and Carry On.
«Сохраняйте спокойствие и продолжайте делать свое дело». Этот девиз, появившийся в Великобритании только в 1939 году, с началом Второй мировой войны, как нельзя более точно описывает жизнь женщины, жившей почти на сто лет раньше. Невзирая на осуждение общества и родных, невзирая на государственные препоны, полностью игнорируя то, чего от нее ожидали, она сохраняла спокойствие и продолжала делать свое дело. Упорно и упрямо. С истинно английским достоинством и с таким же английским чувством юмора. Хотя профессия ее, безусловно, к юмору не располагала. Флоренс Найтингейл — первая в мире сестра милосердия. Женщина, изменившая эту профессию и отношение к ней. «Леди с лампой», несущая свет

ДОБРОПОРЯДОЧНАЯ ЛЕДИ

Родившаяся в семье аристократической и довольно богатой, Флоренс (свое имя она получила в честь Флоренции, где родилась во время затяжного свадебного путешествия родителей) могла вообще никогда в жизни не задумываться о такой вещи, как работа. Как и положено девушке викторианской эпохи, она должна была получить образование

ства молодой человек вел себя довольно развязно. Не желая становиться только лишь женой и матерью (сказывалось полученное образование), Флоренс разорвала помолвку, тем самым потеряв подругу, но обретая свободу.

Мистер и миссис Найтингейл, разумеется, не были в восторге, но отказ дочери от одного конкретного бракосочетания еще ни о чем не говорил. В конце концов, женихов в Англии в

П

осещая однажды приют для больных бедняков, Флоренс поразилась тому, в каком положении находились эти люди. Попасть в такую больницу было для бедняков худшим из наказаний, ведь тут вылечить не могли, могли только продлить дни до отправки на кладбище

(и получила, причем отменное, такое, какое получали в те времена только мужчины), блистать в свете (и блистала — правда, довольно недолго), найти себе подходящую партию, выйти замуж, родить и вырастить детей и благопристойно доживать оставшуюся жизнь в окружении таких же благопристойных кумушек. Вот с этим у Флоренс и не сложилось.

Партию найти она бы могла, тем более с таким приданым, какое было за ней предложено. Да и внешне девушка была вполне миловидной. К юной мисс Найтингейл неоднократно сватались, однажды она даже дала согласие на брак — с кузеном одной из подруг. Однако ее остановило то, что уже во время сватов-

те времена было достаточно. К ней сватался даже будущий успешный политик и писатель Ричард Милнс, однако и он получил отказ.

Все дело в том, что Флоренс уже захватила страсть совсем иного рода — желание помогать людям. И тут родители и лондонский свет были бессильны.

Посещая однажды один из приютов для больных бедняков (это тоже входило в обязанности добропорядочной молодой леди), Флоренс поразилась тому, в каком положении находились эти люди: все больные — заразные и незаразные — содержались вместе, вместо кроватей у них были только тюфяки из неоднократно использовавшейся соломы, а си-

делки ничем не помогали больным. Попасть в такую «больницу» было для бедняков худшим из наказаний, ведь вылечить тут не могли, могли только продлить дни до отправки на кладбище.

Все это возмутило Флоренс. Но поскольку она была натурой деятельной, ее возмущение вышло за рамки обычных девичьих оханий. Она тут же объявила семье, что собирается пойти работать сиделкой в больницу для неимущих.

Дома, конечно, разразился скандал. У матери Флоренс случился инсульт, а отец перестал с ней разговаривать. Однако девушка все равно поступила по-своему и проработала в больнице целый месяц. Общество отвернулось от нее, ее перестали приглашать в приличные дома, же-

нихов больше не наблюдалось. Но какое все это имело значение, если она нашла то, чему захотела посвящать всю свою жизнь?

СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ — НОВАЯ ВЕРСИЯ

До появления Флоренс Найтингейл профессия сиделки была не только не уважаемой, но даже презираемой. Как правило, в сиделки шли совсем уж опустившиеся женщины, пьющие, не имеющие никакой другой возможности заработать себе на жизнь. Помощи больным от них было мало, так как никакой квалификации эти женщины не обладали. И Флоренс Найтингейл решила полностью изменить эту систему.

Флоренс Найтингейл на почтовых марках, банкнотах, наградах

Однако просто так взять и изменить систему в Англии, стране, чье второе имя — Традиция, не так-то просто. Поэтому она отправилась за границу: сначала в Германию, в монастырь протестантских монахинь, а затем во Францию, в общину католических сестер имени Винсента де Поля. Ей пришлось это сделать, потому что соратницы по вере — протестантки — не захотели изменять привычный уклад. А вот французские католички оказались открыты к новым идеям, и Флоренс принялась за дело.

Она разработала свой собственный метод ухода за больными и совершенствовала его всю жизнь. Принципы ее были просты, и сегодня многие вещи кажутся нам очевидными, однако в те времена они были в новинку. Так, например, мисс Найтингейл ратовала за соблюдение строжайшей чистоты в палатах, проветривание помещения, режим питания, карантин для заразных и, главное, — за внимательное отношение к самим больным, их чувствам, жалобам и пожеланиям.

После того, как она претворила свои идеи в жизнь, смертность больных в госпитале при общине като-

лических сестер уменьшилась в два раза.

Об этом успехе узнали в Лондоне и пригласили Флоренс вернуться на родину. Она с радостью согласилась, тем более что ей предложили занять место, на котором она смогла

бы воплощать свои идеи в жизнь, — главной смотрительницы столичного лечебного заведения для обедневших дворянок, под личным patronажем Ее Величества, королевы Виктории.

Флоренс с упоением трудилась, разрабатывала методики ухода за больными, но тут в ее жизнь снова попыталась вмешаться викторианская мораль. Семейный врач Найтингейлов — доктор Сноуфилд — заинтересовался исследованиями Флоренс и мог часами общаться с ней на медицинские темы. Это сблизило их, и вскоре доктор сделал ей предложение. Найтингейлы были вне себя от счастья. Наконец-то им удастся «сбыть» тридцатилетнюю (старая

дева!) дочь, скомпрометировавшую всю семью!

Но доктор Сноуфилд имел неосторожность обмолвиться о том, что его жена после свадьбы, разумеется, оставит все свои «непристойные увлечения» — больницы, медицинские книги и прочие вещи, неподобающие матери семейства. Флоренс, для которой «непристойные увлечения» были смыслом жизни, с легким сердцем разорвала помолвку. Правда, при этом изрядно рассердила родителей, которые, сочтя это последней каплей, выгнали дочь из дому, лишив наследства.

С любовью для Флоренс, как она потом сама записала в дневнике, «было покончено».

НА СЕСТРИНСКОЙ СЛУЖБЕ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА

В 1854 году (Флоренс было уже 34) началась Крымская война. Англия тоже принимала в ней участие, а положение военных госпиталей в Турции было чудовищным. Сидни Герберт, военный министр и давний друг Найтингейл, попросил ее помощи.

О Герберте стоит сказать отдельно. Флоренс познакомилась с ним, будучи совсем юной девушкой. Они сразу понравились друг другу, но ни о чем большем не могло быть и речи, так как Герберт был уже женат. Несмотря ни на что, свою нежную дружбу они сохранили на всю жизнь.

Ф

лоренс разработала свой собственный метод ухода за больными. Принципы ее были просты, и сегодня многое кажется нам очевидным, однако тогда это было в новинку. Например, мисс Найтингейл ратовала за соблюдение строжайшей чистоты в палатах, за режим питания, а главное — за внимательное отношение к больным

Возможно, именно из-за него мисс Найтингейл так никого и не пустила в свое сердце...

Флоренс откликнулась на призыв старого друга и отправилась на войну. С ней поехали тридцать восемь человек — самых опытных сестер милосердия. Из них четырнадцать — о, ужас! — были католичками, что наверняка возмутило английских во-

енных чиновников. Флоренс с присущим ей юмором предложила, чтобы католички заботились только о раненых-католиках, а протестантки — о протестантах. К ее удивлению, такой вариант всех устроил, и сестры поехали в Турцию.

Увиденное поразило даже выдающуюся Флоренс. Все больные лежали вперемешку, везде была грязь,

Она стала кормить раненых мясными бульонами, в ее лазаретах царил стерильная чистота, ее сестры были вежливы с больными, периодически передвигали кровати, чтобы у больного менялся вид с постели, и он не скучал. Раненых обеспечивали книгами, старались при них не шуметь, но и не говорить шепотом, чтобы они не напрягались, пытаясь услышать что-нибудь о собственном здоровье. Флоренс почти не спала, ночами бесшумно передвигалась с лампой между кроватями, высматривая, не нужно ли раненым чего-нибудь. Такой «строгой и

В

ернувшись после Крымской войны в Англию, Флоренс стала получать огромные пожертвования и на них основала школу медсестер. После окончания школы эти сиделки становились наиболее «ценными кадрами» в больницах всей Европы

летали трупные мухи. К тому же, питание больных было столь скудным, что многие из них умирали просто от голода!

Мисс Найтингейл, однако, сохраняла спокойствие и продолжала делать свое дело. Прежде всего наладила поставки из Англии — всего, чего только можно. Позже она с горькой усмешкой писала друзьям: «Я здесь превратилась в великого торговца носками, ножами, вилками, деревянными ложками, оловянными ваннами, столами и скамьями, морковью и углем, операционными столами, мылом и зубными щетками».

святой леди со светильником в руках и мягкой улыбкой» и запомнили ее солдаты, разнеся позже славу о ней по всей Европе.

Благодаря деятельности Флоренс Найтингейл смертность раненых уменьшилась с двухсот до тридцати на каждую тысячу. Это была ее личная победа в войне.

Однако уже после войны, в Лондоне, Флоренс поняла, как сильно устала за эти два года. Она работала по 20 часов в сутки, что не могло не сказаться на ее здоровье — у нее случился инсульт, и всю оставшуюся жизнь она провела в инвалидном кресле.

ШУТОВСКИЕ КОЛПАКИ МИСС НАЙТИНГЕЙЛ

Однако не в характере Флоренс было сидеть сложа руки. Вернувшись в Англию знаменитостью, она тут же стала получать огромные пожертвования на развитие своей деятельности и на них основала школу медсестер при госпитале Сент-Томас. Это была не совсем обычная школа: сестры жили здесь на полном пансионе и даже получали карманные деньги. Взамен же от них требовали высокой нравственности и отменного профессионализма. По оконча-

нии школы эти сиделки становились наиболее «ценными кадрами» в больницах всей Европы.

Мисс Найтингейл же сохраняла спокойствие и продолжала свою деятельность. Инвалидность (как пишут исследователи, возможно, скорее мнимая, чем настоящая) позволяла Флоренс не быть на виду, не устраивать из самой себя шумихи, но позволяла принимать у себя тех, кто был ей нужен, оказывая им при этом великую честь.

Правда, в сентябре 1856 года честь была оказана самой мисс Найтингейл — ее приняла у себя коро-

*Памятник
Флоренс Найтингейл
в Лондоне*

лева Виктория. Проговорив с Ее Величеством два часа, Флоренс сказала: «Мне хотелось бы видеть такого человека, как она, в военном министерстве».

Во время Крымской войны Флоренс начала свои «Заметки о госпиталях» фразой: «Самое первое необходимое требование: госпиталь не должен причинять вреда никому из больных». И с этим трудно не согласиться. В 1860 году вышла ее книга, ставшая настольной для многих врачей: «Записки о госпитальном уходе: каков он есть, и каким не должен быть».

В течение следующих нескольких лет она в сопровождении учениц посещала Индию и по возвращении написала книгу «Как люди могут выжить в Индии». Согласитесь, сама постановка вопроса немало говорит о чувстве юмора мисс Найтингейл.

Ее книги пользовались большим спросом у читателей, несмотря на обилие цифр, таблиц и диаграмм, которыми Флоренс была очень увлечена. Ей казалось, что в таком виде информация становится гораздо более убедительной. Круговые диаграммы, начерченные ею для того, чтобы убедить армейское начальство в необходимости реформы военных госпиталей, она называла «мои шутовские колпаки».

К тому времени Флоренс удалось помириться с родными — теперь ее уже не считали «позором семьи». Она пережила всех своих близких и к концу жизни хотя и не была одинока — ее ученицы ухаживали за ней

до последнего дня, — но чувствовала себя «зажившейся» на этом свете. Флоренс Найтингейл скончалась в возрасте 90 лет.

же будучи известной, Флоренс, наконец, помирилась с родными, теперь ее больше не считали «позором семьи». Она пережила всех своих близких и, хотя к концу жизни не была одинока — ученицы ухаживали за ней до ее последнего дня, чувствовала себя «зажившейся» на этом свете. Скончалась Найтингейл в возрасте 90 лет

Ее деятельность оставила огромный след в истории не только Англии, но и всего человечества: именно при ней медицинские сестры перешли из раздела «прислуга» в раздел «медицина». Именно она первой из женщин получила от английского короля орден «За заслуги». Именно в ее честь Лига международного Красного Креста учре-

дила медаль как высшую награду сестрам милосердия. Именно ее портрет — единственной из медиков — печатается до сих пор на десятифунтовой купюре. Именно она создала всю ту систему ухода за больными, которой мы пользуемся до сих пор. Вот так: сохраняя спокойствие и продолжая делать свою работу. □

Душистая
СИМФОНИЯ
ЖИЗНИ

Моя жена долго искала в продаже французские духи «Шанель № 5», но не нашла их и купила духи отечественные. Я взгляделся в марку на флаконе, прочел название фирмы:

— «Новая заря»! Поздравляю. Вполне возможно, эти духи ничуть не хуже французских.

— Разве? — удивилась жена.

Я показал ей снимки двух бюстов, мужского и женского, работы скульптора Анны Семеновны Голубкиной, что ныне выставлены для обозрения в Третьяковской галерее.

— Ты ничего не знаешь об этих людях?

— Нет.

— Между тем, они оба имеют прямое отношение к тем духам, которые ты купила. Очевидно, мне придется рассказать тебе одну историю. Вернее — историю одной жизни...

Старый парижский мыловар Атанас Брокер имел на улице Шайо крохотную лавчонку, где торговал помадой для волос и туалетным мылом.

Было лето 1859 года, когда, задумчиво раскурив трубку, он пожелал говорить с сыном Генрихом.

— Из Ландервилля пишут, что скончался твой дед, почти сто лет вдыхавший винные пары Бургундии и Шампани. Тебе, мой сын, всего двадцать, а ты уже нанюхался всякой дряни, из которой мы извлекаем ароматы... Слушай! Париж давно испорчен такими благовониями, которые лучше бы называть вонью. Помнишь, как мы пустили в котел для варки мыла свежий конский навоз и выручили с этого дерьма немало? Ты неплохой химик, а из Москвы приехал парфюмер Гика, ищущий ученого лаборанта. Благословляю тебя. Поезжай.

— С чего лучше начинать мне, отец?

— Начни с мыла. В этом поганом мире еще не все люди благоухают цветами, зато каждый бродяга хоть раз в жизни должен помыться с мылом, чтобы не выглядеть свиньей...

Константин Гика спросил молодого Брокера:

— Как величать вас в Москве?

— Меня зовут Генрихом, я сын Анастаса.

— Значит, в Москве станете Генрихом Афанасьевичем...

Москва встретила француза сугробами, окриками лихачей, трубными возгласами военного оркестра, игравшего возле дома генерал-губернатора. Молодой человек был сообразительным и, работая лаборантом, присматривался, что может дать ему Россия, и что он способен дать России. Его даже обрадовало, когда он узнал, что крестьяне в деревнях считают кусок мыла «барской прихотью», хотя множество бань в Москве и провинции убеждали Брокера в давней чистоплотности русского простонародья. Гика никак не мог заполнить мылом пустующий рынок России, но в Москве уже набирала мощь парфюмерная фирма Альфонса Ралле.

Генрих Афанасьевич еще не овладел русским языком и потому охотно навещал вечерами мага-

зин хирургических инструментов на Никитской улице, который содержал бельгиец Томас Равэ, — с ним можно было отвести душу в болтовне на французском...

Равэ долго жил губернатором в провинции, имел похвальные аттестаты от господ Щетинина, Тютчева и Кашпиревых. Но однажды в магазине Равэ послышался с лестницы шелест женского платья, и приятный девичий голос спросил:

— Папа, почему у нас так пахнет цветами?

— Иди сюда, моя прелесть, — велел Равэ, — ароматы принес мосье Брокер, занятый в парфюмерии... Это моя дочь Шарлотта, — сказал Равэ, когда девушка спустилась в магазин.

Шарлотта Андреевна (хотя отца ее звали Томас) родилась в России и другой жизни, кроме русской, не знала. Она считала себя русской, любила русскую поэзию, боготворила Пушкина. Брокер ей, кажется, понравился. Она увела его в девичью «светелку», показала альбомы, в которые от руки переписывала «Бориса Годунова», украшая пушкинские строки своими акварельными иллюстрациями. Но, беседуя с Шарлоттой, Брокер догадался, что сердце девушки уже занято любовью к известному певцу, умевшему покорять женщин божественным тенором.

— Завтра мой папа устраивает музыкальный вечер, — сказала Шарлотта, — и я буду рада, если вы разделите мои восторги от голоса этого певца... Ах, как он поет!

— Я приду, — сухо раскланялся Брокер.

Он пришел с громадной корзиной фиалок и посоветовал Шарлотте поставить ее на крышку рояля.

— Это вам и... вашему певцу, — многозначительно произнес Брокер. — Надеюсь, запах этих дивных цветов усилит вокальные способности вашего любимого тенора.

Тенор с позором бежал из дома Равэ, не в силах взять голосом ни единой высокой ноты. Шарлотта сказала Брокеру:

— Оказывается, вы не только химик, но еще и колдун.

— Тайна моего ремесла, — отвечал Брокер...

Он-то, как парфюмер, хорошо знал, что запах фиалок способен разрушить гармонию голосовых связок (о чем, кстати, ему не раз говорили старые опытные певцы). В лаборатории Брокер втайне от хозяина Гика скоро изготовил эссенцию, способную делать запахи более устойчивыми. Наконец он решился просить у Томаса Равэ руки его дочери.

— Видите ли, — отвечал Равэ, — мои дела идут хорошо, а я человек практический, и мне сразу хотелось бы знать, каково будет обеспечение моей дочери с вашей стороны.

Духиная
**СИМФОНΙΑ
ЖИЗНИ**

— Я получаю сто двадцать рублей в месяц.

— Этого мало, — вздохнул Равэ. — Вы же сами понимаете, что моему сокровищу требуется более дорогая оправа...

Брокер срочно выехал на родину, где процветали давние парфюмерные фирмы Лубена, Пионо, Леграна и Пювера, которые предложили ему доходные должности в своих лабораториях. Легран, хорошо знавший семью Брокеров, заманивал его на пост директора фабрики с годовым окладом в пять тысяч франков.

— Нет, — отказался Брокер, — я уже связан с Москвою узами сердечной привязанности и приехал... продавать!

— Вы привезли хоть кусок русского мыла?

— Я привез нечто большее...

Связавшись с фирмой Бертрана в Грассе, он продал ей секрет концентрации запаха, за что и получил 25 000 франков. С этими деньгами Генрих Афанасьевич возвратился в Москву.

— Запах нематериален, — сказал он Равэ, — но он становится даже осязаем, когда превращается вот в такие купюры.

— Вы мне нравитесь, — отвечал Равэ...

Певец с его тенором был забыт. Шарлотта заказала венчальное платье. Осенью 1862 года Брокер стал женатым человеком в возрасте двадцати четырех лет. Выбор его был правильным: Шарлотта, русская по привычкам и воспитанию, разбиралась не только в стихах, но по себе знала скромную жизнь русской провинции, ведала нужды и потребности простого русского человека.

— Мне твои химические формулы непонятны, — сказала она мужу. — Но хотелось бы знать, с чего ты начнешь?

Генрих ответил, что отец передал ему рецепт обработки кокосовых орехов для выделки «кокосового» мыла. Наконец, ему давно известен секрет получения глицеринового мыла.

— Согласна, — кивнула Шарлотта, — но прежде, мой дружок, ты бы сходил в простую русскую баню и посмотрел бы, есть ли там у кого мыло, и как русские люди парятся...

После парилки, исхлестанный веником, Брокер вернулся домой в полном изнеможении и сразу свалился на постель.

— Это чудовищно! — сказал он. — Но мыла я что-то не заметил. Русские борются с грязью вениками, которые, по моему мнению, одинаковы с ударами палаческого кнута...

Весною 1864 года Брокер открыл в Теплом переулке свою «фабрику», наняв двух рабочих — мужика Герасима и молодого парня Алексея Бурдакова, которых сразу же предупредил:

— Никаких пьяных суббот, никаких «после бани по стопочке», никаких «по случаю воскресенья» быть не должно. В нашем тонком деле обоняние не должно соприкасаться с алкоголем.

— Не жисть, а каторга, — мрачно изрек Герасим.

— Где наша не пропадала! — весело согласился Алексей...

Русские спросили Брокера, что такое «парфюмерия»?

— З а п а х, — пояснил им Брокер...

Юных пианистов учителя били линейкой по пальцам:

— Играй, играй, играй... во что бы то ни стало!

Брокер вспоминал подзатыльники отца:

— Нюхай, нюхай, нюхай... и запоминай запахи!

...Парфюмерия, как и музыка, принадлежит к древнейшему виду искусств, а парфюмер больше всего похож на композитора, который фантазирует, сочетая различные ароматы, словно раскладывая музыку по нотам. Запах человека и его одежды как бы дополняет внешность самого человека, особенно — женщины.

Еще на заре человечества люди очень активно реагировали на все запахи, приятные для них или пугающие новизной, так развивалось пятое чувство — обоняние. Из глубин веков дошли до нас первые благовония, сохранившие ароматы древности в усыпальницах египетских фараонов. Библейская Суламифь, соблазнявшая Соломона, плясала перед ним, излучая ароматы возбуждающих масел, пропитавших ее гибкое тело. В древних Афинах любая красавица знала, что руки должны пахнуть мятой, а лицо — пальмовым маслом. Изнеженные патриции гордого Рима буквально купались в благовониях, они опрыскивали ими не только свою еду, но даже улицы, по которым должен проехать император.

Города средневековья погибали среди отбросов и помойных канав, даже короли были вымыты дважды: при их рождении и перед их погребени-

Душистая
**СИМФОНИЯ
ЖИЗНИ**

ем. Женщины не ведали даже примитивной гигиены и, чтобы заглушить неприятный запах, окружали себя сильно пахнущими духами, вплоть до резкого мускуса, а путники той мрачной эпохи, еще не видя города, догадывались о его близости по запаху духов и помоев. Алхимики искали не только «секреты» золота и фарфора, но составляли остро пахнущие мастики и эссенции, не боясь смешивать воедино мочу младенца с настойкой из лепестков герани, порошок истолченных болотных жаб они перемешивали с цветами индийской пачули.

В лавках Парижа времен Екатерины Медичи открыто торговали ядовитыми духами, чтобы отравить соперника или соперницу, тогдашние дамы знали, каким запахом привлечь кавалера, а какие духи способны вызвать в мужчинах отвращение. Генрих Наваррский, зная об этих тонкостях, заклинал свою метрессу Габриэль де Эстре: *«Совсем не мойся, моя драгоценная: я буду у тебя не раньше, чем через три недели...»* По аромату духов можно было определять сословное положение человека, ибо простая швея не имела права пользоваться духами, какие употребляла маркиза. Мода на запахи менялась, как и мода на одежды, и самые знатные дамы в понедельник благоухали иначе, нежели в субботу.

В 1608 году флорентийские монахи завели первую в мире парфюмерную фабрику. Еще через сто лет появилась «кельнская вода», и эта «вода» стала провозвестником знаменитого русского «Тройного» одеколona. Французская революция подарила миру духи под названием «Гильотина», а Бонапарт именовал духи своими победами при Маренго и Аустерлице. Кстати, Наполеон был большим франтом: даже в 1812 году, отправляясь в грабительский поход на Россию, он тащил за собой громадный чемодан, набитый духами, помадами и притираниями, одной только «кельнской воды» он расходовал в день по два флакона...

Генрих Афанасьевич начинал все-таки с мыла!

Однажды он дал Шарлотте понюхать парижские духи «Почему я люблю Розину», а сам высморкался в платок, опрысканный духами «Я настоящий мужчина». Он сказал жене, что никак не ожидал встретить в России столь сильную конкуренцию:

— Альфонс Ралле со своими духами давно популярен среди московских барынь, в Петербурге набирает силу фабрика Жоржа Дюфтуа, а я... Каков бы я ни был композитор ароматических фантазий, но я способен сейчас производить только мыло.

Фабрика А. Ралле теперь называется «Свобода», фирма Ж. Дюфтуа — это «Северное сияние» в Ленинграде, а будущая «Новая заря» самого Брокера начинала жизнь в подвале дома Фаворских, где на жаркой плите стояли две кастрюли, в них булькало густое и противное варево, должное стать средством для омовений. В конце рабочего дня на столе раскладывали дневную норму, от двадцати до ста кусков мыла. Потом Алексей или Герасим грузили товар на санки и развозили его по заснеженной Москве:

— Эй, не надо ль кому хорошего мыла от Брокера?

— Катись далее, — отвечали купцы в лавках. — Мы уже закупились мылом от Ралле, и нам твою мыльца не надобно...

Вечерами, стесняясь, Брокер отдавал жене два или три рубля дневной выручки. Шарлотта оказалась практичнее мужа:

— Мылом тоже можно забить конкурентов! Подумай сначала о детском мыле. Дети не любят умываться, значит, мыло должно быть нарядной игрушкой, чтобы умывание стало для них приятной забавой. Подумай о мыле для простого народа. Русский мужик повезет твое мыло с базара, чтобы дарить его своим домочадцам вроде гостинца, и прежде всего им должны любоваться.

— А как это сделать? — спросил Генрих Брокер.

— Так и делай... Для детворы мыло пусть имеет форму зверушек, медвежат или зайчиков, а мыло для крестьян делай похожим на красную морковку или зеленый огурец. Если кто по ошибке и попробует его на зубах — только посмеются! Но главное условие, — властно диктовала Шарлотта Андреевна, — чтобы любой кусок детского или народного мыла стоил никак не дороже одной копейки... Именно одна копейка принесет миллионы!

Брокер пустил в продажу «копеечное» мыло, и для него даже не потребовалось рекламы: детское мыло радовало детей, а мыло в форме огурцов расходилось по самым глухим деревням. Из копеек складывались тысячи рублей, и скоро пришлось выбираться из подвала дома Фаворских на другое место. Брокер оставил Герасима рабочим, номышленого

Алексея Бурдакова он ввел в свой дом. Между ними состоялся серьезный разговор.

— Алеша, — сказал Брокер, — я поеду на Нижегородскую ярмарку, а ты останешься главным. Я решил передать тебе рецептуру кокосового и глицеринового мыла, завещанную мне еще отцом. Теперь стоит подумать о туалетном мыле ценою до пяти копеек. Я займусь приданием ему должных ароматов, а ты при варке мыла добивайся его нежной прозрачности...

Скоро появились красочные этикетки для помад и мыла, доходы росли, Брокер перевел фабрику на Зубовский бульвар, затем переехал на Пресню, но скоро и там сделалось тесно. Понадобились цеха для размещения паровых машин и громадных котлов, некуда было складывать громадные поленицы дров, пожираемых печами. Теперь на фабрике трудились уже тридцать человек. Многие из этих ветеранов намного пережили хозяина, и среди них еще недавно проживал в Москве на пенсии «парфюмер №1 в СССР» Павел Васильевич Иванов, часто вспоминавший Брокера:

— Генрих Афанасьевич вставал раньше всех, с шести утра он трудился в лаборатории. Человек был сухой, зато справедливый, и к нам, работникам, относился хорошо. На фабрике полно разных спиртов, но никто даже лизнуть не смел. В этом деле хозяин был строг: чуть заметит кого с похмелья, сразу выставлял за ворота фабрики... Сам труженик великий, он терпеть не мог всяких лентяев, лодырей и сразу выпроваживал их на улицу.

Брокеру и самому нелегко бывало устоять в сделках с купцами, закупавшими у него товар для ярмарок. Словно сошедшие со страниц комедии Островского, осмеянные в рассказах Горбунова и Лейкина, эти замоскворецкие Тит Титычи и Карпы Карпычи в сапогах звали Брокера бутылками «спрыснуть дельце»:

— Закатимся до утра к «Яру», арфисточек молоденьких позовем, али поглядим, как цыганки пляшут... Не хошь? Тады в баню закатимся, Шампанью поддадим на каменку. Покедова нам мозоли срезают да догти стригут ножницами, мы коньячком побалуемся. Тоже не хошь? Ну, хоша бы в шашки с нами сыграй, мы твою «дамку» в «клозет» усадим... Окажи нам почтение!

Осенью 1869 года Брокер перевел фабрику за Серпуховскую заставу, где она потом раскинулась на весь квартал и на этом месте сохранилась до нашего времени. Духи оставались роскошью, парижская фирма Лубена не сходила с уст русских модниц, но Брокер уже много лет работал над созданием русских духов. А пока он выпустил на рынок «Цветочный» одеколон, заполнивший русские магазины. Завидуя успеху Брокера, парфюмеры стали выпускать подделки, столичные бонвианы, надушившись брокеровским одеколоном, растрясали свои платки перед дамами:

— Разве я стану употреблять эту русскую дрянь? Нет, я пользуюсь исключительно парижским одеколоном по названию «Садик моей возлюбленной»... Понюхайте, мадам, каково?

Шарлотта Андреевна, лучше мужа изучившая русские вкусы и запросы российского рынка, всегда окруженная коммивояжерами из провинции, художниками с эскизами оберток и наклеек, умело руководила сбытом помад, кремов, пудры, мыла и одеколонов. Бывая наездами в Европе, Генрих Афанасьевич отписывал жене из Парижа, что здесь все чертовски подорожало и «вообще здесь работать было бы гораздо труднее, нежели в России... сорта здешних мыл, — сообщал он, — находятся на весьма невысоком уровне, и у нас в России вырабатываются гораздо лучшие и тонкие мыла. Вот видишь, каким гордым я стал!»

Метался он по Европе не ради отдыха, вынюхивая в парфюмерных магазинах самые модные запахи, которые оставались в его памяти, как нотные знаки в душе музыканта, стимулируя Брокера к новым опытам по синтезу ароматов, чтобы воссоздать новые душистые «букеты». Жена иногда спрашивала:

— Ты никогда не хотел вернуться во Францию?

— Я вернусь во Францию, чтобы там умереть, но жить и работать я могу только в России, где больше простора для творчества такого художника, каков я...

Жена сообразила, что продажа парфюмерии оптом в чужие руки торговцев сомнительна, и в 1872 году в Москве на Никольской улице открылся фирменный магазин Брокеров, где бедный человек покупал кусок «греческого» мыла, скромная чиновница долго выбирала «румяную» помаду, но иногда к магазину подкатывала коляска аристократки, капризно требовавшей:

— Не могу уснуть без парижских саше.

— Извините, мадам, у нас только московские...

Брокер, мастер на все руки, выделявал и «саше»: особые подушечки, которые прятали на ночь в белье или в постели, чтобы их ароматизировать миндалем и ванилью, лавандой и розами. А когда Москву навестила герцогиня Эдинбургская, Брокер поднес гостье из Англии букет из роз, ландышей, фиалок и нарциссов. Герцогиня не сразу поняла, что все цветы были вылеплены из воска, но фиалка пахла фиалкой, а ландыш ландышем.

— Как вам удалось это, кудесник?

— Секрет моей фирмы, — поклонился Брокер.

— Но такого чуда нет даже в Европе!

— То, чего нет в Европе, можно найти в Москве...

Послереформенная Москва была переполнена сокровищами.

Дворянские гнезда, уже разоренные, поставляли на «толкучки» остатки прежней роскоши своих обнищавших владельцев. Среди всяческой завали иногда попадались и настоящие шедевры, достойные того, чтобы украшать лучшие музеи мира. Генрих Афанасьевич повадился навещать рынок у Сухаревской башни, где случайно купил у расхожих антикваров картины старой фламандской школы. Но однажды ему здорово повезло. За два-три рубля, даже с неохотой, приобрел он доску, покрытую старинной живописью, до того уже потемневшей, что сюжет угадывался с большим трудом. Принес домой, небрежно бросил покупку в кресло, а потом и сам уселся поверх доски. Случайно зашел знакомый московский художник, а доска под Брокером вдруг треснула.

— Генрих Афанасьевич, на чем вы сидите?

— Доска какая-то. Даже не разглядел, что тут написано.

— Позвольте глянуть... — Художник взял доску и ахнул: — Да это же настоящий Альбрехт Дюрер! Нужно только снять с него вековую грязь и как следует реставрировать...

Росло собрание картин, подрастали и дети: дочь Женечка и двое сыновей, Эмилий с Александром. Девочку он оставил нежиться с матерью, зато сыновей круто прибрал к своим рукам. С детства приучал их трудиться в лаборатории, безжалостно штудировал возле мыловаренных котлов. Брокер был строг: драл их за уши, раздавал пощечины, если сыновья, не дай бог, не могли отличить запах жимолости от настойки плюща, если путали аромат бразильского дерева с удушливым майораном.

— Балбесы! — злился Брокер. — Парфюмерия — это творчество, а вдохновение парфюмера может создавать волшебную симфонию ароматов. Как в музыке существуют отдельные тональности, так и парфюмер выделяет нужные гаммы запахов. Разве острый диссонанс резеды или мускуса не напоминает вам удар в боевые литавры? Наконец, подобно живописцу, выделяющему яркое пятно на картине, я годами бьюсь над тем, чтобы создать духами то настроение, какое определит благородное поведение человека... Увы, — горестно заключал Брокер, — мы знаем имена художников и композиторов, но еще никто не аплодировал мне как автору очаровательных духов.

Парфюмер, по мнению Брокера, способен управлять настроением публики: дурной запах раздражает, а хороший повышает здоровую энергию, вызывая в человеке творческие эмоции.

— Напрасно смеетесь, — обидчиво говорил Брокер. — Недаром же великий поэт Байрон окуривал себя запахом трюфелей, а парижские писатели жгут в своих кабинетах индийские благовония. Я уверен: производительность труда даже простого рабочего сразу повысится, если в цехах заводов не будет вонищи, а воздух наполнится ароматом левкоев и глициний...

Брокеры открыли второй магазин на Биржевой площади, и тут пришлось звать полицию, ибо громадная толпа угрожала разрушить двери и разбить витрины, чтобы проломиться до прилавка. Дело в том, что Шарлотта Андреевна придумала небывалый сюрприз. Всего за один рубль продавались «наборы»: в элегантной коробке были уложены сразу десять парфюмерных изделий с одинаковым ароматом (духи, одеколон, пудра, кремы, саше, помады и прочее). Успели продать только две тысячи наборов, после чего полиция, вся в запарке, велела закрыть магазин, не в силах справиться с напиравшей толпой.

— Это уже успех, — ликовала Шарлотта Андреевна.

— Нет, это уже слава, — отвечал муж...

Много лет подряд Генрих Афанасьевич ставил в лаборатории химические опыты, стараясь извлечь из растений нужный аромат со сложным «букетом», запах которого удовлетворял бы всех мужчин и женщин, доступный для самой разнородной публики.

— Нужен и приятный, и дешевый, — говорил Брокар.

Так сложилась гамма «Цветочного» одеколона, ставшего «гвоздем» на Всероссийской промышленной выставке в Москве. Фирма получила золотую медаль, а Брокар отпраздновал это событие пуском фонтана из «Цветочного» одеколona — для всех! Снова понадобилась полиция, ибо, когда фонтан заработал, публика словно обезумела: женщины мочили в струях одеколona шляпы и перчатки, а мужчины, потеряв стыд, окунали в бассейн фонтана свои пиджаки. Формулу «Цветочного» одеколona Брокар хранил в строгом секрете, но скоро в стране появились подделки.

— Вот и отрыжка славы! — точно определил Брокар...

Подделывали не только аромат. На флаконы клеили поддельные этикетки, точно копировали коробки и даже форму хрустальных флаконов. Брокару пришлось завести особое клеймо, похожее на почтовую марку, которое не могли фальсифицировать. С давних пор Брокар работал над созданием духов, способных конкурировать с наилучшими в мире — парижскими! Казалось, он был уже близок к цели: русские духи получали золотые медали на выставках в Бостоне, в Антверпене и, наконец, на Международной выставке в Париже, этой нерушимой цитадели всемирной парфюмерии... Генрих Афанасьевич впал в отчаяние.

— Никакие медали не помогают! — сказал он жене. — Ничто не в силах убедить русскую публику, что отечественные духи не хуже, а, напротив, даже лучше парижских...

«Цветочный» одеколон прочно завоевал всероссийский рынок, годовая выработка флаконов перевалила уже за миллион штук, а вот духи Брокера по-прежнему томилась на прилавках, ибо женщины соглашались даже переплатить за духи фирмы Лубена, не доверяя духам русской выделки. Генрих Афанасьевич воспринимал это как бедствие, от огорчения он даже расхворался.

Шарлотта Андреевна, зная о причинах его расстройства, долго думала, чем бы помочь мужу. Наконец пригласила на чашку чая Алексея Ивановича Бурдакова, который из прежнего парня Алеши превратился в солидного господина при золотой цепочке поверх бархатного жилета. Крепкий русским задним умом, он стал доверенным лицом фирменной хозяйки. Смелой рукой налил себе коньяку, закусил птифуром и приготовился слушать.

— Алеша, — сказала ему Шарлотта Андреевна, — с духами прямо беда! Наши дамы гоняются за парижскими, платя за них втридорога, а наша фирма выпускает духи с более тонким и стойким ароматом, наконец, русские духи намного дешевле. Однако наши дуры не верят, что русские способны соперничать в качестве с фирмами Пино или Лубена... Как быть? Думал ли ты об этом?

— И не раз, Андреевна. Есть у меня мыслишка одна, да боюсь, что Генрих Афанасьевич не согласится.

— А мы ему ничего не скажем. Все останется между нами...

Сообща они решились на публичную провокацию. Партию дорогих духов от Лубена, обложенную на таможенных высокой пошлиной, они разлили по флаконам фирмы Брокера, а духи своей фабрики продавали во французских флаконах. Настало тревожное ожидание результатов, и поначалу все было тихо.

— Началось! — возвестил однажды Бурдаков. — Лубеновские духи в наших флаконах никто не берет, зато все глупое бабье кидается на наши духи во флаконах парижских. Иные-то дамы даже скандалят в магазинах, возвращая обратно наши духи, иные требуют назад свои деньги, не догадываясь, что ругают-то не наши, русские, а именно лубеновские духи...

После этого фирма Брокер объявила в газетах о своем умышленном обмане покупателей, чтобы доказать, к чему приводит излишнее преклонение перед иностранным товаром, тогда как русская марка ничуть не хуже европейской. Скандал был велик, но, кажется, именно такого скандала и добивалась Шарлотта Андреевна, чтобы поставить все на свои места. Вскоре после этого случая Брокеры справили «серебряную свадьбу». Генрих Афанасьевич поднес жене скромный флакон с новыми духами.

— Спасибо. Надеюсь, ты придумал им название?

Духи
**СИМФОНИЯ
ЖИЗНИ**

— Какой же композитор выносит на суд публики симфонию, не имняя ее? Понюхай — это «Персидская сирень».

Духи с таким названием обошли все европейские столицы, завоевывая золотые медали на выставках, признанные чудом мировой парфюмерии... Брокер посетовал жене:

— Неужели это был мой последний аккорд?

Всем обязанный щедротам России, Брокер хотел бы, наверное, расплатиться с нею за все то доброе, что получил на родине жены и своих детей. Думается, потому он и сам отвечал добром на труд рабочих фабрики «Брокер и К», часто жертвовал немалые деньги на развитие русской археологии, делал богатые вклады в Общество московских библиографов.

Человек скупой, как все французские буржуа, Генрих Афанасьевич не жалел денег ради обогащения своих коллекций. Конечно, его картинная галерея никак не могла равняться по своей ценности с собраниями Третьякова или Щукина, но все-таки полтысячи полотен старых мастеров фламандской, голландской и русской школы — это ведь тоже не пустяк!

Брокер самоучкой образовал свой вкус, сам определил свои исторические интересы и не упускал случая приобрести старинный шифоньер французской королевы, ценную инкунабулу или чашку мейсенского фарфора. Известный в кругу антикваров, он собрал витрину дамских и мужских серег XV века, редкостные миниатюры на кости и виды старой Москвы, скупал гобелены и ткани, часы и табакерки разных времен, набор дамских вееров и кошельков, уникальный хрусталь и стекло русских фабрик.

Генрих Афанасьевич не держал собранную им сокровищницу взаперти, ежегодно он открывал двери своего дома, чтобы она была до-

ступна для публичного обозрения. Наконец в конце XIX века Брокер устроил в Торговых рядах старой Москвы выставку картин своей галереи и предметов искусства прошлого, открытие которой В.А. Гиляровский почтил восторженными стихами.

Выставка заняла несколько громадных помещений, а знатоки искусств не раз удивлялись:

— Бог мой! Да тут есть такие редкости, которые достойны найти место даже в императорском Эрмитаже...

Эта выставка и стала последним, заключительным аккордом в душистой симфонии жизни славного парфюмера Брокера.

В декабре 1900 года он скончался и — мертвый — вернулся на родину. Здесь он был погребен в усыпальнице местечка Провэн...

Сейчас на концертах часто звучит музыка старинных времен, давно угасших, старейшие моды одежды и дамских причесок иногда причудливо возрождаются в новых модах нашего времени, и вот я думаю: не воскресить ли нашим парфюмерам забытые рецепты духов и благовоний Брокера, какими восхищались наши молоденькие прабабушки?

А на флаконах с духами следовало бы ставить не только название фирмы, но имена авторов духов, чтобы мы знали их, как знаем имена композиторов, писателей и художников.

Будем помнить: духи для женщины — это герб ее красоты, ее привычек, ее характера, ее чудесных капризов.

Будем же уважать женщину с таким гербом!

Духи создают образ привлекательной женщины, желающей любить и быть любимой. Недаром же еще в древнейшем Шумерском царстве красавицы пользовались духами под названием «Приди, приди ко мне...»

Разве это слова? Нет, это ведь тоже музыка... □

«Мой знак зодиака — Скорпион, а они съедают себя и сжигают изнутри. Я порхаю между счастьем и тайнами. Я и ханжа, и еретик в одном лице. Я говорю, что думаю, не притворяюсь и готова принять все последствия своего поведения...»

Вивьен Ли

Унесенная Я Денис Логинов ВЕТРОМ

Вряд ли можно считать случайностью то, что фильмы, в которых эта актриса сыграла свои наиболее яркие и удачные роли, носили знаковые названия: «Унесенные ветром», «Клеопатра», «Трамвай "Желание"». Все эти названия очень точно передавали импульсивность и темперамент ее дарования, а роли были настолько сильными, что жили своей собственной жизнью и отняли значительную часть здоровья и жизни актрисы.

Хрупкая, изящная, с большими, чуть приподнятыми к вискам глазами, она была кумиром миллионов женщин и объектом обожания миллионов мужчин во всем мире. Ей поклонялись, ей подражали, ей завидовали. И почти никто не знал, какой ад таился в душе этой женщины, какие бури бушевали в ней с юности и, в конце концов, убили. Тем более что внешне ничего не предвещало трагической развязки, скорее, наоборот...

Настоящее имя великой английской актрисы — Вивиан Мэри Хартли. Она родилась в Индии, в Даржилинге 5 ноября 1913 года в семье офицера колониальной армии Эрнеста Хартли и его жены Гертруды. Так как Гертруда была женщиной строгих правил и ревностной католичкой, она не смогла вытерпеть ветреного характера супруга и через несколько лет, не оформляя развода, увезла Вивиан в Англию, навсегда разлучив с отцом, где отдала дочь на воспитание в монастырь на целых восемь лет.

Девочка билась в истерике, просилась домой, но ничего не помогло. Жизнь в монастыре была строгой и скрашивалась... маленькими любительскими спектаклями, которые там ставили раз в год. Перст судьбы, не

*Кадр из к/ф
«Унесенные ветром»*

иначе. В этих-то спектаклях Вивьен и находила отдушину для своей вечно мятущейся души.

«Я не чувствую себя достаточно хорошо в одиночестве. Сразу становлюсь беспокойной. Я должна делать разные вещи. Я очень нетерпеливая личность».

Вивьен все время, проведенное в монастыре, мечтала о семье, о доме,

о том, чего была лишена из-за матери. Поэтому сразу по выходе из монастырского заточения она вышла замуж за адвоката Ли Холмана, который был старше ее на 14 лет.

О знакомстве Вивьен с первым мужем вспоминают ее подруги Клер и Хилари Мартин:

«Вивьен сказала, что Ли Холман выглядит как идеальный англичанин, и что она выйдет за него замуж. На наше возражение, что он уже практически обручен, Вивьен заявила: «Это не имеет значения. Он еще не видел меня»...

Другая подруга по пансиону, леди Ламберт, писала:

«То, чего она не могла иметь, она хотела. То, что было во власти других, она тоже немедленно стремилась получить. В молодости Вивьен отличалась безжалостностью, которая доходила до крайности, как в большом, так и малом».

Почти одновременно с замужеством Вивьен поступила в Королевскую академию, вопреки желанию своего мужа и, конечно, матери. До последних дней беременности она умудрялась играть крошечные роли в рекламных роликах, эпизоды в кино, в театре.

Роды начались раньше срока и были трудными и болезненными. Мужа и мать Вивьен пугало явное отсутствие у Вивьен интереса к воспитанию ребенка. Предложение сниматься в кино вызвало у нее куда больше восторгов, чем рождение дочери, вся ее энергия уходила на актерскую игру. Верность супругу она хранила недолго, вскоре после начала актерской карьеры пошли первые измены. А дочь воспитывалась у бабушки, что вполне устраивало Вивьен.

Отношения с матерью — очень важный момент в ее жизни. Гертруда сама занималась воспитанием девочки, не доверяя ее няням и гувернанткам, и посвятила этому очень много времени. Особое внимание уделялось развитию умственных способностей ребенка и приучению к порядку. Перед сном мать раскладывала перед Вивьен игрушки и вещи, а девочка, отвернувшись, должна была перечислить, в каком порядке все расположено, вплоть до мелочей. До самой смерти Вивьен сохранила бытовые привычки, педантичность и аккуратность в мелочах, привитую ей с детства.

Дочь Сюзанна вспоминала впоследствии:

«Мама создала мир, в высшей степени отлаженный, но вполне уютный. Всему было свое место, свой порядок, но никто этого не замечал. Люди отдыхали, еда появлялась сама собой, но вовремя. Ничто не выходило из-под ее контроля».

Вивьен предпочитала интеллектуальные игры, шахматы, кроссворды, игры с карандашом и бумагой, шарады, пантомимы. Она умела занять гостей, обожала устраивать приемы в их поместье и была неутомимой хозяйкой.

С мужем ей повезло, он оказался очень добрым человеком, хотя строго придерживался традиций и не мог одобрить увлечение жены «актерством». Но когда Вивьен предложили сняться в незначительном эпизоде у начинающего продюсера, она поставила ему условие: или он разрешает ей участвовать в съемках, или развод. Очевидно, супруг уже достаточно хорошо изучил характер своей

хрупкой и почти неземной женушки, поскольку предпочел уступить.

Прежде всего Вивьен взяла сценический псевдоним Ли. С новым своим продюсером она стала посещать модные клубы, театральные премьеры, надеясь, что ее заметят. Надежды, наконец, сбылись — она снялась у знаменитого английского режиссера Джорджа Пирсона. Но это нельзя назвать просто везением, актриса, несомненно, обладала талантом, красотой, очарованием и, самое главное, трудолюбием.

Вскоре Вивьен стала выступать в театре «Амбассадор», и это принесло ей огромную популярность. В 1936 году самый известный режиссер того времени, Александр Корд, пригласил ее на съемки своего исторического фильма «Пламя над Англией», где она впервые лично встретила с уже знаменитым актером Лоуренсом Оливье.

Это была знаковая встреча, они полюбили друг друга и безуспешно боролись со своим чувством. В 1937 году, после триумфальной премьеры Лоуренса Оливье в «Гамлете», влюбленные приняли решение быть вместе. Еще долго Вив и Лари жили, как тогда говорили, «во грехе», так как бывшие супруги вдруг объединились и не давали им развода.

В этом же 1937 году вышел роман Маргарет Митчелл «Унесенные ветром», мгновенно ставший бестселлером. Права на его экранизацию почти сразу купил Голливуд, и он сыграл почти мистическую роль в судьбе двух влюбленных. Вивьен просила американского режиссера Селзника о пробах на роль Скарлетт, но ей было отказано, а вот Оливье получил

Вивьен Ли в детстве

вызов на съемки фильма «Как украсть миллион» и уехал в Америку. Но...

Но во время съемок сильно повредил ногу и слег. На съемочную площадку его привозили, так как ходить он мог только на костылях. Узнав об этом, Вивьен немедленно примчалась к любимому. И тут вмешался Его Величество Случай. Лоуренс познакомился с братом режиссера Дэвида Селзника Майроном, который все еще безуспешно искал актрису на роль Скарлетт. После знакомства они поехали на студию, и Вивьен с первого взгляда понравилась режиссеру.

Маргарет Митчелл, участвовавшая в подборе актеров, сразу почувствовала необыкновенное сходство Вивьен с ее Скарлетт О'Хара. «Она — моя Скарлетт... Зеленые глаза на бесконечно милом лице, беспокорные и своенравные, сияли жизнью, вступая в спор с учивой светской сдержанностью манер».

Вивьен Ли тоже считала, что роль просто создана для нее:

«Скарлетт была не из числа людей, с которыми легко ладить — то же относится и ко мне. Спокойствие мне не свойственно. Я все время о чем-то тревожусь. Я очень нетерпеливый человек и очень упрямый. Если решила что-то сделать, то меня уже не отговорить от этого. Я бросаюсь вперед сломя голову, не раздумывая. Это моя беда. Меня восхищает в Скарлетт одна вещь — ее смелость. Этого у нее больше, чем когда-либо было у меня...»

Вивьен была очень неплохим психологом, она могла найти подход к различным людям и, в итоге, почти

всегда добивалась своего. Кроме того, у нее была сильно развита интуиция и предвидение. Она говорила о том, что сыграет роль Скарлетт и, позже, Клеопатры, задолго до того, как ее утвердили на эти роли.

Но на пути к желанному контракту возникали все новые и новые преграды. Сначала муж Вивьен не хотел давать согласия на этот контракт, а затем вдруг воспротивился и Оливье, но первое препятствие устранили юристы, а второе — режиссер Селзник, напомнив Лоуренсу об отказе на предложение контракта его первой жене.

— Ларри, нельзя же быть дерьмом дважды! — сказал Дэвид.

Грубо, конечно, но ведь подействовало!

1938 год в киноиндустрии известен всемирно! 26 января 1938 года начались съемки фильма «Унесенные ветром». Кларк Гейбл не очень-то хотел играть Ретта Батлера, но после знакомства с Вивьен передумал. Уверенная в себе, влюбленная в эту роль, она считала, что никто так не понимает Скарлетт, как она, и никто так ее не сыграет. Съемки фильма закончились летом, 27 июля, и картина начала свое триумфальное шествие по миру.

В феврале 1940 года она получила несколько призов, а Вивьен Ли — «Оскара» за исполнение главной роли. Она бережно хранила статуэтку и даже прятала ее, особенно от Оливье, так как во время банкета в честь вручения «Оскара» он умудрился... выбросить статуэтку в окно. Профессиональная ревность принимает иногда самые причудливые формы даже у любящих друг друга людей.

Вивьен Ли с дочерью Сюзанной

Жена Лоуренса, актриса Джил Эсмонд, сама поняла, что семейная жизнь их стала бессмысленной, и предложила мужу развод. А вот у Вивьен все складывалось гораздо сложнее. И муж, и мать были против развода, считая, что это великий грех. Тогда актриса решилась пойти на разрыв с семьей, с церковью, с продюсером.

В Европе в это время шла война, и звездная пара осталась в Америке. Они очень хотели играть вместе, но всюду получали отказ по моральным причинам. Наконец судьба сжалилась над ними, Вивьен и Ларри получили разводы и сразу же вступили в законный брак.

И тут удача опять улыбнулась им — Александру Корд предложил паре совместную работу в его фильме «Леди Гамильтон», что позволило актерам поправить свои финансовые дела и

Первый муж Вивьен Ли — Ли Холман с уже взрослой Сюзанной

вернуться в Англию. Здесь в 1941 году и был снят любимый фильм Уинстона Черчилля «Леди Гамильтон».

Вивьен очень много работала, она ждала ребенка от Ларри, а он, закончив курсы пилотов, работал на аэродроме. Война, разруха, усталость и простуда подкосили актрису: после выкидыша она заболела туберкулезом и попала в больницу. Вивьен так и не смогла родить ребенка в браке с Оливье. В 1944 году во время съемок «Цезаря и Клеопатры», после второго срыва беременности, у нее началась глубокая депрессия, которая переросла в истерию.

Тяжелое положение в семье заставило Оливье поставить новый спектакль «Ричард III», который имел громкий успех. Эта роль принесла ему и известность, и очень высокие гонора-

Лоуренс Оливье

ры. Затем Лоуренс получил «Оскара» за фильм «Генрих V» и был на седьмом небе от счастья — наконец-то он добился того, к чему давно стремился — превзошел Вивьен.

К весне 1946 года Вивьен окончательно поправилась, но вернулась на сцену только через два года. Несмотря ни на что, успех не оставлял ее. Но из-за Оливье, который отказывался почти от всех предложений для Вивьен, она потеряла много хороших и интересных ролей.

Провал фильма «Анна Каренина» с ее участием совпал с триумфом «Гамлета» Оливье и вручением ему звания рыцаря. Это заставило Вивьен почувствовать себя всего лишь женой проваленного актера.

После получения рыцарского звания Оливье стал вообще невыносимым, заносчивым, он даже позволял

себе бить других актеров. И у самой звездной пары в тот период наступил кризис в отношениях: они совсем перестали понимать друг друга.

Но, тем не менее, продолжали работать вместе. Оливье поставил новую пьесу «Трамвай "Желание"», где Вивьен играла Бланш. Успех был оглушительным.

Тандем супругов Оливье был признан на родине самым выдающимся королевским театральным дуэтом. Имя этой четы на протяжении многих лет будет означать интеллект, красоту, вкус, могущество, равное королевскому.

Надо сказать, что Вивьен отказывалась от хороших предложений и выгодных ролей ради того, чтобы быть рядом с Ларри и работать с ним. Но сам Оливье не нуждался в их театральном союзе в той же степени, что и Вивьен. Ради нее он не отказывался от съемок в кино и от ролей в театральных постановках, был занят в основном собой и собственной карьерой.

В начале 1950-х годов Лоуренс Оливье снова отправился в Голливуд на съемки фильма «Сестра Керри» (по роману Теодора Драйзера). Вивьен Ли поехала за ним и снялась в роли Бланш Дюбуа в «Трамвае "Желание"» по пьесе Теннесси Уильямса. Эта роль принесла актрисе второго «Оскара» и окончательно расстроила отношения с мужем.

Переутомление и ссоры привели к нервным припадкам, да таким сильным, что актрису даже поместили на несколько месяцев в психиатрическую клинику. Спустя некоторое время Вивьен снова вышла на сцену и играла вместе с мужем. Они тщетно пытались

сохранить хотя бы видимость благополучия, но все уже знали, что их браку пришел конец.

1944 год можно назвать поворотным годом в жизни Вивьен, после которого приступы депрессии стали уже серьезным психическим заболеванием. На своих вечеринках она даже придумала игру для гостей — «способы убить младенца».

В сентябре во время съемок начался очередной приступ: неожиданно с искаженным от гнева лицом она стала истерически кричать на костюмершу. В этом маниакально-депрессивном состоянии Вивьен находилась несколько недель, а позже не помнила,

как себя вела, что делала, и спрашивала у окружающих, перед кем она должна извиниться.

У Лоуренса в это время начался роман с другой женщиной — актрисой Джоан Плоурайт. В день 45-летия Вивьен Оливье подарил ей шикарный «роллс-ройс» и объявил, что хочет... развода. Вивьен пережила тяжелейший удар, но, даже когда он окончательно ушел от нее, в глубине души всегда надеялась на его возвращение.

В 1960 году состоялся тяжелый бракоразводный процесс. Вивьен теперь не хватало Лоуренса не только как личности, но не хватало и всего того, что за ним стояло — ведь все

Кадр из к/ф «Леди Гамильтон»

Кадр из к/ф «Пламя над Парижем». Вивьен Ли и Лоуренс Оливье

Кадр из к/ф «Унесенные ветром»

знали их, как чету «Оливье». Она переживала не только кризис брака, но и кризис личности. Да и у самого Ларри после развода, когда Вивьен уже не было рядом, весь светский лоск быстро поблек.

А ведь задолго до начала каких-либо отношений с Лоуренсом Оливье, увидев его однажды на сцене, Вивьен объявила подруге, сидящей рядом:

— Я буду его женой!

Она действительно добилась своего, и их карьера стремительно летела вверх. Но вдруг, словно воздушный шар, лопнула и оглушила обоих. А ведь Вивьен часто жертвовала своими личными творческими интересами в угоду Ларри и их дуэту, из-за чего при жизни ее часто незаслуженно считали менее одаренной, чем Оливье.

Режиссер Элиа Казан вспоминал: «Она была актрисой от Бога, она работала над ролью инстинктивно, не привлекая сознания, за исключением тех моментов, в которых чувствовалось влияние Ларри... Многочисленные спектакли сделали Вивьен одной из самых выдающихся театральных актрис. Все отмечали ее подвижность, изменчивость, комедийный дар, ее темперамент позволял ей играть на грани нервного срыва».

Но существовало одно «но»: каждая сыгранная роль подрывала ее здоровье, она настолько вживалась в роль, что это лишало ее сил и вызывало психическое расстройство. Каждый раз, когда она играла подолгу одну и ту же роль, стоившую ей большого нервного напряжения и срывов, созданный образ потом не отпускал

ее, она даже не могла забыть строчки текста.

В периоды кризисов прошлое неминуемо давало о себе знать неожиданными и бесконтрольными проявлениями. Когда приступы приближались, Вивьен устраивала шумные приемы, длившиеся всю ночь, заставляла всех играть и развлекаться, надевала откровенные наряды и кокетничала с молодыми людьми.

Еще 7 лет после развода она играла на сцене, стараясь доказать всем — и самой себе, что еще молода, прекрасна, полна сил.

— Я буду играть до 90 лет, — говорила Вивьен.

Но силы изменяли ей все чаще. После спектаклей на Бродвее, где актриса выступала в музыкальной комедии, нередко приходилось вызывать врача. С гастролей ее привозили в Лондон на носилках.

А перед больницами Вивьен испытывала панический страх, даже когда болезнь представляла серьезную опасность для ее жизни. Боязнь перед любым квалифицированным лечением и послужила причиной ее смерти — она умерла от туберкулеза, после того, как сильно запустила болезнь, и обращение к врачам было уже бессмысленным... Это произошло 7 июля 1967 года. Она скончалась в возрасте 53 лет, в полном оди-

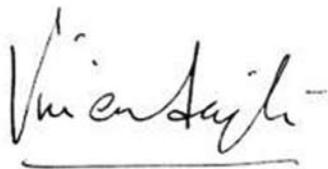
ночестве, ее нашли, лежащей на полу в своей комнате...

8 июля 1967 года во всех лондонских театрах на минуту погасли огни рамп. Актеры и зрители почтили траурным молчанием память скончавшейся Вивьен Ли. По завещанию актрисы, ее тело кремировали, а прах развеяли над озером близ небольшой деревни, в которой она жила в графстве Восточный Сассекс.

Лоуренс Оливье, всемирно известный актер, режиссер и театральный деятель, прожил долгую жизнь. О Вивьен Ли он старался не вспоминать...

Мужчина, который совершенно не способен быть верным, по крайней мере, верен себе, — оценила бы такое его поведение Вивьен.

И, как всегда, попала бы в самую точку. □

Татьяна Кушнарёва

* * *

Храм Покрова. Святых лампад мерцанье.
В очах Христа иных миров лучи.
Твой строгий профиль молча созерцаю
В скупом сиянье тающей свечи.

Любимый мой, жизнь наша скоротечна.
Миг — от рожденья до печали тризн.
Как соизмерить это слово «вечность»
С таким простым коротким словом «жизнь»?

Но если есть на этом свете слово,
Что оправдает жизнь, как плоть и кровь,
Священное, как заповедь Христова,
То имя слову этому — Любовь.

сестре Оле

Уходят близкие, покинув мир страстей,
Как будто ветер гасит пламя спички.
А мы, как прежде, ждем от них вестей
По старой устоявшейся привычке.

Уход любимых отпоеет весна,
Придут заботы и дела иные,
И только неизменно чудо сна,
Где все они опять со мной живые.

«Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь — зачем ты мне дана?..»
А.С. Пушкин

Примите жизнь, как дар напрасный,
Где дней безумных круговерть,
Где спорят черный цвет и красный,
Как жизнь и смерть, как жизнь
и смерть.

Судьба в неведомые дали
То позовет, то гонит прочь,
Где обе стороны медали,
Как день и ночь, как день и ночь.

На небеса гляжу в оконце,
Где Млечный путь, как мед, течет,
Где делят мир луна и солнце,
Как чет-нечет, как чет-нечет.

Пусть станет явью то, что снилось,
В любви и неге Божий свет.
А мы с тобой, как плюс и минус,
Как «да» и «нет», как «да» и «нет».

ЖИЗНЬ — ИГРА

Извечный спор до хрипоты.
Вся жизнь — спектакль.
Идет премьера.
Герои пьесы — я и ты.
И суетятся костюмеры,
И декоратор жжет мосты.

Полусерьез, полушутя,
В плену игры и без дублера —
На сцене только ты и я.
Без грима, света, режиссера
Играем, публику дразня.

В спектакле этом мы — шуты.
Ты царь, а я — императрица.
Я в жизни — дрянь.
Ответь, кто — ты?..
Из пьесы вырвана страница,
Из жизни — целые листы.

Ольга Займенцева

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Художница
Елена Боброва
родилась
в Омске.
В 2005-м году
она окончила
Государствен-
ный педагогиче-
ский универси-
тет, где училась
на факультете
искусств.

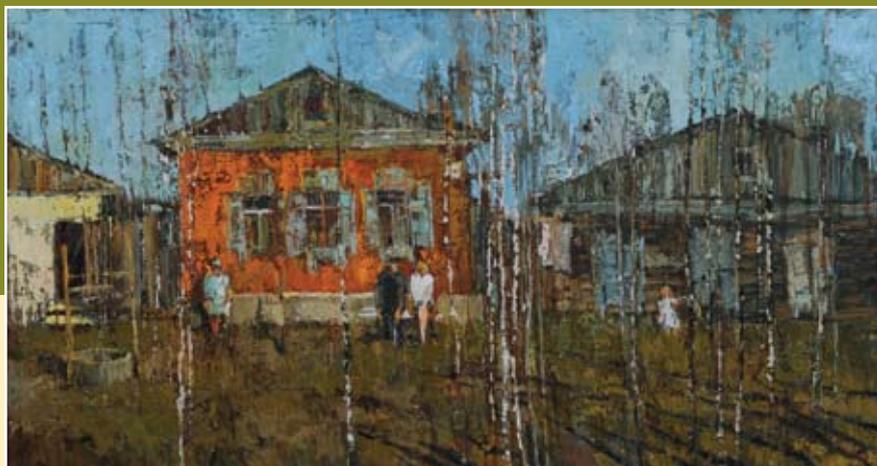
ПОСТ

Сегодня
Елена — лауреат
и победитель
многочисленных
выставок,
в том числе
IV выставки
Всероссийского
конкурса имени
П.М. Третьякова
в Третьяковской
галерее, педагог
и с 2010 года
член Союза
художников РФ

«Качели»

ИМПРЕССИОНИЗМА

...Белая иностранка с этюдником на плече устремилась в глубину улицы, маленькие китайчата тыкали в ее сторону пальчиками и шумно выражали свое удивление, некоторые бежали за ней и, обогнав, заглядывали в лицо, а взрослые пытались сфотографироваться на фоне ее удаляющейся фигуры.

«Ряженая обезьянка вызвала бы куда меньше интереса, чем я», — вздохнула художница, порядком утомленная неподдельным интересом к ней жителей Харбина. Давно русские покинули этот город, а когда-то их здесь было очень много,

«Воспоминание»

да что там, они и основали этот город. Именно в Харбин после революции 1917 года устремилась первая волна эмигрантов из России, и он стал поистине русским, с православными храмами, лавками и русскими кладбищами... Но в середине 60-х годов XX века практически все русские покинули эти места...

А вот художница Елена Боброва отправилась в эту экзотическую страну по культурному обмену за новыми впечатлениями и, что самое

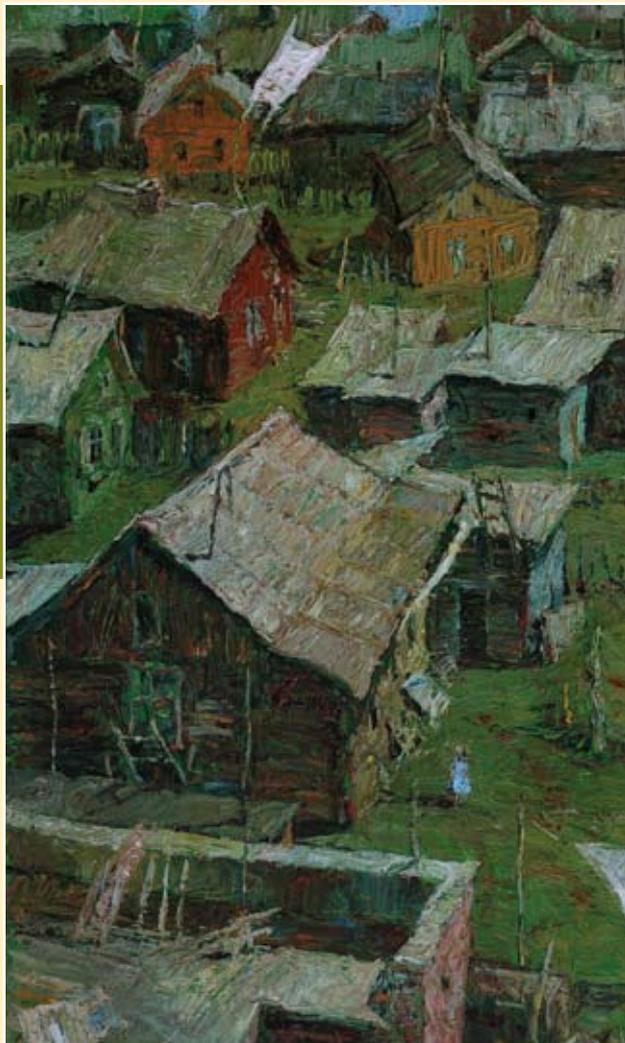
«Моя кофейная церемония»

«Дождь и город»

«Лети»

Слева: «Изумрудный город»

главное, за возможностью много писать, ведь все дорогостоящие материалы: холсты, масляные краски и прочее, предоставляла принимающая китайская сторона. Все работы, написанные в Китае, Елена

передала в дар музею «Лю Минсю», но это потом, а пока...

Уединившись и найдя подходящую натуру, она в тишине разложила этюдник, и понеслись на холсте воздушные разноцветные змеи. Крас-

«Последний луч»

«Светлый день»

ные, желтые, зеленые — цвета сошедшего с ума светофора. Этот стремительный полет сдерживают только руки людей, ухватившие их за длинные хвосты. А руку художника не сдерживал никто, и змеи парят в голубом небе, такие же свободные, как и она. В этом остановленном мгновении и устремленность, и движение, ветер и люди, тоскующие о полете и пытающиеся усми-

ритель разбушевавшихся, играющих на ветру воздушных змей.

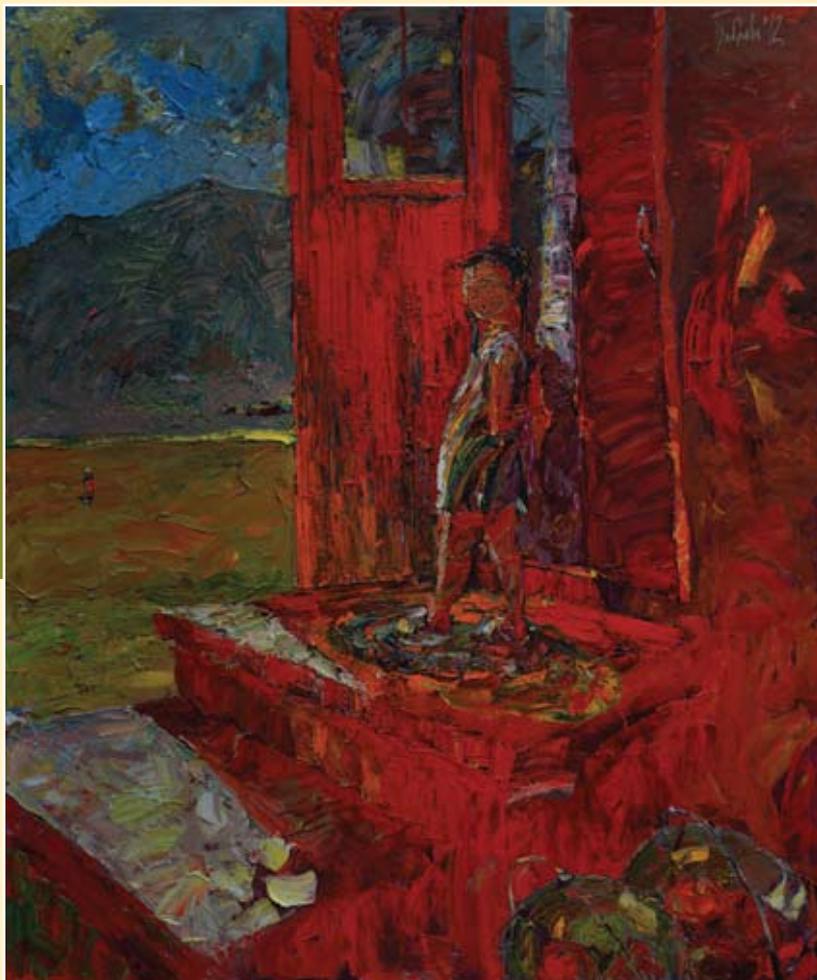
Некоторые картины Елены напоминают кадры из фильма Акиры Куросавы «Сны». Три цветущих персиковых дерева и рукотворная дорога, выложенная из камней. Кто знает, может, сам последний император Китая Пу И ухаживал за этим садом...

Потом были еще и еще картины. Не успевали представители китайской стороны подносить Елене загрунтованные холсты на подрамниках, как ее стремительная рука быстро выме-

«Reserved»

щала из поля зрения белизну грунтовки сочными красками...

Новый холст и новая тема, новые впечатления... Глядя на работы Елены, кажется, будто она мозаичное панно собирает из разноцветной смальты, и возникает ощущение, что смотришь на пейзаж из окна, по стеклу которого стекают струйки дождя. Но дождя нет, ярко светит солнце, и на холсте, словно на витраже, играют, мерцают от прелом-

ления света прекрасные пейзажи, люди и предметы.

Скоро солнечный Китай сменил родной заснеженный Омск, но и здесь работа не прекращалась. Прошли осень, зима, снова наступила весна, и на очередном полотне распустился на красном ковре с чашечкой кофе

крупный цветок, а под окном общежития зацвел куст белой сирени, крупными мазками встали зеленые зонты, чем-то похожие на пачки балерин у Дега. А еще, нет-нет, да промелькнет в пейзаже что-то от Ван Гога. Но упоминание имен великих — это не сравнение, скорее, комплимент.

Слева: «Мама»

«Свидание»

Сегодня основной своей темой Елена считает тему детства.

При теперешнем ритме жизни не успеваешь именно жить, вдыхать запахи, звуки, цвета, любить, дружить — в полном смысле слова. Наверное, попытка остановить, разглядеть вот это мгновение жизни воз-

вращает в детство, где времени не существовало.

— А детские воспоминания складываются у меня калейдоскопом — какие-то звуки, солнечные зайчики... Хорошо помню эпизоды из Молдавии (мне было года три). Моя мама родом оттуда, и мы ездили навестить

«Весна»

Справа:
«На семи
ветрах»

родственников. Я проснулась (спала я на веранде) и услышала гул голосов со двора — все уже встали и ждали только меня, а я почему-то очень стеснялась выходить. Притворяясь спящей, посматривала из-под сомкнутых век на доски пола, куда падали тени от виноградных листьев, они получались удлинённые, резкие, фактурные. Еще помню, как шли мы с папой через поле, и он мне сказал, что, если подбрасывать в небо шарики репейника, то звезд будет больше, и я добросовестно этим занималась километра два дороги. А вечером, когда мы увидели звездное небо, была абсолютно уверена, что это

моя заслуга. Возможно, обращение к детству — своеобразная тоска по чуду?

Вот на картине девочка, стоящая на красном крыльце, а за ней видны горы. Возможно, она думает, что именно потому, что строит башни в песочнице и каждый день подсыпает песок на их верхушки, горы такие высокие. Где эти горы, может быть, в Китае?

На собственной географической карте Елены присутствуют и Китай, и Кёльн, и Омск, он же Изумрудный город, а еще есть игрушечный город, но даже в нем живут люди. Эту «карту» хочется рассматривать бесконечно, и каждая картина — это но-

вая история, и в ней у каждого своя судьба...

— Мир — зеркало, я вижу в нем свое отражение и познаю себя через других людей, через каждую частичку реальности, которая для каждого конкретного человека своя.

Я очень люблю Харуки Мураками, он говорит: *«Я пишу просто потому, что отношусь к той категории людей, которые не могут ничего понять, пока не напишут это на бумаге»*. Вот и я где-то так же: это попытка фиксировать, ловить смысл, своего рода попытка высказаться. Кстати, моя научная монография именно об этом: как выстраивается мое высказывание на языке живописи.

И все же самым интересным для зрителя остаются картины Елены и самая большая загадка — как она это делает?!

Работы Елены Бобровой можно увидеть в собрании ГМИИ «Искусство Омска», в омском областном музее изобразительных искусств имени М.А. Врубеля, ГОХМ «Либеров-центр», в художественном музее живописи и графики Павлодара и Томска, в музее современного искусства «Лю Минсю» (г. Харбин, Китай), в частных коллекциях России и Германии. □

Уважаемые читатели!

С 1 февраля по 1 апреля 2013 года открыта **досрочная** подписка на журнал «СМЕНА» на 2-е полугодие 2013 года по КATALOGУ ОАО Агентства «Роспечать» — «ГАЗЕТЫ. ЖУРНАЛЫ» «Спецвыпуск» через любое почтовое отделение связи.

На оформление подписки действуют цены 1-го полугодия 2013 года.

Примерный образец каталога:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		<p>Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов</p> <p>Индекс 70820 — для остальных подписчиков</p>
---	---	---

Вся пресса в одном месте!

PRESSA.RU

Вы можете приобрести журнал в магазине «Библио-Глобус»

 БИБЛИО-ГЛОБУС
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

Ирина
Опимах

Габриэлла Мюнттер

М

*В. Кандинский.
Портрет
Г. Мюнттер*

В Мюнхене много музеев, но у этого — особенная судьба.

Ленбаххаус — под таким именем он вошел в историю мирового искусства и в историю Мюнхена — расположился в прекрасном здании в стиле итальянского ренессанса. Этот шедевр архитектуры, построенный в 1887-1891 годах по заказу местного художника Франца фон Ленбаха, был центром мюнхенских живописцев. Здесь представлены работы художников XIX столетия: Х. Шварца, Ж. Лемере, Я. Полака, Ф. фон Штука, самого Ленбаха и многих других.

И

Василий Кандинский

*Г. Мюнтер.
Портрет
В. Кандинского*

Но своей мировой славой Ленбаххаус обязан не им, а коллекции шедевров, созданных Василием Кандинским и другими участниками группы «Синий всадник». Эти сокровища попали в музей в 1957 году, когда художница Габриэла Мюнтер в день своего 80-летия, 19 февраля, преподнесла их в дар Мюнхену и Ленбаххаусу. Так музей стал памятником «Синему всаднику», а еще — памятником преданности и верности замечательной немецкой художницы Габриэлы Мюнтер своей юности, своим творческим идеалам и своей любви к одному из самых ярких художников XX века...

совсем девочкой, с родителями. Через год после рождения Габриэлы, в 1878 году, семейство переехало в Херфорд, а еще через шесть лет — в Кобленц.

Удивительное дело — в школе Габриэла больше всего не любила уроки рисования. Учитель заставлял вычерчивать с помощью циркуля и линейки скучные треугольники и круги, а кому это может понравиться? Зато как же здорово получались у нее люди! Знакомые родителей и однокашники с восторгом узнавали себя на ее выразительных рисунках!

Детство Габриэлы трудно назвать счастливым: в девять лет она потеряла отца, а спустя год умер ее любимый старший брат Август, веривший в ее художественный талант, в то, что она обязательно станет настоящей худож-

Удивительное дело — в школе Габриэла больше всего не любила уроки рисования

Габриэла родилась 18 февраля 1877 года в семье берлинского дантиста Карла Фридриха Мюнтера и его супруги Вильгельмины, урожденной Шройбер. Кроме нее в доме росли еще трое детишек. Судьба будущей художницы могла сложиться совсем по-другому, если бы ее родители не решили в 1864 году вернуться на родину — познакомились-то они и поженились в Америке, куда эмигрировали в разные годы: Карл, когда уже стал врачом, а Вильгельмина — еще

ницей — именно ему она показывала свои первые работы. Фрау Вильгельмина обладала сильным, стойким характером, умела принимать удары судьбы и учила этому и свою дочь. В двадцать лет Габриэле очень пригодились ее уроки — девушка осталась круглой сиротой.

Окончив школу, Габриэла поступила в частную художественную школу в Дюссельдорфе. Теперь она точно знала: ее будущее связано с искусством, она будет художницей. Но при

**Г. Мюнтер.
«Портрет
Марианны
Веревкиной»**

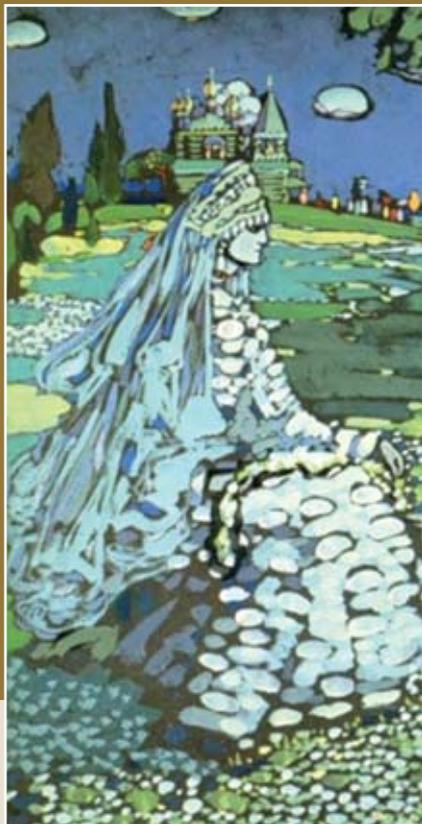
**В. Кандинский.
«Амазонка
в горах»**

этом девушка понимала, что ей еще многому предстоит научиться. Только вот где? И тут она получила письмо от одной своей приятельницы. Оказывается, в Мюнхене есть ассоциация женщин-художниц, и при этой ассоциации работает школа! Решено — Габриэла едет в Мюнхен.

Однажды она оказалась на выставке объединения «Фаланга». Ей очень понравились картины художников, поэтому в один прекрасный день девушка переступила порог художе-

ственной школы при этом объединении и тут же записалась в два класса одновременно — скульптуры и живописи. Скульптуру преподавал герр Хюстен, а вот живопись — Василий Кандинский.

Он сразу понял, что у фройляйн Мюнтер несомненный талант и говорил ей: «Тебя ничему нельзя научить. У тебя все от природы. Единственное, что я могу для тебя сделать, это оберегать и пестовать твой дар, чтобы к нему не пристало ничего неверного». Габриэла

*В. Кандинский.
«Русская женщина»*

*Г. Мюнттер.
Автопортрет*

была счастлива и написала своим родственникам: «Наконец-то, я нашла правильного, настоящего учителя». А вскоре ей стало ясно, что в Кандинском она нашла не только учителя...

Летом 1902 года преподаватель живописи Кандинский вывез своих учеников в один из городков — Кохель. Поупражняться на пленере... Обычно он находил места для молодых художников вдоль берегов местного озера, а потом объезжал учеников на велосипеде. И так уж сложилось, что с ним

стала ездить и Габриэла. Эти совместные поездки их чрезвычайно сблизили — долгие разговоры, купание в озерах, остановки на отдых... Кандинский был в то время женат, но как тут устоять и не поддаться чувствам: ведь Габриэла смотрела на него с таким восторгом и преклонением! А еще она была так молода, так свежа и так талантлива!

Но вскоре гармония нарушилась — в Кохель к Кандинскому приехала жена Аня. Он не хотел ее волновать, де-

лать ей больно, а потому попросил Габриэлу уехать из Кохеля еще до конца практики. 22 августа она покинула городок. Но... начались письма, в которых оба давали волю чувствам.

Кандинский писал «застенчивой маленькой Элле» (так он называл Габриэлу в письмах) каждый день. Он уже не мог жить без своей Эллы, требовал, чтобы она была целиком и полностью настроена на его волну, и даже ревновал — ко всему и всем! «Мне кажется, ты меня слишком мало любишь... Как же я одинокий!.. Я никому не могу принести счастья!» И, наконец, признался, что любовь его растет с каждым днем, что он только о ней и думает, но — замуж при этом не звал! «*Время все расставит по своим местам, подожди...*»

А потом в жизни Кандинского и Га-

делал несчастной, подчиняя себе и не давая ничего, кроме страстных посланий, где называл ее богиней, источником жизни, «ангелом-спасителем» и «божественным посланником».

Зиму 1906 года они провели вместе в Италии, а затем поехали в Париж. В Севре Габриэла сняла на год целый этаж в одном из домов. Они ходили на выставки, знакомились с новыми течениями в искусстве, обсуждали фовистов, о которых тогда все говорили, и странного Таможенника Руссо. И сами готовили свои работы к выставке. Но тут Кандинский вдруг начал понимать, что его творческие искания очень далеки по духу от того, что делают французские художники. Ему было уже душно в Париже, и он хотел уехать, но неожиданно Элла, всегда такая покорная, восстала! Ей-то в Париже хо-

В один прекрасный день Габриэла переступила порог художественной школы при объединении «Фаланга» и записалась сразу в два класса — скульптуры и живописи

бриэлы наступили годы странствий. Голландия, Тунис, Италия... Им было хорошо во время этих путешествий — на поездах, кораблях, велосипедах — но каждый раз все заканчивалось расставанием... Вся эта неопределенность в отношениях страшно угнетала Эллу. Когда его не было рядом, ей не работалось — она ждала новой встречи. Страдал в разлуке и Кандинский. Его мучили угрызения совести — и из-за Ани, которой он регулярно писал и часто навещал, и из-за Эллы, которую он

рошо! Она снова училась, и ее преподаватель швейцарец Теофил Штайнлен очень ее хвалил! Постепенно формировался ее неповторимый стиль, художественный почерк. И только в личной жизни все оставалось прежнему — совместные путешествия, заканчивавшиеся разлукой, а потом раздельное житье. А ведь ей было почти 30!

Наконец они решили поселиться в Мурнау, очаровательном местечке под Мюнхеном, с холмами и озером

Штаффельзее. А рядом с ними — их друзья Марианна Веревкина и Алексей Явленский.

На два года (1908 и 1909) Мурнау становится для них центром нового искусства, совершившего настоящую революцию в культуре XX века. Два года четыре выдающихся и в будущем прославленных художника жили в этом баварском городке, работали, любили, ревновали, страдали и — обсуждали пути развития живописи.

В 1909 году Габриэла уже сама сняла дом в Мурнау, который так понравился Кандинскому, что он «готов провести в нем остаток своей жизни». Он ходил босиком по земле, с удовольствием работал в саду, расписывал посуду и стены дома. И часами наблюдал, как работает его маленькая Элла, а потом написал ее портрет...

да выставка закрывалась, протирал полотна — публика с упоением на них плевала! Так были сначала восприняты картины, ныне ставшие украшением лучших музеев мира!

В 1910 году, почти сразу после выставки, Кандинский уехал в Россию на два года, и как всегда, он и его Элла непрерывно писали друг другу. Кандинский находился в полной эйфории — на родине его встретили пре-красно, он участвовал в выставках объединения «Бубновый валет», и всюду его сопровождали признание и успех. А Элла — ей было одиноко, казалось, он ее уже забывает.

В конце декабря они снова были вместе — встречали Новый год на Гизелштрассе, в доме Веревкиной и Явленского, куда часто заглядывали друзья-художники, увлеченно обсу-

В жизни Кандинского и Габриэлы наступили годы странствий. Голландия, Тунис, Италия... И каждый раз все заканчивалось расставанием. Такая неопределенность в отношениях страшно угнетала Эллу...

В начале 1909 года в Мюнхене произошло Новое художественное объединение, и возглавил его Кандинский. Первая выставка объединения, открывшаяся 1 декабря 1909 года, полностью провалилась — Мюнхен ее не воспринял. «Кривлянье, блеф, извращение и полное безумие», — таков был приговор посетителей. Вторая выставка, открывшаяся в следующем году, тоже, прямо скажем, особого успеха не имела. Кандинский рассказывал, что владелец галереи по вечерам, ког-

давшие новый альманах «Синий всадник», которому Элла посвятила всю себя. Вела переговоры с авторами и издателями, редактировала тексты, делала массу необходимой работы, и мало кто понимал, как это все непросто, и каких сил от нее требовало. Она нервничала, понимая, что их отношения с Кандинским постепенно перерастают в деловые, но по-прежнему свято защищала его интересы.

Весну 1913 года и лето 1914 года они снова провели вместе, в Мурнау.

Трудились в огороде и старались не выяснять отношения — так лучше. Да и Кандинскому было не до земной любви — он размышлял об апокалипсисе, так как к тому времени глубоко ушел в мистические, религиозные теории.

А вскоре началась война. Понятное дело, что все русские сразу стали

навсегда останутся друзьями. И Габриэла вернулась домой, в Мюнхен.

18 июля 1915 года она приехала в Стокгольм, чтобы, зная о трудном материальном положении Кандинского, готовить его выставку-продажу, а он ей писал: *«Я приеду, чтобы увидеть тебя. Я этого очень-очень желаю. И все же я не могу с тобой жить, как раньше».*

В. Кандинский.
«Бавария»

в Германии нежелательными лицами и должны были в срочном порядке покинуть страну. Уехали из Мюнхена самые близкие друзья — Вережкина и Явленский. Пришлось покинуть страну и Кандинскому — он отправился в Швейцарию, а вместе с ним поехали Габриэла и еще трое русских. Они обосновались в Цюрихе, и тут Василий сделал решительный шаг: сказал Элле, что уже давно видит в ней только подругу, а потому в будущем жить вместе им больше не следует, зато они

23 декабря они встретились. Оказалось, он не привез с собой ни одной картины, поэтому, запершись в квартире Эллы, принялся работать — ведь нужно было что-то показать на выставке! А она занялась тем, что мы сегодня называем пиаром. Наконец 1 февраля 1916 года выставка открылась. В целом мероприятие имело успех, и критика была вполне доброжелательной, даже кое-то удалось продать. А в марте прошла выставка Габриэлы. Она была принята «на ура», о ней писали

все немецкие газеты, а одна из лучших художественных школ Берлина предложила Мюнтер место преподавателя.

16 марта Кандинский уехал — как всегда, обещая вернуться. И тогда они обязательно устроят бракосочетание, говорил он, хотя уже точно знал, что расстанется с Эллой навсегда. Но прямо и честно сказать ей об этом не смог — не хватило мужества. Это была их последняя встреча...

Потом еще некоторое время длилась переписка, но постепенно письма становились все короче, все холоднее. В том же 1916 году Кандинский познакомился с юной Ниной Андреевской, а в феврале следующего года она стала его женой, и вполне законной. Ни в одном из своих писем

Габриэле — собственно, не о ней, а о своих полотнах, оставленных в ее доме. А еще о своем велосипеде, одежде и других мелочах. И потребовал — через адвокатов! — вернуть все это. «Он ведет себя так, словно меня нет на свете», — замечала с горечью в своем дневнике Габриэла. Смертельно оскорбленная, она написала ему гневное письмо, в котором напомнила о всех его обещаниях, о всех посулах, оказавшихся лживыми. В этом длинном, сорокастраничном послании она высказала все о своем бывшем учителе, друге, возлюбленном. И он ответил — обращаясь к ней на «вы», как к чужому человеку. Признал, что нарушил слово, просил его простить и обещал компенсировать все ее обиды материально — подарив ей свои

Когда началась Первая мировая война, они перебрались в Цюрих, и Василий сделал решительный шаг: сказал Элле, что давно уже видит в ней только подругу, а потому жить им вместе не следует, но они навсегда останутся друзьями

к Габриэле он об этом даже не упомянул. А затем совсем перестал ей писать.

В 1921 году Кандинский, обласканный большевиками, снова появился в Германии — с молодой женой, уже прославленный художник, вождь авангардного искусства. По приглашению выдающегося архитектора Вальтера Гропиуса он начал преподавать в Веймаре, в знаменитом «Баухаусе», где рождался новый архитектурный стиль. И вот тут Кандинский вспомнил о Га-

картины. Казалось бы, все было решено, однако переговоры — по-прежнему, через адвокатов — продолжались еще четыре года, и в 1926 году Габриэла отправила Кандинскому 26 ящиков с его вещами. А он в ответ прислал ей официальную бумагу, в которой говорилось, что он наделяет госпожу Мюнтер «полным и безусловным правом владения всеми работами, которые он ей оставил». «У меня было сокровище — Кандинский, теперь у меня останутся его работы», — писала Габриэла.

Впереди у них была еще долгая жизнь. Когда нацисты закрыли «Баухаус», Кандинский с женой перебрался во Францию, в местечко Нейи-

менты по созданию альманаха и группы «Синий всадник», и работы художников, членов этой группы. Наконец, около двух тысяч (!) фото-

В. Кандинский. «В Париже»

сюр-Сен, и получил французское гражданство. Здесь он прожил еще пять лет, а в 1944 году художник скончался.

А Габриэла? У нее осталось более 90 живописных полотен маслом, 330 работ темперой, акварелью и рисунков, живопись на стекле, множество блокнотов с набросками и 300 офортов и литографий Василия Кандинского. Кроме того, у нее хранились и ее собственные дневники, многолетняя переписка с Кандинским, доку-

графий, отснятых ею же во время многочисленных совместных с Кандинским поездок и путешествий. В 1920-е годы она держала все это в специальном хранилище, которое несколько лет оплачивала из своего кармана. В 1933-м к власти в Германии пришел Гитлер. Современное искусство — символизм, экспрессионизм, а тем более абстракционизм — было тут же объявлено «вырожденческим», «дегенеративным». В число «вырожденцев» попали Алексей Яв-

ленский и Марианна Веревкина, их друзья и сподвижники, Марк Шагал и Пабло Пикассо, погибшие на полях сражений Первой мировой Франц Марк и Август Макке, и, конечно же, абстракционист Василий Кандинский. Их произведения было приказано изъять из музеев и частных коллекций, а впоследствии уничтожить. Нарушивших этот приказ ждало уголовное преследование. И тут начинается почти детективная история.

что с ней стало бы, если бы нацисты обнаружили ее тайник. Когда уже было ясно, что фашистская Германия доживает последние дни, и начались бомбежки самолетов союзников, у Габриэлы появились новые страхи — а вдруг бомба попадет в ее дом? А потом взявшие город вооруженные американские солдаты принялись обыскивать дома в поисках спрятавшихся эсэсовцев. Наведывались они — и не однажды — и к Мюнтер. «Боже мой, что делать, если им придет в голову ползть в подвал?» — дрожала она от ужаса. И решила пойти в комендатуру. «Я — известная художница, и очень прошу оградить меня от этих непрошенных визитеров и внезапных обысков!» — заявила Габриэла. Удивительное дело — ее выслушали и дали «охранную

Г. Мюнтер.
«Портрет Василия
Кандинского»

Вместе со своим верным другом Йоханнесом Эйхнером Габриэла забрала сокровища из хранилища и спрятала их в подвале собственного дома! Подвал был очень глубокий и сухой и вполне подходил для картин. Вход в него Габриэла и Йоханнес закрыли огромным тяжелым шкафом. Наследие «Синего всадника» хранилось в подвале дома Мюнтер до конца войны. Все эти годы Габриэла не знала покоя. Она хорошо понимала,

грамоту». Так ей удалось спасти и сохранить значительную часть художественного наследия Кандинского и своих друзей — коллег по «Синему всаднику».

И вот, наконец, война кончилась. Постепенно Габриэла становится знаменитой: персональные выставки, государственные награды... С годами она обрела свой стиль и глубину, и сегодня ее называют одной из лучших немецких художниц XX века.

В. Кандинский.
«Габриэла
Мюнтер
за работой»

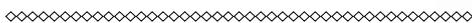
Вместе с Эйхнером Мюнтер организовала фонд, ставший центром исследований ее творчества и творчества ее друзей по «Синему всаднику». А в 1957 году, в день 80-летия, подарила все свое собрание картин (среди них — более 25 ее собственных полотен), писем, документов Ленбаххаусу.

Последние годы она прожила в том самом доме в Мурнау, с которым было связано столько светлых и грустных воспоминаний. А 19 мая

1962 года ее не стало. Похоронили Габриэлу Мюнтер на местном кладбище при церкви Святого Николая, откуда открывается замечательный вид на баварский городок, однажды ставший центром мирового искусства, и на величественные Альпы.

Она ушла, но остались ее картины, и остался замечательный музей — мюнхенский Ленбаххаус, где хранятся полотна ее гениального, но неверного возлюбленного. □

Мая Орлова

Популярность этой поэтессы в начале прошлого века переклещивала все мыслимые и немыслимые границы.

Достаточно сказать, что ее стихотворные сборники приносили солидный доход книжным издательствам, а посему те оспаривали друг у друга честь напечатать очередной изящный томик.

Ее фотографии глядели на прохожих из витрин всех петербургских фотоателье. На снимках была запечатлена стройная красавица с огромными загадочными глазами, точеными чертами лица и пышной прической.

Русская

Сафо

В нее влюблялись и слали признания в пылкой любви сотнями. Из-за нее пытались стреляться, травиться, вешаться. Она же оставалась верной своему супругу, которому исправно рожала детей — только мальчиков.

Ее звали Марией. Но известна она совсем под другим именем — Мирра Лохвицкая

Мария родилась в Петербурге 2 декабря 1869 года в респектабельной и обеспеченной семье известного адвоката Александра Владимировича Лохвицкого и его супруги, Варвары Александровны, урожденной Гойер. Доктор прав, автор курса уголовного права и других сочинений и статей, Лохвицкий был практикующим адвокатом — присяжным поверенным.

Мария была второй после брата Николая. Потом появились на свет еще четыре дочери — Надежда, Варвара, Лидия и Елена. Стихи в этой семье писали все дети, но почему-то это считалось зазорным: тот, кто попадался на «рифмоплетстве», подвергался самым язвительным насмешкам со стороны других.

Вне подозрений оставался только старший брат Николай, но и он однажды был уличен в пагубном пристрастии к рифме. Именно из обрывка его стихотворения Мария впоследствии взяла свой псевдоним — Мирра. Имя Мария казалось ей слишком простеньким для поэзии.

Когда выяснилось, что и Мария, и Надежда, несмотря на насмешки сестер, стали писать стихи «серьезно», девушки заключили между собой договор: начинать завоевание Парнаса не одновременно, а по старшинству. Дебютировать должна была Мария-Мирра, и только в случае провала на тот же путь вступила бы Надежда: две поэтессы из одной семьи казались барышням смешным и неприличным явлением.

Родители сохраняли нейтралитет: дочери были послушными, благовоспитанными барышнями, свято соблюдали светские приличия, сомнительные сборища не посещали, ну а если решили поиграть в поэтесс... что ж, беды в этом нет. Лишь бы с какими-нибудь социалистами-бомбистами не связались.

В 1874 году Лохвицкие переехали в Москву в связи со служебными делами главы семейства. Старший сын уже отделился и успешно делал военную карьеру, благополучно позабыв о своих «поэтических опытах». Мария в 1882 году поступила пансионеркой в Александровский институт. Но через три года ее отец скоропостижно скончался, а мать с младшими дочерьми вернулась в Петербург. Окончив курс и получив свидетельство домашней учительницы, Мария переехала туда же, к своим. Переехала уже почти признанной поэтессой: два ее стихотворения, с разрешения институтского начальства, были изданы и замечены критикой и читающей публикой.

В 1889 году Мария начала регулярно публиковать свои стихи в периодической печати: в иллюстрированном петербургском журнале «Север», в журналах «Живописное обозрение», «Художник», «Труд», «Русское обозрение», «Книжки Недели» и многих других. Для того времени, тем более для женщины, это был феерический успех, причин которого сама Мария искренне не понимала.

А критики захлебывались от восторга, называя стихи двадцатилетней красавицы удивительно зрелыми и сильными. Такие, например, как вот это:

*«Порвется жизни нашей нить, —
Спешите ж ею насладиться,
Спешите юностью упиться,
Любить, страдать, — страдать,
любить!»*

Честно говоря, в этих строках не видно ни силы, ни зрелости. Технически безупречный набор банальностей, не отражающий ни характера автора, ни его личности и, главное, не привносящий в поэзию абсолютно ничего нового. Хотя... может быть, именно поэтому стихи Лохвицкой были невероятно популярны: банальность притягивает обывателей, как магнит.

В ее ранних стихах любовь — светлое чувство, приносящее семейное счастье и радость материнства, впоследствии в нее вторгается греховная страсть, вносящая разлад в душу. И все это не имело ни малейшего отношения к собственной жизни поэтессы, разве что мечты о счастливом замужестве стали реальностью.

В возрасте двадцати двух лет Мария вышла замуж за соседа по даче в Ораниенбауме — Евгения Эрнестовича Жибера, сына профессора архитектуры, студента Петербургского университета, впоследствии инженера-строителя. Она считала, что любила своего мужа, хотя, опубликовав десятки любовных стихотворений, ни разу еще не испытала этого чувства в реальной жизни. Ну, не получалось у нее полюбить так, как она об этом писала.

Кстати, Мирра Лохвицкая еще при жизни получила прозвище «Русской Сафо», поскольку практически единственной темой ее творчества была любовь. А строка «Это счастье — сладострастье» воспринималась, ни больше, ни меньше, как девиз поэтессы. Над этим они с супругом ча-

стеняко смеялись: более благопристойной дамы, чем мадам Жибер, было еще поискать.

Через год после свадьбы молодые уехали из Петербурга, жили в Тихвине и Ярославле, затем на несколько лет их местом жительства стала Москва. Осенью 1898 года семья снова переехала в Петербург — как оказалось, навсегда.

Мирра Лохвицкая продолжала исправно писать и публиковать стихи и так же исправно рожать детей. Их у поэтессы было пятеро, все — мальчики. Трое: Михаил, Евгений и Владимир — появились на свет в первые годы ее замужества, один за другим. Около 1900 года родился четвертый ребенок, Измаил. Именно к началу 1900-х относится стихотворение, в котором она дает шутовскую характеристику каждому из сыновей и совершенно всерьез говорит о своих материнских чувствах:

*«Михаил мой — бравый
воин,*

*Крепок в жизненном бою,
Говорлив и беспокоен,
Отравляет жизнь мою.*

*Мой Женюшка — мальчик
ясный,*

*Мой исправленный портрет,
С волей маминой согласный,
Неизбежный как поэт.*

*Мой Володя суеверный
Любит спорить без конца,
Но учтивостью примерной
Покоряет все сердца.*

*Измаил мой — сын Востока,
Шелест пальмовых вершин,
Целый день он спит глубоко,
Ночью бодрствует один.*

*Но и почести и славы
Путь отвергну я скорей,
Чем отдам свою ораву:
Четырех богатырей!»*

Это, пожалуй, единственное стихотворение поэтессы, которое критики и читатели предпочли «не заметить»: слишком уж оно было приземленным, «нетипичным» для великолепной Мирры. Ведь по темам и основному содержанию ее поэзия ограничивалась сферой чувственной любви, возводила в культ обнаженное сладострастие. Лохвицкая культивировала взгляд на женщину как на существо, находящее свое счастье в беззаветном подчинении любимому, ее «повелителю».

Самое забавное: по единодушному свидетельству мемуаристов, несмотря на смелость своей любовной лирики, в жизни Лохвицкая была «самой целомудренной дамой Петербурга», верной женой и добродетельной матерью.

Первый сборник стихотворений Лохвицкой вышел в 1896 году и сразу же был удостоен Пушкинской премии. Кстати, какое-то особое покровительство поэтессе со стороны известного поэта Майкова — просто миф, они вообще не были знакомы. Но оценки многих известных людей были просто восторженными:

«После Фета я не помню ни одного настоящего поэта, который так бы завоевывал, как она, «свою» публику», — писал В.И. Немирович-Данченко, известный в те годы литератор (и брат знаменитого театрального деятеля) о своем первом впечатлении от ее стихов, — *словно на меня солнцем брызнуло*».

Далее сборники стихотворений выходили практически ежегодно, всякий раз вызывая шквал восторженных критических откликов и даже почетных отзывов Академии наук. Мистика? Вовсе нет. Поэтесса оказалась в нужное время в нужном месте и нашла очень подходящую для нее нишу — на фоне однообразно-унылой народнической лиры страстный, до экзальтации, голос поэтессы звучал совершенно особенно, как музыкальное соло. У нее просто не было конкуренток, именно она стала основоположницей женской поэзии Серебряного века.

При этом «ее успеху не завидовали — эта маленькая фея завоевала всех ароматом своих песен...», — писал В.И. Немирович-Данченко. Он же замечал: *«Лохвицкой не пришлось проходить сквозь строй критического непонимания... В равной степени принятая литературным кругом и широкой публикой, она с каждым новым произведением все дальше и дальше оставляла за собою позади молодых поэтов своего времени, хотя целомудренные капли от литературы и вопияли ко всем святителям скопческого кора-*

бля печати о безнравственности юного таланта».

Л.Н. Толстой снисходительно оправдывал ранние устремления поэтессы:

«Это пока ее зарядило... Молодым пьяным вином бьет. Уходитя, остынет и потекут чистые воды!»

Единственное, чем постоянно дожимали Мирру критики и собратья по цеху, — это «отсутствие гражданской позиции». Тому же В.И. Немировичу-Данченко один московский литератор писал об этом так:

«...На нашем горизонте новая звезда. Ваша питерская Мирра Лохвицкая — птичка-невеличка, от земли не видать, а тот же Вукол Лавров читает ее и пузыри на губы пускает. Начал бы ее в «Русской мысли» печатать, да боится наших Мидасов-Ослиные уши, чтобы те его за отсутствие гражданского протеста не пробрали. Вы ведь знаете, Москва затылком крепка...»

Далась им эта «гражданская позиция»! Да это понятие просто не вписывалось в круг интересов Мирры Лохвицкой. Она даже от красного цвета шарahalась — видимо, чисто инстинктивно:

*«Мне ненавистен красный цвет
За то, что проклят он.*

*В нем — преступленья долгих
лет,*

В нем — казнь былых времен...»

С переездом в Петербург Лохвицкая вошла в литературный кружок Случевского, который относился к

Мирра Лохвицкая с сыновьями

ней с большой теплотой, но она редко появлялась на его «пятницах». Она вообще избегала знакомств в литературно-поэтическом мире. Ей откровенно претил богемный образ жизни. Хотя возникшая вокруг нее аура всеобщей легкой влюбленности, несомненно, льстила матери семейства, сохранившей девичью стройную фигуру и грациозность.

Классический портрет поэтессы дает И.А. Бунин:

«И все в ней было прелестно: звук голоса, живость речи, блеск глаз, эта милая легкая шутливость... Особенно прекрасен был цвет ее лица: матовый, ровный, подобный цвету крымского яблока».

Увы, Лохвицкая не избежала участи всех красивых женщин: в ней упорно отказывались замечать что-

то помимо красоты, а успех стихов приписывали исключительно выигрышной внешности. Хотя в последнем утверждении, безусловно, есть толика правды: по крайней мере, на первом этапе литературной карьеры эффектная внешность молодой поэтессы не могла ей не помочь. Но потом — начала тяготить ее саму.

Ко всему прочему, эффектная, умная красавица была по характеру замкнутой и не слишком склонной к общению. Ее публичные выступления можно пересчитать по пальцам и вряд ли следует считать успешными. Как вспоминал один из свидетелей такого выступления:

«Когда она вышла на сцену, в ней было столько беспомощной застенчивости, что она казалась гораздо менее красивою, чем на сво-

ей карточке, которая была помещена во всех журналах».

Горькое разочарование для поклонников «прекрасной русской Сафо».

И занимавший всю литературную (и не только) общественность слух о страстном романе Лохвицкой со знаменитым в ту пору поэтом Константином Бальмонтом тоже оказался всего лишь слухом. Сам поэт в автобиографическом очерке «На заре» написал что-то маловразумительное о «поэтической дружбе». В остальном же отношения двух поэтов окружены глухим молчанием мемуаристов: ни свиданий, ни переписки, ничего. Только отзвуки стихов одного в стихах другой — и наоборот. Но это, согласитесь, весьма далеко от «бурного романа». Хотя...

Есть основания полагать, что Бальмонт, вольно или невольно, сыграл в судьбе Лохвицкой роковую роль. Драма, по всей видимости, состояла в том, что чувство — было, причем взаимным, но Лохвицкая оставалась безупречной супругой и стремилась задушить в себе «непозволительные страсти», а Бальмонт, человек более чем своеобразный, да еще одержимый ницшеанскими идеями о «сверхчеловечестве», непрерывно расшатывал и без того нестабильное душевное равновесие поэтессы.

В связи с этим «романом» известность Лохвицкой получила несколько скандальный оттенок, поэтессе настойчиво примеряли ореол «вакханки». Однако Бунин, хорошо ее знавший, отмечал несовпадение этой репутации с реальным человеческим обликом поэтессы: «мать нескольких детей, большая домохозяйка, по-восточному ленива».

Есть что-то мистическое как в поэзии Мирры Лохвицкой, так и в ее судьбе. Это было замечено сразу после ее смерти.

«Молодую ждала умереть,

И она умерла молодой», — писал Игорь Северянин, перифразируя строки ее стихотворения, опубликованного в третьем по счету сборнике:

*«Я хочу умереть молодой,
Не любя, не грустя ни о ком;
Золотой закатиться звездой,
Облететь неувядшим цветком...
Я хочу умереть молодой...»*

*Пусть не меркнет огонь до конца,
И останется память о той,
Что для жизни будила сердца»*

Стихотворение было впоследствии признано «ясно-осознанной пророческой эпитафией». Жаль, что ей не нашлось места на памятнике. Впрочем, на нем вообще не написано слова «поэтесса», только даты жизни и смерти, имя и фамилия.

Здоровье Лохвицкой заметно ухудшилось с конца 1890-х годов. Она часто болела, жаловалась на боли в сердце, депрессию, ночные кошмары. В декабре 1904 года болезнь обострилась, в 1905 году поэтесса была уже практически прикована к постели.

Умирала она мучительно. Физическая причина ее смерти неясна, но для современников было очевидно, что она связана с душевным состоянием.

«Она рано умерла; как-то загадочно; как последствие нарушенного равновесия ее духа...» — писала в воспоминаниях дружившая с Лохвицкой поэтесса И. Гриневская.

Смерть наступила 9 сентября 1905 года. Лохвицкой было 35 лет, после нее остались пятеро детей. Отпевали поэтессу в Духовской церкви Александро-Невской лавры, там же, на Никольском кладбище, ее и похоронили. Народу было мало. Могила Лохвицкой сохранилась, но ее состояние оставляет желать лучшего. Бальмонт не выказал никакого участия к поэтессе на про-

тяжении всей ее предсмертной болезни и на похоронах не присутствовал. В его письме Брюсову от 25 сентября 1905 года среди пренебрежительных характеристик современных поэтов есть и такая:

«Лохвицкая — красивый романс».

Эти слова звучат цинично, не зная о смерти поэтессы Бальмонт не мог. Да и кто бы говорил о красивости и о романах!

Мало найдется поэтов, чья литературная судьба начиналась бы столь успешно и завершилась бы столь печально. В начале пути — быстрое признание, восторги читателей, престижная Пушкинская премия уже за первый сборник, а в конце — холодные насмешки законодателей литературной моды, мелочные придирки критиков и равнодушие читающей публики, не удостоившей прежнюю любимицу даже живых цветов на похоронах.

Правда, Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона характеризует Лохвицкую как «одну из самых выдающихся русских поэтесс» и подтверждает: *«Стих ее изящен, гармоничен, легок, образы всегда ярки и колоритны, настроение ясное, язык пластичен».*

Мирра Лохвицкая, имевшая огромный успех на рубеже XIX—XX веков, впоследствии оказалась практически забыта. Лишь к концу 1990-х годов критики снова заговорили о том, что ее «влияние на современников и позднейших поэтов только начинает осознаваться». □

Знак

Молодая маркиза де Реннедон еще почи-вала в запертой на ключ, благоухающей спальне, на огромной, мягкой, низкой кровати, среди легкого батистового белья, тонкого, как кружево, ласкающего, как поцелуй, она спала одна, безмятежно, счастливым и глубоким сном разведенной жены.

Голоса, ясно доносившиеся из маленькой голубой гостиной, разбудили ее. Она узнала свою близкую подругу, баронессу де Гранжери, которая хотела войти и спорила с горничной, не пускавшей ее в спальню.

Маркиза встала, отодвинула задвижку, повернула ключ и, подняв портьеру, высунула головку, одну только головку, окутанную облаком белокурых волос.

— Что случилось? — сказала она. — Почему ты пришла так рано? Еще нет и девяти.

Баронесса, чрезвычайно бледная и лихорадочно возбужденная, ответила:

Знак

— Мне нужно с тобой поговорить. Со мной случилось нечто ужасное.

— Входи же, дорогая.

Баронесса вошла, они расцеловались, и маркиза снова улеглась в постель, пока горничная открывала окна, впуская солнечный свет и воздух. Когда служанка вышла, г-жа де Реннедон промолвила:

— Ну, рассказывай.

Г-жа де Гранжери начала плакать, проливая те прелестные светлые слезинки, которые придают женщинам еще больше очарования, и пролепетала, не вытирая их, чтобы не покраснели глаза:

— О, дорогая, то, что со мной случилось, омерзительно, омерзительно! Я не спала всю ночь, ни одной минуты, понимаешь, ни минутки! Послушай только, как у меня бьется сердце.

И, взяв руку подруги, она положила ее себе на грудь, на округленную и плотную оболочку женского сердца, которой мужчины часто довольствуются, не стремясь проникнуть глубже.

Она продолжала:

— Это случилось со мной вчера днем... часа в четыре... или в половине пятого. Не помню точно. Тебе хорошо знакома моя квартира, ты знаешь, что маленькая гостиная на втором этаже, та, где я чаще всего бываю, выходит на улицу Сен-Лазар. Ты знаешь также, что я страшно люблю сидеть у окна и смотреть на прохожих. Этот привокзальный квартал такой веселый, такой шумный, такой оживленный... Словом, я люблю все это! Ну, так вот вчера я сидела в низеньком кресле, которое велела поставить у окна, оно было открыто, и я не думала ни о чем, просто вдыхала прозрачный воздух. Помнишь, какой чудесный вечер был вчера!

Вдруг я замечаю, что на той стороне улицы, напротив меня, тоже сидит у окна женщина в красном платье, а я была в сиреневом, ты знаешь мое любимое сиреневое платье. Женщина была мне

незнакомка — какая-то новая жилища, поселившаяся там с месяц назад, так как целый месяц идет дождь, я еще ни разу ее не видела. Но я тут же заметила, что это девица дурного поведения. Сначала я была возмущена и шокирована тем, что она сидит у окна, так же как и я, но потом мало-помалу наблюдение за нею стало меня забавлять. Она сидела, облокотившись на подоконник, и высматривала мужчин, а мужчины тоже поглядывали на нее — все или почти все. Можно было подумать, что, подходя к дому, они уже каким-то образом были предупреждены или чуяли ее, как собака чует дичь: они внезапно подымали голову и обменивались с нею торопливым взглядом заговорщиков. Ее взгляд говорил: «Хотите?» Их взгляд отвечал: «Нет времени», или «В другой раз», или еще: «Нет ни гроша», или: «Убирайся, дрянь этакая!» Последнюю фразу произносили глаза почтенных отцов семейств.

Ты не можешь себе представить, как было забавно смотреть на ее уловки или, вернее, на ее работу.

Иногда она внезапно закрывала окно, и я видела, как в подъезде исчезал какой-нибудь господин. Она вылавливала его, как рыбак ловит пескаря на удочку. Тогда я смотрела на часы. Они проводили вместе от двенадцати до двадцати минут — ни разу больше. Право, она, в конце концов, взволновала меня, эта паучиха. Притом, она была недурна.

Я задавала себе вопрос: «Что она делает, чтобы ее понимали так легко, так быстро и вполне точно? Не подает ли она какого-нибудь знака головой или рукой в дополнение к взгляду?»

И я вооружилась театральным биноклем, чтобы разобраться в ее приемах! О, все было очень просто: сначала быстрый взгляд, потом улыбка, затем чуть заметное движение головой, как бы вопрос: «Не зайдете ли?» Но движение такое легкое, такое неопределенное, такое сдержанное, что действительно нужно быть на высоте искусства, чтобы уметь это делать, как она.

Я подумала: «А у меня вышло бы так же хорошо, это движение головой снизу вверх, вызывающее и в то же время милое?» Она действительно проделывала это очень мило.

Я подошла к зеркалу и попробовала. Знаешь, дорогая, у меня это вышло лучше, гораздо лучше! Я была в восторге и опять вернулась к окну.

Больше она никого не завлекла, бедная девушка, совсем никого. Решительно ей не везло. Как все-таки, должно быть, ужасно таким способом зарабатывать себе на хлеб, — ужасно, хотя порой и занятно: ведь среди мужчин, которых видишь на улице, встречаются далеко не уроды.

Теперь все они проходили по моему тротуару, и ни одного не было на ее стороне. Солнце повернуло к закату. Они проходили одни за другими, молодые, старые, брюнеты, блондины, сидящие, совсем седые.

Знак

Были среди них очень привлекательные, право, очень привлекательные, дорогая, гораздо интереснее моего мужа, да и твоего, вернее, бывшего твоего мужа, ведь ты развелась. Теперь ты можешь выбирать!

Я подумала: «Сумею ли я, порядочная женщина, дать им знак, какой полагается?» И вот меня охватило безумное желание сделать этот знак, желание такое сильное, как каприз беременной... безудержное желание, — знаешь, одно из желаний... которым невозможно противиться! Со мной это бывает. Ну, не глупо ли? Я думаю, что у нас, у женщин, душа обезьян. Кстати, меня уверяли (один доктор говорил мне об этом), что мозг обезьяны очень походит на наш. Нам всегда необходимо кому-нибудь подражать. В первые месяцы брачной жизни мы подражаем нашим мужьям, если любим их, потом нашим подругам, духовникам, если они нам нравятся. Мы заимствуем их манеру думать и говорить, их выражения, жесты — словом, все. Как это глупо!

В конце концов, то, что мне очень хочется сделать, я всегда делаю!

И я решила: «Ну, хорошо, — попробую на одном, только на одном, просто так, чтобы посмотреть, как выйдет. Что может со мной случиться? Ничего! Мы обмениваемся улыбками — и только, и я никогда его больше не увижу, а если и увижу, то он не узнает меня, если же узнает, я стану отрекаться — вот и все».

Начинаю выбирать. Мне хотелось найти кого-нибудь получше. Вдруг вижу: идет высокий блондин, очень красивый молодой человек. Ты знаешь, я люблю блондинов.

Я смотрю на него. Он смотрит на меня. Я улыбаюсь, он улыбается, я делаю это движение — о! — едва-едва заметное, кивком головы, он отвечает «да», и вот он уже входит, дорогая! Он входит в парадный подъезд нашего дома!

Ты не можешь себе представить, что со мной творилось в эту минуту! Право, я думала, что сойду с ума. О, какой ужас! Подумай только, он сейчас заговорит с лакеем! А ведь Жозеф так предан моему мужу! Жозеф решит, что я давно знакома с этим господином.

Что было делать, скажи? Что делать? Сейчас, сию минуту он позвонит к нам! Что делать, скажи? Я решила, что лучше всего броситься ему навстречу, сказать, что он ошибся, умолять его уйти. Он сжалится над женщиной, над несчастной женщиной! Я помчалась к двери и открыла ее как раз в ту минуту, когда он прикасался к звонку.

Совершенно обезумев, я пролепетала:

— Уходите, сударь, уходите, вы ошиблись, я честная женщина, я замужем! Это ошибка, ужасная ошибка, я приняла вас за знакомого, на которого вы очень похожи. Сжальтесь надо мной, сударь!

Дорогая моя! В ответ он начинает смеяться и говорит:

— Отлично, кошечка. Знаешь, сказка мне эта давно знакома. Ты замужем, значит, два луидора вместо одного. Ты их получишь. Пойдем, показывай дорогу.

Он отстраняет меня, закрывает двери. Я стою перед ним, застыв от ужаса. Он целует меня, обнимает за талию и ведет в гостиную, — дверь туда оставалась отворенной.

Затем он осматривается кругом, словно судебный пристав, и заявляет:

— Черт возьми, да у тебя очень мило, очень шикарно. Видно, в кармане у тебя совсем уж пусто, если ты промышляешь окошком.

Я снова начинаю его умолять:

— Сударь, уходите! Уйдите! Сейчас вернется муж! Он вернется сию минуту, он всегда возвращается в это время! Клянусь вам, вы ошиблись!

А он мне спокойно отвечает:

— Ну, крошка, будет кривляться. Если муж вернется, я дам ему пять франков, чтобы он пошел выпить чего-нибудь напротив.

Потом он увидел на камине фотографию Рауля и спрашивает:

— Это и есть твой... твой муж?

— Да, это он.

— Гнусная рожа. А это кто такая? Подруга?

Это была твоя фотография, дорогая, знаешь — в бальном туалете. Я уж не знала, что говорю, и пробормотала:

— Да, подруга.

— А она прехорошенькая. Ты меня с ней познакомь.

И вот часы бьют пять, а Рауль каждый день возвращается в половине шестого! Подумай только — что было бы, если бы он вернулся раньше,

Знак

чем ушел этот человек! И вот... и вот... я потеряла голову... совершенно потеряла... я решила... решила... что... что самое лучшее будет... будет избавиться от него... как можно скорее... Чем скорее это кончится... понимаешь... и вот... вот... раз уж это было необходимо... а это было необходимо, дорогая... без этого он не ушел бы... я... я... я заперла дверь гостиной... и... Ну, и все...

Маркиза де Реннедон хохотала как безумная, уткнувшись в подушку, сотрясая всю кровать. Немного успокоившись, она спросила:

— А... он был красивый?

— Ну да.

— И ты жалуешься?

— Но... Но, видишь ли, дорогая... он сказал... что вернется завтра... в то же время... и я ужасно боюсь... Ты не можешь представить, до чего он настойчив... и своенравен... Что мне делать... скажи... что делать?

Маркиза уселась на постели, чтобы поразмыслить, потом неожиданно объявила:

— Вели его арестовать.

Баронесса была озадачена. Она пролепетала:

— Как? Что ты говоришь? Что ты придумала? Арестовать его? Но под каким предлогом?

— Очень просто. Отправляйся к полицейскому комиссару и скажи ему, что какой-то господин преследует тебя уже три месяца, что вчера он имел наглость ворваться к тебе, что он угрожал снова заявиться завтра, и что ты требуешь защиты закона. Тебе дадут двух полицейских, которые его арестуют.

— Но, дорогая, а если он расскажет?..

— Глупенькая, ему же не поверят, в особенности, если ты как следует разукрасишь свою историю в разговоре с комиссаром. Поверят тебе: ведь ты — дама из безупречного круга.

— О, я ни за что не решусь!

— Нужно решиться, дорогая, иначе ты погибла.

— Подумай только, ведь... ведь он может оскорбить меня... когда его арестуют.

— Пускай, но у тебя будут свидетели, и его приговорят...

— Приговорят? К чему?

— К денежному штрафу. В таком случае надо быть безжалостной!

— Ах, да, кстати, о деньгах... меня ужасно угнетает одно обстоятельство... ужасно. Он оставил... два луидора... на камине.

— Два луидора?

— Да.

— Только и всего?

— Только.

— Мало. Меня бы это унизило. Ну, так что же?

— Что же! Как мне быть с этими деньгами?

Маркиза раздумывала несколько секунд, потом ответила серьезным тоном:

— Дорогая... нужно... нужно... сделать маленький подарок твоему мужу... это будет справедливо. □

Татьяна Харламова

ШКОЛА, которая всегда с тобой

В этом лицее все проникнуто «духом Пушкина». Во дворе — строгий бюст поэта, как своеобразная визитная карточка. И в холле «скульптурный» Александр Сергеевич каждый день раскланивается с детьми и педагогами. Тяжелые гардины под старину, изящный камин, канделябры с электрическими свечами, великолепная копия портрета Пушкина работы Тропинина, исполненная известным художником, пианино... Здесь, в Пушкинском зале, проходят занятия музыкой, пушкинские вечера, встречи с гостями

Дело в том, что Одинцовский лицей №6 носит имя великого поэта. И этот особый «пушкинский дух» ощущается во всем — не только в стилизованных интерьерах, но и во взаимоотношениях лицейцев и их наставников, в атмосфере уроков и переменок, литературных и театрализованных конкурсов.

Главная хранительница этого «доброго духа» — директор школы Ирина Георгиевна Стрижак. Своей твор-

очень красивым. Ирина Георгиевна убеждена, что будущее школы — в развитии заложенных традиций, открытии новых форм сотрудничества учителей и учащихся, и главной профессиональной задачей педагога считает доверие к ученику, умение находить контакт и способность взрослого проникнуть в духовный мир ребенка. Своим каждодневным трудом директор лицея является для учащихся и учителей примером ответственности, строго-

ческой инициативой, энергией и настойчивостью она заряжает весь коллектив.

Ирина Георгиевна — директор не на бумаге, а на деле, директор по призванию. Она сделала лицей нацеленным на успех, открытым для восприятия нового, современным, психологически комфортным, уютным и

сти и доброты, человечности и искренности. А это учит лучше всяких нравочений и нотаций.

Не удивительно, что, говоря об Ирине Георгиевне, постоянно возвращаешься к коллективу лицея №6, ведь именно она создала прекрасную команду единомышленников и профессионалов.

*Ирина
Георгиевна
Стрижак*

Сегодня мы беседуем с заместителем директора по воспитательной работе, преподавателем английского языка и классным руководителем 11 «В» класса Маргаритой Хачатуровной Петросян. В нашу беседу с ней неожиданно и органично впадают красивые трели, напоминающие бой старинных курантов. Мелодии постоянно меняются. Оказывается, это звонки на уроки. Не навязчивые, не заставляющие вздрагивать и галопом мчаться в класс, а мягко и корректно приглашающие

на урок. Это тоже своеобразный показатель атмосферы лица, отражение его воспитательных принципов: не навязывать, не заставлять, создавать настроение.

Маргарита Петросян отдала педагогике более 20 лет жизни, в лицее работает восемь лет. Сейчас в ее выпускном классе 27 лицеистов.

— У нас здоровая демократия, — улыбается Маргарита Хачатуровна. — Я и мои дети можем критиковать друг друга, спорить или говорить друг другу комплименты. Дети нас не боятся и

могут прийти с любыми вопросами. Это нормально. Например, я не оставлю незамеченной новую стрижку девочки, обязательно похвалю, если ей идет. И во мне ребята замечают любые перемены — хорошо я выгляжу или наоборот, уставший ли у меня вид, взволнованная или расстроенная. Мы равнодушны друг к другу. И это очень важно.

Приходя в школу, первым делом я иду посмотреть на своих детей. Они у меня все замечательные. По утрам у них традиция — не расходятся по классам, пока не «перечмокают» друг друга в щечку. Привет! — и дружеский поцелуй. Когда начинается эпидемия гриппа, это меня немного напрягает, я стараюсь их попридерживать, дескать, осторожнее, можно подхватить инфекцию, но у них это вошло в добрую привычку, которой они не изменяют. Очень дружно живут, и я этим горжусь. Иногда признаюсь своим коллегам: какая же я счастливая, у меня девочки совсем не ссорятся. А ведь возраст самый ранимый, эмоциональный: ревность к внешности, к нарядам, что-то не так сказал, не так посмотрел... И пошло-поехало. Тем более телевизор и Интернет сообщают о таких жестокостях подростков, что страшно становится. Но приходишь в родной лицей и успокаиваешься. У нас совсем другой мир.

После первого урока Маргарита Хачатуровна снова встречается с классом, уже более внимательно присматривается к своим подопечным и сразу чувствует настроение каждого: один явно чем-то взволнован, другой подавлен, у третьего во-

обще глаза на мокром месте. Она их слишком хорошо знает, от нее невозможно ничего скрыть. Да они и не стремятся. Наоборот... А для нее общаться со своими выпускниками все равно, что дышать.

В лицее существует негласная договоренность: если ты не смог или не успел подготовиться к уроку, подойди перед уроком и шепни, что не готов, не спрашивайте, отвечу в следующий раз.

— Все мы живые люди, — комментирует Маргарита Хачатуровна. — И нужно доверять друг другу. Разве приятно ставить в неловкое положение подростка, который вышел к доске и ничего не может ответить? Разве ему приятно краснеть перед учителем и одноклассниками?

Такой вот простой выход из ситуации...

— Приходится «вслушиваться, всматриваться» в каждого ученика. Порой — отстаивать его право на собственную позицию, помогать исправлять ошибки. Иной раз — просто опекать и защищать.

— А каких детей вы называете трудными?

— Трудными детьми я считаю закрытых, замкнутых детей. До них нелегко «достучаться», они либо тихие, вялые, либо озлобленные. Им не хватает энергетики, потому что они обделены любовью. Как правило, это дети из проблемных семей. После развода мама снова вышла замуж, у нее родился новый ребенок, и старшему начинает казаться, что он в семье лишний. Ему не хватает внимания родителей, общения. Он чув-

ствует себя одиноким и носит эту боль в себе. С такими детьми я стараюсь проводить больше времени, разговаривать, вовлекать в различные мероприятия, чтобы они поняли, что многим далеко не безразличны. Это очень несправедливо, когда человек в детстве познает, что такое одиночество.

...Долгое время педагоги лицея не решались брать на себя ответственность организовывать конкурсы «мисс» в различных сферах. Они очень дорожили спокойной дружелюбной атмосферой лицея и хорошо себе представляли, во что такие конкурсы могут вылиться: склоки, конфликты, неприязнь, обиды. Но, помимо педагогического коллектива, в лицее существует ученическое самоуправление. Ребята сами проявили инициативу в проведении конкурсов.

— Когда спланировали такой конкурс впервые, я испугалась, — вспоминает Маргарита Хачатуровна, — и честно сказала ребятам о своих опасениях. Они успокоили, заверили, что все будет хорошо. И сами стали разрабатывать идеи и сценарии конкурсов. Мы, конечно, были всегда рядом, советовали, корректировали. И нашими совместными усилиями рождались чудесные праздники. Процесс этот оказался настолько увлекательным, что в нем почти все принимали участие, поэтому «обязанных и обделенных» не было.

В новогодние дни провели конкурс «Мисс Снегурочка — 2013» для учеников девятих-десятих классов. Очень волновались, ведь каждая девочка мечтает быть Снегурочкой.

А все прошло на прекрасном и добром уровне. Меня порадовало, что все девочки-конкурентки словно забыли о конкуренции и активно помогали друг другу. «Вот тебе валенки, если нет», «у меня снежинок много, могу поделиться», «возьми мою шапочку, она тебе больше идет». Вместе делали костюмы, придумывали песни. Педагогам пришлось помогать им только в психологическом плане, поддержать, научить, как увереннее держаться на сцене. Заведующая библиотекой, очень творческий человек, в костюме Снежной королевы возглавляла жюри. Все старшеклассники в зале дружно болели за всех девочек сразу. Зрелище было очень красивое. Выбрать лучшую Снегурочку оказалось трудно, но, тем не менее, по единодушному мнению, победительницей конкурса стала очень обаятельная лицеистка из девятого класса. За нее проголосовали и болельщики, и жюри, и, главное, сами участницы.

В 2010 году Одинцовский лицей №6 стал лучшим в Подмоскowie. Добиться этого было нелегко. Одно из требований — подготовить музыкально-театрализованное представление по программе развития лицея и уложиться в десять минут. Сценарий педагоги придумывали вместе с учениками.

— У сегодняшних старшеклассников прекрасное внутреннее чутье, и нам часто приходится к ним прислушиваться. Наверное, сказываются громадная информированность и эрудиция. У нас ведь не было Интернета, таких великолепных

*Маргарита
Хачатуровна
Петросян*

компьютерных программ, как у нынешних поколений. Зато есть опыт зрелости, духовный опыт и накопленные знания. Сегодня мы с детьми учимся друг у друга, корректируем друг друга. Такой и должна быть идеальная современная школа. Дети, учителя и родители — как партнеры. Нам удалось вместе придумать уникальный сценарий. С помощью стихов и музыки мы представили свою десятиминутную программу развития лицея. Все получилось достаточно гармонично, и мы стали первыми. Это была еще одна минута счастья в моей жизни.

Сегодня наши старшеклассники сами, без чьей-либо помощи, пишут сценарии для «последних звонков», мы только советами помогаем.

Недавно объявили конкурс на лучшую школьную форму. Ребята активно включились в процесс, приносят эскизы. Вообще, внешнему виду в лицее уделяется большое внимание. Раз в неделю Маргарита Хачатуровна делает обход классов именно с этой целью, а потом итоги обсуждаются на старостате. В лицее стараются следовать чеховским принципам: «В человеке все должно быть прекрасно, и одежда,

и душа, и мысли». Жюри отберет пять лучших эскизов, а затем будет организована защита этих образцов. Лучший из лучших получит право на жизнь — в следующем учебном году лицеисты будут красоваться в фирменной, удобной и красивой форме.

В лицее более 600 медалистов. Четыре громадных стенда с их именами украшают просторный холл.

— Маргарита Хачатуровна, в российском образовании постоянно что-то меняется. И не всегда в лучшую сторону. За восемь лет работы в лицее вы наверняка сильно ощущали эти перемены. Что вас сегодня радует и что тревожит?

— Вот только что получили новый Закон об образовании. Будем изучать и обсуждать.

Радует то, что у нас все больше талантливых творческих детей. Многие ребята с большим успехом принимают участие в самых различных олимпиадах. Например, есть у нас одна своеобразная девочка, у которой получается все: прекрасно играет на скрипке, изучает историю искусств, и это не мешает ей успешно участвовать в олимпиаде по математике. Характер жесткий, личность многогранная. Как сложится ее жизнь? Пока ее опекают, оберегают. Но тревожит то, что многие талантливые дети не смогут поступить на бюджетные места в вузы. Не потому, что не доберут баллы, просто количество мест очень ограничено, и на них претендуют, прежде всего, льготники: дети из многодетных семей, дети-инвалиды. Конечно,

это понятно. Но платить за обучение сегодня многим не по карману. Вот и останутся талантливые дети «за бортом». Поэтому выпускники вынуждены нанимать репетиторов, бросать все силы на подготовку к ЕГЭ. Им уже не до творческих изысков, не до книг, не до театров. Досуга у них практически нет. И это тревожит...

— Есть ли у лица особые традиции?

— Мы не пропускаем ни одного мероприятия, связанного с именем Пушкина. В прошлом году ездили на международный конкурс-фестиваль «Друзья, прекрасен наш союз», который состоялся в Санкт-Петербурге. Мы были победителями во всех этапах конкурсной программы.

И каждый год с 19 октября в лицее проходит Пушкинская неделя. В эти дни мы посвящаем пятиклассников в лицеисты. Вручаем каждому удостоверение — каждый класс придумывает свой рисунок, свой текст. Иногда приветствие размещают на красивых косынках-галстуках. Простор для творчества неограничен. Для пятиклассников это очень памятный день. В течение недели в Пушкинском зале проходят литературные вечера, конкурсы чтецов, конкурсы инструменталистов, конкурсы рисунка «Сказочный мир Пушкина».

Есть у нас еще одна замечательная традиция. Директор лицея, Ирина Георгиевна Стрижак, — потрясающе творческая и энергичная личность, не дает скучать ни себе, ни другим, а в День учителя посто-

янно организовывает экскурсию. Мы побывали в Царицыне, Коломенском, во многих усадьбах знаменитых писателей. Последней была увлекательнейшая поездка в «Этномир» в Калужской области. Это уникальный музейный комплекс. Целая улица с макетами домов разных стран. Из русской избы попадаешь на бразильскую фазенду, из японского домика в украинскую хату. И в каждом доме рассказывают о бытовом укладе, традициях этого народа, с местными шутками, прибаутками, пословицами. Столько интереснейшей информации!

Можно попасть и на мастер-классы ремесел — поучиться гончарному мастерству, искусствуковки. Здесь идеальное место для проведения уроков географии, истории.

...Каждый вечер Маргарита Хачатуровна открывает ежедневник и составляет план на следующий день. А на следующий день смотрит: выполнила не все пункты, зато плюс десять незапланированных. Есть глобальные вопросы, есть рабочие моменты. По утрам первым делом смотрит электронную почту и старается поскорее выполнить оперативные задания из управления образования. А затем, разделавшись с «бумажной работой», спешит к детям.

Учителем она мечтала быть с детства, и в другой профессии себя не представляет.

Свою жизненную философию она озвучила на первом родительском собрании, когда взяла под свое крыло пятиклассников, чтобы вести их до выпуска:

— Я всех этих детей очень люблю, потому что это мои дети. Я не претендую на роль мамы, но все, что делаю и буду делать, — с материнских позиций. Мы будем вместе разбираться в возникающих ситуациях, обсуждать общие проблемы, бороться с недостатками. Но я хочу, чтобы вы знали главное: я их всех люблю.

Ей поверили. И все получилось. Выпускной класс Маргариты Петросян — это гармоничные, всесторонне образованные люди, готовые воплощать свои мечты в жизнь.

В кабинете Маргариты Хачатуровны много цветущих орхидей. Интересуюсь, а дома она разводит цветы?

— Совсем нет! — весело ответила она. — Ведь мой дом — здесь!

А семья у нее замечательная, муж и сын во всем ее поддерживают. А это так важно, чтобы у тебя был надежный тыл.

Покидая лицей №6, я вдруг подумала, что, впервые придя сюда, сразу ощутила себя маленькой частичкой этого огромного, прекрасного мира, где каждому рады и каждому искренне желают добра. Ведь все главное в судьбе человека начинается именно со школы, и я уверена, что Одинцовский лицей №6 — хороший, надежный жизненный фундамент для всех его учеников. Это школа, в которой хочется учиться, которая дает не только отличные знания, но и помогает жить и всесторонне развиваться.

Наши дети — наше будущее в хороших и очень заботливых руках! □

*«Сильней
любви
в природе нет
начала»*

Светлана
Рахманова

Трудно не согласиться со словами великого Лопе де Вега, но и сегодня для каждого из нас понятие «любовь» по-прежнему остается загадкой, которую пытались разгадать еще древние мудрецы. Что же все-таки это такое — Любовь, и как трактуют ее ученые-психологи?

Первую концепцию любви создал двадцать четыре века назад Платон. Любовь по Платону — двойственное чувство. В ней живет и тяга к прекрасному, и ощущение чего-то ущербного. Чувство неполноценности связано с тем, что земная любовь — лишь бледная копия идеи настоящей любви, которую наши души взяли с собой из бестелесного, идеального мира. Мир этот первичен и более совершенен по сравнению с миром материальным. Эрот двулик, говорит Платон, он несет и пользу, и вред, дает и зло, и добро. Причем, все хорошее — воспоминания из идеального мира, а все плохое вызвано несовершенством материи. Любовь таится в самой человеческой природе, и она

нужна, чтобы исцелять ее изъяны. Ведь когда мы по-настоящему любим, то возвышаемся над всеми своими недостатками. Поэтому, если хочешь, чтобы тебя любили, относись к любимому, как к самому себе.

Философ прошлого Каслер составил пессимистическую модель любви. Он выделял три причины, заставляющие влюбляться, и самая главная из них — жажда признания или потребность быть значимым в глазах окружающих.

Любовь по Каслеру — это сплав эмоций, в котором верховодит боязнь потерять источник удовлетворения потребностей, делающая человека зависимым и мешающая развитию. Следовательно, прихо-

дит к выводу Каслер, свободный человек не испытывает любви.

Американский психолог Маслоу, наоборот, разработал оптимистическую модель любви. Он уверен, что при настоящей любви исчезают все тревоги и страхи, мы ощущаем себя в полной безопасности, а интерес любящих друг к другу с годами только растет.

Модели моделями, но, оказывается, существуют еще и типы любви: любовь-увлечение (эрос), любовь-игра (людус), любовь-дружба (сторге), любовь-одержимость (мания), любовь по расчету (прагма) и бескорыстная любовь-самоотдача (агапе).

Причем, эрос и людус в большей степени присущи мужчинам, а сторге, мания и прагма — женщинам.

Представитель современного психоанализа Эрик Фромм выделил основные компоненты любви. К ним он отнес ответственность, уважение и понимание друг друга, а также удовольствие и радость. Фромм очень верно заметил: *«Давание побуждает другого человека тоже стать дающим, и они оба увеличивают радость, которую внесли в свою жизнь. В да-*

рении себя и есть та сила, которая рождает любовь». Другими словами, любовь предполагает заботу о любимом, заинтересованность в улучшении его жизни и развития. Где нет этого, там не может быть настоящей любви. Тот же Фромм считает, что *«самозабвенное помешательство друг на друге — не доказательство силы любви, а лишь свидетельство безмерности предшествовавшего ей одиночества»*.

Мэтр отечественной психологии Леонид Гозман подчеркивает, что аттракция, как еще называют любовь в научных кругах, связана с альтруизмом, восхищением другим человеком и возможностью открыто выражать свои чувства, в том числе несогласие, без опаски разрушить отношения.

Любовь возникает, когда люди имеют много общего, как в плане душевной организации, так и в плане образования, социального положения, взглядов на жизнь. А еще мы любим, если хотим любить, то есть, любовь, оказывается, — дело добровольное.

Психологи обычно выделяют два этапа развития отношений. Первый

этап связан с возникновением симпатии. Ощущения, сопровождающие симпатию, слабее, нежели при любви. Любовь же часто соседствует с нарушениями сна, сильным возбуждением и трудностями концентрации внимания.

Симпатия зависит от привлекательности, социального благополучия и манеры человека держаться. Теоретически, чем богаче, образованней, общительней и симпатичнее человек, тем больше у него шансов на счастливую любовь. Не случайно образ принца перешел из сказок в современную жизнь. Оценка внешности зависит от ее соответствия существующим стандартам. Например, единственный общий для всех культур признак муж-

ской красоты — мускулатура и высокий рост. Ученые также заметили тенденцию приписывать красивым людям положительные свойства характера, а некрасивым — отрицательные, особенно это касается женщин. Так, в русских сказках Василиса-Краса — частый персонаж, а Ивана-Красавца не встретишь нигде. И хотя далеко не все стремятся снискать любовь «Клаудий Шиффер» и «Томов Крузов», для барышень внешность избранника все же более важна, чем для парней, они стремятся выбрать самого симпатичного претендента на их сердце.

По мере узнавания любящими друг друга симпатия переходит в любовь — значимыми становятся

уже не внешние, а внутренние черты. Тут мы говорим о втором этапе развития отношений. Как ни странно, обилие достоинств уменьшает аттракцию: слишком положительные личности воспринимаются как недоступные и недостижимые, и их излишняя правильность только угнетает, а приветливость и улыбка, наоборот, повышают симпатию.

У каждого из нас любовь разная. Причем образ ее зависит от опыта, приобретенного в семье. В этом опыте зафиксировано отношение родителей друг к другу, их поведение. Некоторые люди жалуются, дескать, все их любимые жестоки и деспотичны. К слову, несмотря на отсутствие равноправия, подобные союзы длятся подолгу. Казалось бы, что мешает прекратить отношения? По мнению ученых, причины скрыты в детстве жертв. Люди, выросшие в атмосфере авторитарности, будут искать любимых с травмирующими чертами.

Обнаружено три вида невротической любви: фанатичная любовь к кумиру, сентиментальная любовь и всепоглощающая любовь к родителю противоположного пола.

Так, при болезненной привязанности к родителям человек, влюбляясь, видит в объекте страсти лишь воплощение черт мамы или папы, которые представляются идеальными. Однако идеал может быть только один, и копия никогда не превзойдет оригинал. Матерински ориентированные юноши в романтических

отношениях остаются детьми. Они добры, нежны и обаятельны, но, вместе с тем, беспомощны и безвольны. Их отношение к любимой поверхностно и безответственно, цель — скорее, получать любовь, чем дарить. Если возлюбленная своим героем не восхищается, делает попытки жить своей жизнью, не согласна прощать измены, он чувствует себя глубоко задетым и разочарованным. Матерински ориентированный парень ищет девушку, похожую на мать, и, найдя такую, становится счастливым. Соответственно, отцовски ориентированная барышня старается отыскать спутника жизни, в котором бы воплотились лучшие черты отца. Она будет счастлива с мужем, который согласится заботиться о ней, как о ребенке.

Любовь к кумиру — самый яркий случай невротизма. Раньше поклонницы Есенина совершали самоубийства на могиле поэта. Сегодня фанатки звезд эстрады сутками «дежурят» под окнами своих идиолов, обрывают телефоны, пишут письма с угрозами женам знаменитостей. Любовь к кумиру — это самоуничтожающее поклонение и обожествление. Любящий теряет себя как личность, поэтому его чувство трудно назвать здоровым.

Казалось бы, что плохого в сентиментальной любви?! Но подобные отношения считают не истинными, поскольку на первый план в них выступает поверхностное, ритуальное ухаживание, театральное поведе-

ние с эпизодами мелодрамы. Те, кто реализует такую любовь, на самом деле заняты скорее самолюбованием, чем проявлением чувства.

Однако не все так печально! Романтические отношения можно улучшить и сохранить. Для этого нужно применять особые приемы. Действительно, что нам мешает уделять, например, друг другу больше времени: делиться тем, как прошел день, расспрашивать о настроении, мыслях дорогого существа?! Кроме того, важно избегать монотонности. Каким образом? Хотя бы придумывать интересные развлечения, о которых потом останутся незабываемые воспоминания, или научить любимого тому, что сам хорошо делаешь! Важно также не критиковать свою половину при людях, а только хвалить. Хвалить просто так, за изменения к лучшему, за позитивные поступки и положительные качества. Этим мы закладываем еще один кирпичик в здание совместного счастья.

Постсоветская культура не особенно поощряет «телячьи нежности». Внешняя холодность считается признаком высокой нравственности, поэтому мы плохо умеем выражать чувства. Но как приятно проявлять заботу, нежность: обниматься и целоваться при встрече или прощании, да и просто так, держаться за руки, звонить по телефону, чтобы сказать только: «Привет»! Часто ли мы без повода делаем любимым небольшие подарки? Можем

ли без смущения сказать нежные слова, не считая это признаком слабости? В общем, немного импровизации, и любовь на вашей стороне!

И все же, как в реальной жизни стать любимой? Психологи считают, что это вполне возможно, если следовать определенным правилам.

13 СПОСОБОВ ВЛЮБИТЬ В СЕБЯ ЛЮБОГО:

1. Будьте уверенной и самодостаточной. Не концентрируйтесь на мужчине полностью, даже если готовы сгореть от любви. Излишняя привязанность, как ни обидно, становится навязчивой и потому отпугивает.
2. Не соглашайтесь безоговорочно на все условия, которые диктует мужчина. Например, на неудобное время свидания. Или даже если день, время и место встречи устраивают, измените что-либо: пусть парень подстраивается под вас.
3. Позвольте себе маленькие слабости и капризы: старайтесь, чтобы любовная игра развивалась не только по его, но также по вашим правилам. Попробуйте как-нибудь опоздать. А если позвонить ему со своей «огром-

ной проблемой» в неурочное время? Лучше на «сотовый», дабы не будить домочадцев.

Только не переусердствуйте с «капризами»! В избытке они утомляют и приводят, в результате, к разрыву отношений.

4. Чтобы отношения не становились пресными, провоцируйте любимого на «подвиги». Они должны требовать усилий, но быть мужчине посильными.

5. Будьте непредсказуемой и разной: то загадочно молчаливой, то веселой хохотушкой. Меняйте стили одежды.

6. Знайте себе цену и держитесь с особым достоинством. Откажитесь от крепких выражений, не злоупотребляйте спиртными напитками, не одевайтесь слишком вызывающе. Создавайте уют и чи-

стоту в квартире, старайтесь хорошо зарабатывать, найдите хобби, будьте интересной собеседницей.

7. Как ни удивительно, многие мужчины предпочитают слегка стервозных по характеру женщин. Постарайтесь иногда быть такой, но не становитесь невыносимой. Не злоупотребляйте неожиданностями и «проверками чувств» слишком часто, иначе бедный парень не выдержит и сбежит.

8. Станьте ему настоящим другом, человеком, с которым можно поделиться наболевшим. Внимательно слушайте, изредка вставляя эпитеты: «Да!», «Неужели?!», «Ого!» и тому подобное. Избегайте советов и нравочений.

9. Попробуйте вместе с ним найти выход из затруднительных ситуаций и постарайтесь помочь.

10. В вас все должно быть прекрасно: и внешность, и душа, и поступки. Не поддавайтесь депрессиям. Чаще улыбайтесь. Тогда, даже не обладая внешностью модели, вы обеспечите себе постоянный интерес любимого и массу поклонников.

11. Кстати, что делать с поклонниками? Не отказывайтесь от общения с ними полностью, когда появится постоянный кавалер. Безобидно флиртуя с другими мужчинами, вы несколько не изменяете ему. Поклонники нужны просто ради эмоционального тонуса и демонстрации любимому собственной ценности. Мужчины падки на женщин, которые нравятся всем.

12. Конечно, идеален вариант, когда парень воочию видит, как другие «самцы» добиваются вашего расположения. Если у вас нет поклонников, все равно нужно себя рекла-

мировать. Можно, например, сказать любимому: «Ты представляешь, какие наглые мужики пошли?!» «А в чем дело?» — спросит он. «Знакомьтесь прямо в метро! Сегодня, например, один интеллигентный такой мужчина говорит: «Девушка, можно с вами познакомиться?» «Да ты что!» — неприятно удивится он. «Еле отвязалась, пришлось даже выскочить на следующей остановке. Можешь у Ирки спросить, мы с ней вместе ехали»...

13. Но самое главное — помня о наших советах, оставайтесь собой! Ведь с некоторыми даже очень хорошими мужчинами у вас при всех стараниях может и не сложиться. Зато на свете много других столь же замечательных, симпатичных, умных, добрых, благородных, талантливых парней, которые с удовольствием обратят свое внимание именно на вас.

Любите и будьте любимыми! Пусть этот живительный огонь коснется вашего сердца, и тогда, как говорил один поэт: «И душе твоей навстречу полетит душа моя!» □

ПАМПУШКА

Катерина
Измайлова

...Когда Лидия познакомилась с Павлом и привела его в дом, черно-белая киска Пампушка, любимица хозяйки, восприняла пришельца весьма доброжелательно — и симпатия ее росла с каждым днем. Однажды Лидия застала киску за интересным занятием: она терлась головой о свитер Павла, брошенный на кресло, — то одной щекой, то другой, и настолько была увлечена своим занятием, что не желала замечать хозяйку, пытавшую ее согнать...

Пампушка молода, здорова и энергична и время от времени впадает в истерическое состояние, заключающееся в остром желании материнства... Но затем наступает период затишья, и Лидия снова может жить спокойно.

Однако с появлением в доме Павла ситуация несколько изменилась: истерик и мяуканья стало больше, а тишины и спокойствия — меньше. Однажды Лидия и Павел, зайдя в спальню, увидели раскинувшуюся на кровати Пампушку, и ее мордочка выражала неопишное блаженство.

— Боже мой, что она делает! — воскликнула Лидия. — Это надо как-то прекратить!

Согнав кошку с кровати, она принялась звонить подруге Ирине, большой любительнице и знатоку домашних животных. Ирина собиралась за границу на очередную международную кошачью выставку и пообещала Лидии привезти для Пампушки таблетки — совершенно безвредные для организма, но отбивающие всякую половую охоту.

Свое обещание подруга выполнила — привезла из-за границы чудодейственные таблетки, и вскоре кошачьи истерики прекратились. В доме опять воцарились тишина и спокойствие, но...

Однажды вечером, когда Лидия, как обычно, улеглась рядом с любимым и прильнула к его теплому сильному плечу, Павел как-то странно отодвинулся — совсем чуть-чуть — и сладко зевнул.

— Сегодня почему-то очень хочется спать, — сказал он. — Наверное, из-за погоды. Смотри, какая морось!

— Да, — согласилась Лидия и прижалась к нему всем телом.

Но он всего лишь поцеловал ее по-отечески — в область виска, и, поворачиваясь к ней спиной, сонно пробормотал: «Давай спать, малыш...»

Впервые за целый год в этот вечер они не занимались любовью...

На следующий день все вернулось на круги своя — и объятия, и ласки. Лидия вздохнула с облегчением, но радость ее длилась недолго... Через несколько дней плачевная ситуация повторилась: Павел снова сослался на усталость, повернулся набок и уснул, обняв рукой примостившуюся рядом кошку. Потрясенная Лидия долго не могла уснуть и время от времени бросала ревнивый взгляд на спящую возле нее парочку: Пампушка сладко урчала, а Павел выглядел вполне безмятежным и умиротворенным.

ПАМПУШКА

Катерина
Иванова

О горе! Любовная идиллия закончилась! Павел был внимателен, ласков, но... он больше ее не хотел. Лидия никак не могла понять, что же случилось, долго мучилась, пытаясь найти объяснение, но все ее попытки были безуспешными, и она решила посоветоваться с подружкой.

— Ну, надо же! — удивилась Ирина. — Наверное, у него кто-то есть.

— Не может быть! — пылко возразила Лидия. — Он меня любит!

— Не будь такой наивной, Лидка, им всем рано или поздно нужно что-нибудь новенькое и свеженькое. Ты посмотри на него внимательнее: стал ли он более тщательно следить за своей одеждой? Разглядывает ли себя в зеркало? Задерживается ли после работы? Блуждает ли дурацкая улыбка на его лице, когда он возвращается домой?

— Какая улыбка, Ира! Какое зеркало! — воскликнула Лидка. — Приходит домой вовремя, ужинает, а потом заваливается на диван вместе с Пампушкой — телевизор смотреть, а глаза-то закрыты!

— Так... — проговорила Ирина и задумалась. — Значит, ты его больше не возбуждаешь. Срочно иди в магазин, купи книжку о том, как завлечь мужчину — там сейчас этого добра полным-полно, — и действуй по инструкции.

На следующий вечер, когда Павел пришел домой, Лидия встретила его в черных обтягивающих лосинах и плотно прилегающей к телу футболке (футболка была красного цвета, этот цвет возбуждает — прочитала она в книге). После ужина, когда Павел с кошкой устроились на диване, налила в ведро воды, взяла половую тряпку и стала протирать в комнате пол.

Делала это она весьма изящно, как советовала автор книги. Наклон вперед — ноги расставлены шире плеч: правая слегка согнута, левая прямая. Центр тяжести плавно переносится с правой ноги

на левую, затем снова на правую, и тело совершает волнообразные движения. При этом надо делать вид, что тебя интересует исключительно уборка квартиры: мужчины не любят навязчивости.

Так она трудилась минут десять — то приближаясь к Павлу, то удаляясь от него в позе бегущего египтянина.

Некоторое время Павел совсем не замечал стараний Лидии — по телевизору показывали футбол, но вот был объявлен перерыв, и он, оторвавшись от экрана, перевел свой взор на Лидию и произнес:

— Ласточка моя, тебе же так неудобно! Зачем трудиться в полусогнутом положении! Завтра я куплю тебе швабру.

На следующий день в доме появилась швабра. Она была новейшей конструкции — не надо было наклоняться, чтобы намочить тряпку в ведре: механическое устройство само ее отжимало. Но Лидии от этого легче не стало: Павел по-прежнему ее не хотел.

— Что делать?! — восклицала она, разговаривая с подругой. — Я испробовала прием «скучающий барин, наблюдающий за дворовой девушкой», которая, подоткнув подол и обнажив крепкие лодыжки, моет в комнате пол, — не помогло.

— Войди в какой-нибудь другой образ, — посоветовала Ирина. — Черные чулки на поясе, ярко-красная губная помада, алый маникюр. Он сойдет с ума, когда увидит твои красные коготки!

На следующий день Лидия пошла в магазин и купила супер-сексуальное женское белье. Лак для ногтей выбрала потрясающего цвета — он горел и переливался, словно огонь. Вернувшись вечером домой, она принялась за дело: нанесла красный лак на ногти, накрасила губы ярко-красной помадой, наложила сверху блеск, затем накинула легкий халатик и стала ждать Павла.

Павел пришел с работы, поужинал и, как всегда в последнее время, улегся на диван, включив телевизор. Тут же рядом с ним пристроилась кошка! Лидия уже не могла скрывать своего раздражения — Пампушка, казалось, окончательно заняла ее законное место! Рука Павла лениво, как бы машинально, гладила ее шерстку, а кошка, хотя и успокоенная таблетками, громко урчала и блаженствовала.

Тогда Лидия, изящно придерживая халатик, пристроилась с другого боку и стала нежно водить пальчиком по его груди — кроваво-красные коготки бесподобно смотрелись на загорелой мужской коже.

— Ой! — вскрикнул Павел и засмеялся: — Ой, щекотно! — дернулся он и перехватил ее руку.

Лидия напряглась, халатик мгновенно распахнулся... и Павел замер, в оцепенении уставившись на черные чулки, пристегнутые к поясу, и тонкое кружевное белье.

— Ты с ума сошла! — совсем другим голосом заорал он. — В такой холод! В этих чулочках! В этих трусиках! Отморозишь себе все! Чтoб я этого больше не видел!

На следующий день, вернувшись после работы, он выложил перед Лидией покупки: теплые панталончики, в цветочках, до колен и шерстяные колготки — черные и толстые.

— Что делать! Все пропало! Он не реагирует! — изливала подруге свое горе Лидия. — Никакой маникюр не помог, никакие чулочки-поясочки!

— Не отчаивайся, Лидка! — успокаивала ее Ирина. — Есть еще множество способов. Эротические фантазии, например.

— Какие еще фантазии? — без всякого энтузиазма поинтересовалась Лида.

— Ну, разные. Твое женское воображение должно тебе подсказать...

Прошел еще один вечер, такой же тихий и спокойный, как все предыдущие в последнее время. И на этот раз, несмотря на все, что с эротическим придыханием нашептывала ему на ухо Лидия, Павел никак не отреагировал на ее слова, лишь притянул ее голову к себе, легонько поцеловал и, пожелав спокойной ночи, тут же крепко уснул. Эротические словесные фантазии тоже ничем не помогли.

А утром за завтраком, жуя бутерброд, он внимательно посмотрел на Лидию и произнес:

— Солнышко мое, мне кажется, ты слишком устаешь на работе. Наверное, тебе нужно немного отдохнуть, подлечить нервишки. Давай-ка, возьми недельку в счет отпуска, запишем

тебя на прием к психотерапевту — у моего одноклассника есть один зна-
комый, замечательный специалист.

Лидия не отрывала глаз от чашки с кофе. Ей почему-то было стыдно.

— Да нет, ты ошибаешься, — пробормотала она. — Не надо никакого
психотерапевта, со мной все в порядке...

— Ничего не подействовало, все напрасно! — сокрушалась Лидия, раз-
говаривая с подругой. — Он по-прежнему все время спит, будто меня не
существует!

— Послушай, — сказала Ирина. — А может, ларчик просто открывает-
ся? Может, ему элементарно витаминов не хватает? Ведь сейчас весна!

— Да есть у него витамины, — печально возразила Лидия, — еще месяц
назад я ему целую банку покупала...

— А может, он про них забыл, — настаивала Ирина, — напомни ему
об этом...

Вечером, за ужином, Лидия спросила Павла:

— Ты принимаешь витамины, которые я тебе купила?

— Конечно, малыш, — ответил он. — Больше половины уже съел.

— Неужели больше половины? — удивилась Лидия и встала из-за сто-
ла. Открыв шкафчик, где хранилась баночка, отвинтила крышку и загляну-
ла внутрь — витамины были нетронуты. — Что же ты принимал?! — вос-
кликнула она.

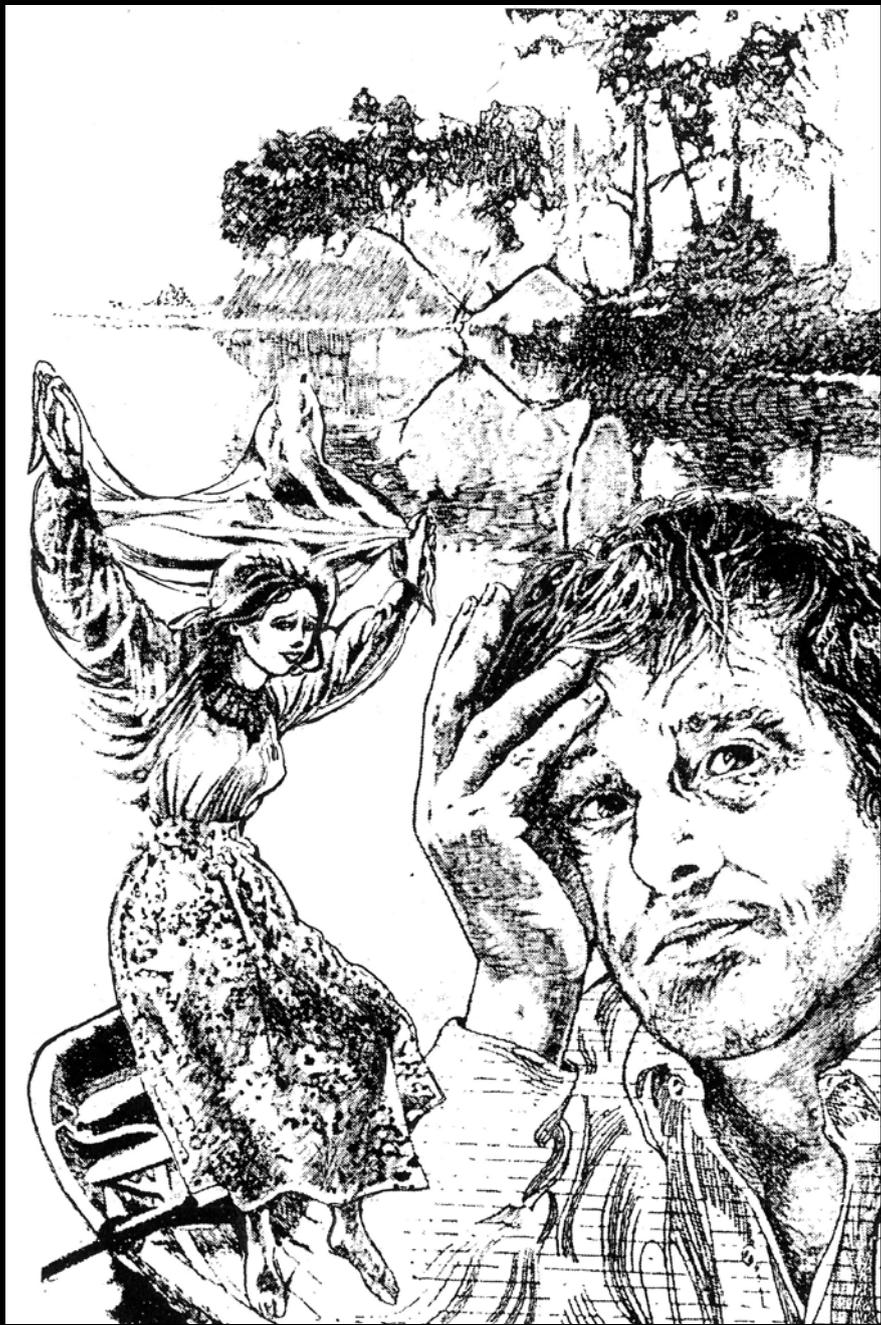
— Да вот эти, что у тебя на холодильнике лежат, — ответил Павел,
удивленный ее реакцией.

На кухню вошла Пампушка и вспрыгнула на табуретку. Вот уже месяц
она была спокойна и безмятежна — ей не хотелось никакого кота: доро-
гостоящие таблетки, привезенные Ириной из-за границы и с тех пор ле-
жавшие на холодильнике, действовали весьма эффективно.

— О, боже! — прильнула к груди мужа Лидия. — А я-то думала... Я про-
сто не знала, что думать!..

— Что случилось, малыш? — спросил он.

— Вот ЭТИ витамины надо пить, а не те! — громко и отчетливо, словно
разговаривая с глухим, проговорила Лидия и сунула в руки Павла баночку
с витаминами. Затем решительно подошла к холодильнику, сгрести остав-
шиеся таблетки, отбивающие у кошек всякую половую охоту, и унесла их
в комнату — спрятать подальше. □

ЗЕМНАЯ

любовь

Все село облетела новость: Гришка, этот молчун и тихоня, будет засылать сватов к Варьке, к первой красавице и плясунье, и Варька вроде бы готовится принять сватов.

Ну, Гришка, ладно, что с него взять, без царя в голове, размышлял народ, но Варька-то что удумала? «Это же надо отмочить — выбрать такого увальня!» — обиженно галдели парни, которым Варька в разное время отказала. «Это ж, ни много ни мало, насмешка над селом, над всем мужским сословием!» — упражнялись они в остроумии и важно ходили по селу, как петухи в курятнике, вот только каждого в душе съедала зависть.

Пищи для разговоров хватало всем, в селе отменно работало «сарафанное радио». Достопочтенные старушки вечерами, сидя на завалинке, радостно «точили свои язычки».

В назначенный день и час село загудело растревоженным ульем, пришло в движение, задвигалось, заговорило — все живое неслоьсь нескончаемым потоком, запрудив ули-

цу, к дому Варвары, словно был объявлен всемирный потоп, и спасать всех будет непременно Варька. Не часто деревню балуют такими новостями, и каждому охота было самому поглазеть. А особенно нетерпеливые и любознательные, без которых, как говорят в народе, и «вода не освятится», уже толпились у калитки. Они плевались семечками, как на посиделках, и, завидев нового сельчанина, резво устремлялись навстречу, дружно набрасывались на него, чтобы в который раз пережить с ним свое удивление и непременно пристегнуть что-то от себя.

Вдруг двери дома Варьки распахнулись, и народ всколыхнулся — на пороге стояли сваты, перевязанные рушниками.

Весть о том, что Варька все же приняла сватов, взорвалась в селе тунгусским метеоритом, да так и погребла под собой тайну столь странного союза. Почему Варька дала согласие, навсегда осталось загадкой для односельчан, как, впрочем, и сам тунгусский метеорит остается для нас все еще загадкой, так как ученые разбегаются во взглядах, и каждый мужественно топчется на своем, удивляя самыми разными гипотезами.

А жизнь, тем временем, шла своим чередом: обычная суета, работа, обычные радости и хлопоты деревенские. То, что еще вчера висело у всех на языке, как нечто необычное, как-то постепенно забылось, утихло. Да и как можно долго кормиться этой новостью, если Гришка и Варька упрямо не клевали на наживку и жили себе в полной любви и согласии. Народ махнул на них рукой — себе дороже. Будто и дел больше нет, как попусту чесать языками.

А какие славные вечера были у наших молодоженов! Варвара целый день проводила в беспокойном ожидании и после трудового дня неизменно назначала встречу мужу в одном месте — в спальне. Но эти часы были особые: светлые и счастливые для обоих. Это было единение душ, напоминавшее некий обряд. Варвара очень любила такие вечера. В этот час тихий загадочный мир засыпал, и чудилось ей, что она одна на всей планете, отчего порой становилось страшно. Но горячее плечо мужа, сознание, что рядом настоящий мужчина, радовало, успокаивало, и Варвара нежно тянулась к нему, словно перепуганный птенец.

И вот здесь начиналось главное, что неизменно повторялось почти каждый вечер в первые месяцы их супружеской жизни. Она вдруг как-то странно затихала под мышкой левой руки мужа и одновременно тревожно и ласково спрашивала: «А ты меня, Гришутка, лю-бишь?» Гришутка, как и подобает мужчине, держал паузу, и Варвара вся замирала в этой паузе, натягивалась, как струна. Долго она не выдерживала этой пытки, и ее растерянное лицо оказывалось совсем близко у лица Григория, глаза и губы просили, кричали, требовали, умоляли, и неслоь по Вселенной однажды выстраданное Евой, мучительное и сладкое: любишь меня?

Григорий, с полным сознанием важности происходящего, старательно оттопыривал нижнюю губу и протяжно говорил: «Конечно, люблю», что приводило Варвару в неопишуемый восторг. Она смеялась и резвилась как ребенок, а потом, вдоволь насмеявшись, прижималась к мужу и уже кокетливо спрашивала: «А как ты меня, милый, любишь?» Григорий обнимал ее со всей нежностью, на которую был способен, и гудел в ответ: «Сильно люблю!»

Какая все-таки малость нужна женщине: скажи, что любишь ее, что она милее всех на свете — и она уже счастлива. И вот что интересно: мы, мужчины, бьем себя в грудь, случается, кропаем стишки и орем дурным голосом, что любим, но часто тут же забываем об этом, причем, оставаясь весьма довольными собой. А женщины — они молча посвящают нам свою жизнь, только и всего.

Молодая семья Варвары и Григория, на зависть злым языкам, все больше крепла, соседи запросто заходили к ним, делились своими радостями и тревогами. Бывало, и старушки приходили к Григорию с письмами от родных и просили его перечитывать их по нескольку раз, уж очень душевно у него выходило. Иногда и ему приходилось сочинять письма для старушек, к чему он относился очень серьезно, за что и снискал почет и уважение в селе, теперь его называли почтительно: Григорий Павлович.

Вскоре в доме молодой семьи зазвучали детские голоса, два мальчика и одна девочка заново открывали мир Григорию и Варваре. Годы летели, и все вроде бы было хорошо, но...

Бывает так, что совсем некстати подстерегают нас за углом неудачи, кривая огорчений стремительно катится вверх, начисто сметая все мечты и надежды...

Так случилось и в этой семье. Неожиданно Варвара тяжело и серьезно заболела. Вот уже несколько месяцев она не поднималась, и вся деревня вынесла ей жестокий приговор, при этом очень жалея Григория и детей. Сначала робко, а потом уже открыто пополз слухок о самом худшем. Находились и такие, кто свободно, будто за кружкой пива о погоде, говорил о скорой смерти Варвары, даже конкретные дни назначались. Но Варвара упрямо тянула, не желая укладываться в эти сроки, и всеми силами цеплялась за жизнь. Тревожно стало в доме. Григорий исхудал весь, не слышно было больше радостного смеха детей.

Однажды утром в воскресенье Григорий отвел детей к бабушке, жившей на краю деревни, а сам вернулся домой к жене. Ему хотелось побыть с ней вдвоем. Он достал цветы, которые купил накануне и припрятал, и прошел в комнату, где лежала Варвара. Она медленно повернула к нему голову, и в глазах ее мелькнула тревога. В последнее время Варвару не покидало чувство тревоги и неосознанного беспокойства. Она ведь по-

нимала, что может случиться с ней в любую минуту, и это сознание отравляло и без того висящую на волоске жизнь. Но она крепилась, пыталась скрыть свою боль от мужа и детей — жалела.

Григорий подошел к ней, положил цветы поверх одеяла, взял ее ослабевшую руку и тихо произнес: «Варенька, дорогая, поздравляю тебя с днем рождения». Потом присел на краешек кровати, долго смотрел на жену, гладил ее волосы и как-то неловко улыбался, видимо, хотел что-то хорошее сказать, но не умел, лишь повторял бестолково: «Варя, Варенька... Хорошая моя...» Варвара вдруг вся засветилась и еле слышно спросила: «Гришутка, а ты меня еще любишь?»

Что же случилось в эту минуту с тобой, человек? Какое новое чувство зародилось в твоём сердце?

Григорий, как надломленный, рухнул на плечо жены и прерывисто зашептал: «Люблю, не могу без тебя. Не надо нас покидать, Варенька, не надо. Куда я один? Я ведь очень тебя люблю, слышишь, жена? — И, не дожидаясь, пока она еще раз спросит, торопливо продолжал: — Люблю тебя сильно, сильно!» — Обхватив за плечи крохотное, высушенное болезнью тело, он крепко прижал Варю к своей груди и тяжело, по-мужски, с надрывом зарыдал.

Варенька ласково гладила мужа по голове, и непрошенные слезы катились по ее щекам. Они бывают тяжелыми, как камень, эти слезы, могут и душу раскровить, но все равно они очищающие, целебные... Варя молча плакала и шевелила губами — что именно хотела сказать, не разобрать, но чувствовалось, что-то хорошее, доброе. И Григорий затих, успокоился.

И откуда берутся силы в хрупких созданиях, как крепка их душа!..

Вскоре Варвара уснула и проспала целые сутки, а когда проснулась и увидела испуганного Григория и детей, впервые за время болезни слабо улыбнулась доброй улыбкой. Дети так и брызнули радостью, защебетали, заплясали вокруг кровати, каждый хотел дотянуться до матери, положить свою ручонку, сообщить что-то свое, очень важное. Григорий остановил ребячий хоровод и, чтобы не утомлять жену, увел детей в другую комнату. Варвара впервые попросила поесть и с аппетитом съела весь обед. Правда, была еще заметна слабость в движениях, но в глазах уже виделся здоровый блеск, чувствовалось дыхание жизни...

Чудо все-таки произошло. Варвара стала постепенно выздоравливать, и это снова было немалым удивлением для односельчан. А самые любопытные с ног сбились в поисках причины. Спрашивали и Варвару, но она в ответ только загадочно улыбалась, не сводя глаз с Григория, словно постигла недоступную остальным тайну. Необъяснимую тайну женской души!

Александр Мошна

ДА
СКОЛЬКО
ТОЙ

ЖИЗНИ...

— Если переступаешь порог дома, следи, чтоб в голове никаких посторонних мыслей нельзя было обнаружить. Желательно, чтоб восторженность впечатлений струилась исключительно в мою сторону, — сказала мне как-то жена, серьезно обидевшись на то, что я забыл отметить «косметическое убранство» на ее голове, и при этом съехидничала: — Доживу ли я до той минуты?

— Доживешь, — бодро успокоил жену, смерив ее с головы до ног нарочито долгим, внимательным и оценивающим взглядом, и шутливо добавил: — Немного уже осталось.

— До чего немного осталось? — дрожащими губами эхом прошелестела супруга, испуганно вздрогнула, перехватив мой сочувствующий взгляд, и полными слез глазами вопросительно уперлась в мой подбородок.

— До той минуты, — скупо и невозмутимо обронил я, вспомнив классика, что краткость — сестра таланта.

— До какой — той? — продолжала вытягивать из меня подробности

жена, тут же наматывая их на свою нервную систему. И вдруг ее прорвало: — Ты что-то знаешь? Тебе врач сообщил, что я неизлечимо больна? У меня рак?

Я не успел ничего ответить, как она торопливо, упавшим голосом, пролепетала:

— Я так и знала. Чувствовала, что этим все кончится, — и, окончательно сломавшись, рухнула на стул.

Я озабоченно потрусил в кухню, где предпринял попытку усердных поисков стакана и чайника, одновременно выкрикивая короткими очередями в прихожую:

— Откуда такие гнусные подробности? Кто тебе их напел? Подумай сама — в твои-то годы?

— Что в мои годы? — подняла заплаканные глаза супруга, когда предстал я перед ней со стаканом в руке.

Вижу, события принимают несколько опасный оборот. Надо срочно перестраиваться, а то, не приведи господи, здоровье свое подорвет, ляжет. А кто ж борщи мне будет готовить? И, став вдруг заботливым, осторожным и внимательным, я заворковал:

— Ты же очень у меня молодая, разве ж рискнет болезнь скрестить с тобой шпаги? — Я понимал, что несу чепуху, но здесь, казалось мне, главное — не останавливаться и смысл сказанного подкреплять убедительной интонацией. — Ты же у меня так мила и прелестна. Любая болезнь только один раз скосит свои глаза на тебя и, ослепленная твоей красотой, забудет, зачем приперлась. Микробу, к примеру, от одной твоей обаятельной улыбки враз от зависти рожу перекосит. А каждую бациллу непременно кондратий хватит, если ты пройдешься перед ней своей неотразимой походкой в тифельках на каблучках и в том, помнишь, голубом платыце с белыми хрюшечками.

— Рюшечками, — мягко поправила меня жена, доверчиво уставив на меня свои наивные немигающие глаза.

— Рюшечками, — согласно откликнулся я, утвердительно кивнул головой и продолжил будить свою фантазию. Но чувствую, что требуется привал. Отсутствие репетиций сказывается. Смутно догадываюсь, что речь моя должна быть краткой и емкой, поэтому надо было срочно швартоваться около какой-то убойной фразы. Я напрягся, подыскивая лихорадочно слова, и ляпнул: — И потом: тебе ничто не может угрожать, пока я с тобой. Знаешь, почему?

— Почему? — покорно, как ребенок, переспросила жена и замерла в ожидании.

Я демонстрирую мхатовскую паузу, а жена, не выдержав этой пытки, пересохшими губами снова нетерпеливо повторила:

— Почему?

— А потому, что я... — и здесь мой голос предательски срывается на шепот. Оказывается, трудно все-таки выдавливать некоторые слова, если ты их лично прочувствовал и, не расплескав эти самые возникшие чувства, стараешься донести до собеседника: — А потому, что я тебя люблю.

Жена, счастливая, расплылась в улыбке, и я отметил про себя, что ей это к лицу. Не успел еще что-то додумать, как она благодарно потянулась ко мне. И я уже торопливо закончил фразу около ее губ:

— И моя любовь всегда будет твоим надежным щитом...

Награда, безусловно, нашла своего героя. Но я о другом. Скажу по секрету: еще до того, как благодарная и восторженная публика в лице моей жены окатила меня нежностью, я изрядно вспотел. Признаться, нежные слова поначалу давались мне с трудом, застревали в горле. А потом, со временем, знаете, втянулся. И, по словам моей женульки, у меня неплохие перспективы в будущем. Нежности свободно могу произносить без запинок и шептать с трепетной интонацией. Признаться, я уже регулярно балую свою любимую. А что? Терзать друг дружку скандалами и портить нервы — никакой романтики. Скучно, господа, неинтересно, да и сколько той жизни... □

Устраха

Глаза Велики

Елена Колчак

1 | *Привычка
свыше
нам дана,
замена
счастью она.*
Прометей

Багровые пятна зловеще выделялись на смятой салфетке. На ярко блестящем лезвии лежавшего рядом ножа, приглядевшись, можно было заметить такие же красноватые полосы. Кое-где в углублениях резьбы на рукоятке виднелись темные точки.

Я, конечно, не стала брать нож в руки, даже не стала до него дотрагиваться. Почувствовав себя героиней триллера, рефлекторно оглянулась — никого, приподняла довольно длин-

ную банкетную скатерть и заглянула под стол (если на ноже кровь, то должен быть и мертвец, а по всем законам жанра именно под столом ему самое место).

Приготовления мои, однако, пропали втуне — трупов под столом не обнаружилось. Собственно, там не было вообще ничего.

То есть, ничего, так сказать, нештатного. Имелся пол, на полу, естественно, крошки, пара апельсиновых шкурок и несколько смятых салфеточных обрывков.

Вдруг штора, закрывавшая дверной проем справа от меня, шелохнулась — как будто кто-то только что из-за нее выглядывал. Кто-то? Ну да, или что-то, например, сквозняк.

Сквозняк-то сквозняк, но салфетка и нож по-прежнему лежали на столе и по-прежнему были покрыты зловещими красными пятнами.

Но раз есть окровавленный нож, то, вероятно, должно быть и тело, либо раненое, либо уже неживое. Раз его нет под столом, значит, оно где-то еще?

Что ж, для начала, на всякий случай, оглядимся: по-прежнему никого, и штора больше не шевелится, и бездыханных окровавленных тел тоже не видно. Все те, что пока еще дышат, делают это весьма активно: пляшут, не жалея ног, оркестр в соседнем зале гремит так, что вполне можно стрелять без глушителя.

Самое время незаметно присоединиться к общему веселью, как будто никаких ножей я и в глаза не видела. А, может, все-таки поискать тело? Вот только нужно ли?

Ох, Маргарита Львовна, все-то тебе нейдет! Неожиданности, конечно, украшают жизнь, но не в таком же количестве. Нет, не то чтобы мне это не нравилось. Недовольство обычно выражают окружающие. Причем весьма энергично. Можно подумать, что я вовсе не тихая, скромная и очень провинциальная журналистка, а прямо гибрид Джека-Потрошителя и леди Макбет. Хотя, как го-

ворил один милый литературный герой восьми лет от роду, «разве мы виноваты, что все время вокруг какие-то истории — это истории виноваты, раз случаются». Но, право, фальшивомонетчики, маньяки, шантажисты, а теперь вот окровавленный нож на банкетном столе — сколько уже можно? Как сказала бы моя единственная подруга Лелька — перебор.

Кстати, на банкет именно она меня притащила... Я, Рита Волкова, скромный журналист «Городской газеты», к фирме, которая сейчас буйно празднует свое десятилетие и одновременно очень удачный контракт с итальянцами, абсолютно никакого отношения не имею. Это Лелька своими переводческими талантами активно помогала выстроить всеобщее взаимопонимание, так что господин директор — или президент, кто их нынче разберет — решил, что ее вклад в подготовку этого самого контракта поистине неоценим, и присутствие на юбилейном банкете госпожи переводчицы обязательно.

Господин президент именовался Герман Борисович Шелест и, когда меня ему представили, милостиво одарил шуткой: как же это он сам не предусмотрел присутствия прессы. Хотя, возможно, это был намек: мол, раз уж просочилась на закрытое мероприятие, не грех бы его парой слов отметить — где-нибудь в разделе светской жизни. А еще лучше — в деловых новостях. Бесплатный пиар все любят, даже президенты преуспевающих компаний.

Отсутствие на банкете самих итальянцев с лихвой возмещалось выбранным для празднования местом — рестораном «Золотой лев». Название, вероятно, должно было напоминать о льве святого Марка, который вроде бы не то оберегает, не то символизирует Венецию. Небольшая «золотая» статуэтка в холле воспроизводила оригинал довольно точно. К счастью, итальянский колорит на этом заканчивался — пиццей тут не кормили, зато рыба была выше всяких похвал.

Танцуют теперь там, в большом зале, а я — думай. Пятно на скатерти, возле ножа, было обширнее и значительно темнее, чем на салфетке, наверное, из-за того что салфетка белая, а скатерть светло-оливковая. По форме — вроде как амеба или размазанная пятерня... Когда я коснулась пятна пальцами, на них остался слабый красный след. Минуты две я бессмысленно его разглядывала, потом зачем-то понюхала и, подумав, лизнула. Потом лизнула еще раз...

Клубника!

Ну, и фантазии у тебя, Маргарита Львовна! Окровавленное лезвие, надо же! Убийство в банкетном зале, скажите, пожалуйста! С какой стати мне кровь привиделась? Как мудро заметил по этому поводу классик, «взрослый человек не заглядывает каждый вечер под кровать в поисках

злодея — хотя злодей и может там спрятаться». Ей-богу, что-то с моей головой не так. В этот-то печальный момент и появилась Лелька.

— Размышляем? Бросай курить, вставай на лыжи. С тобой Герман Борисович хотел пообщаться.

— И на какой предмет? Рекламную кампанию сочинить?

— А я почему знаю? Сделай милость, не тяни время, а? — пожала плечами в ответ Лелька.

— Что им вдруг так приспичило?

— Да не им — мне! — огрызнулась Лелька. — Просто подруга у тебя балда, фруктового салатика покушать решила, а он, пакость такая, с клубникой оказался.

— Ну, и чего теперь?

— Ну, и то... — передразнила меня Лелька. — Сама не видишь? Теперь надо очень presto мотать домой, пока в леопарда не превратилась. Уже чесаться начинает.

Щеки у нее и впрямь заметно порозовели. Для Лелькиной аллергии клубника — как нитраты для огорода: все цветет пышным цветом, а в результате никакого удовольствия.

Пришлось действительно presto двигаться на аудиенцию.

Герман Борисович был худощав, моложав и весьма сдержан. Лет в двадцать он, вероятно, поражал чувствительных девочек своей демонической брюнетистостью. Нынче же яркие краски подрастерял, жгучая чернота шевелюры потускнела, подернулась благородной тенью, напоминая отчасти угли под пеплом. Еще не седина, но скоро, скоро... Выражение лица у Германа Борисовича мне показалось несколько смущенным. Может быть, и впрямь показалось? Как с давешним ножом. Или все-таки нет? Я, конечно, журналист неплохой, но все же не до такой степени популярна, чтобы ловить меня для деловой беседы в разгаре сугубо развлека-

тельного мероприятия. Ведь что преуспевающему бизнесмену в костюмчике от Армани и скромном шелковом галстуке ручной работы может потребоваться от журналиста? Одно из двух: либо его фирма затевает новую рекламную кампанию, либо... он сам. То есть собрался успешный бизнес сделать еще более успешным путем подведения под него мощной политической платформы. Например, депутатской. Но рекламными акциями в возглавляемой Германом Борисовичем фирме наверняка кто-то уже занимается, так что, скорее всего, предстоит вариант номер два. Момент для переговоров, конечно, выбран не совсем подходящий, но, может, Герман Борисович из тех, чей девиз — куй железо, не отходя от кассы?

Усаживаясь в кресло, я успела не только прикинуть размер предполагаемого гонорара, но и распределить его — на самые насущные потребности. Как в том анекдоте: «Что вы сделаете, если получите в наследство миллион?» — «Долги раздам». — «А остальные?» — «А остальные подождут». Долгов у меня, к счастью, нет, зато насущных потребностей хоть отбавляй. У Лелькиного сынишки через полтора месяца день рождения. Мне принтер менять надо, один заезжий гость ухитрился сверзить его со стола, да так удачно... Даже Кешка Глебов из соседнего дома, любимый мой компьютерный гений лет эдак двенадцати-тринадцати от роду, повозился с останками и развел руками — только на запчасти. Кстати, не грех бы и для Иннокентия какой-нибудь девайс в подарок приобрести. И мои любимые зимние ботинки теперь годятся разве что в музей: уж не знаю, какой гадостью нынче улицы посыпают, но от нее даже толстенная свиная кожа идет трещинами. Н-да...

2

*Я пригласить
хочу на танец
вас, и только
вас...*

**Джон
Сильвер**

А вот обломись, бабка. Никакой рекламой тут и не пахло. Наша беседа напоминала диалог китаецца и англичанина, причем когда оба собеседника пытаются говорить на суахили. Не то что пересказать — понять невозможно.

С первого слова и на всем протяжении беседы меня не оставляло ощущение, что разговаривать со мной Герману Борисовичу совершенно не хочется, и меня он воспринимает примерно как зубного врача: понимает, что необходимо, но восторга не испытывает. Это «а куда деваться» просвечивало сквозь вежливые фразы и изящные манеры, как лишние килограммы из маленького черного платья.

Минут через десять после «беканий и механик» мой собеседник попросил называть его «просто Герман», а еще через десять... хм... разродился:

— Рита, я хотел бы пригласить вас в гости. Даже не просто в гости, а немного пожить. У меня дома. Знаете поселок справа от набережной? Дом у нас большой, места хватает, — он на минуту замолчал, как будто что-то подсчитывал. — Месяц, может быть, полтора. Но вряд ли дольше. Мне посоветовали... Ох, извините, что вам заказать?

— Токайского с минералкой.

Официант, казалось, материализовался прямо из воздуха, а высокий стакан с бледно-золотистой смесью появился с такой скоростью, как будто дожидался прямо за дверью. Моему собеседнику принесли кофе и пузатенький бокал, на дне которого переливалась лужица коньяка.

Я сделала глоток-другой и приготовилась слушать долгие и невнятные объяснения. Однако рассказ оказался неожиданно кратким. Через пять лет после развода Герман Борисович вновь женился, причем на девушке почти вдвое себя моложе. Дело обычное. Семья приняла молодую в штыки — тоже ничего экстраординарного. Однако атмосфера, похоже, накалялась с каждым днем все больше, хотя юная жена изо всех сил пыталась наладить хорошие отношения. Муж, естественно, родных своих любит и хочет, чтобы всем было хорошо, — но он ведь не пойдет к каждому выяснять «ты почему мою жену изводишь?» А нейтральная гостья, то бишь я, может понаблюдать и заметить то, на что свои просто не обращают внимания.

Станный он какой-то. И затеи у него странные. Видит меня впервые в жизни и тут же, с бухты-барахты, предлагает заняться стиркой

его грязного белья. Или не с бухты-барухты? Сам же сказал — «посоветовали». Кто, интересно? Впрочем, неважно.

— Ситуация, конечно, вполне обычная. Наверное, я напрасно так поторопился со свадьбой, но... — Герман Борисович покачал бокал с коньяком, внимательно наблюдая за тем, как янтарная жидкость масляно обтекает стенки. — Знаете, когда Кристина появилась у меня в офисе, сердце кольнуло и оборвалось. Хрупкая, беззащитная, словно одна во всем мире. Хотелось ото всего ее защитить. Это, конечно, звучит банально, но именно так я и чувствовал. А сейчас чувствую, что вокруг нее сгущается что-то злое. Я никогда не был паникером, но мне за Кристину страшно. Я вполне отдаю себе отчет, что она не вызывает восторга у моих домашних, но просто нелюбовь — это одно, а то, что происходит, у меня вообще в голове не укладывается.

— И что же именно... происходит?

— Сначала появились письма...

Герман Борисович достал из внутреннего кармана пиджака и протянул мне несколько сложенных листков. Очень мило. Красивые буквы, «жуткие» картинки — красотища! Тексты, как и оформление, были удивительно однообразны: от «ты здесь лишняя» до «убирайся». Детский сад, ей-богу!

— Я вначале думал — ерунда, скорее всего, Ольгина работа, ну, дочери. Восемнадцать лет, ребенок еще совсем, ревнует. Время пройдет, привыкнет. А буквально за последнюю неделю... Мы с Кристиной вернулись из театра, она пошла переодеваться. А минут через десять захожу — и застаю ее в слезах, почти в истерике. Кто-то разорвал на куски золотую цепочку, мой новогодний подарок. Причем специально. Можно случайно порвать, ну, пополам, ну, в двух местах... А там четыре куска.

— А цепочка длинная?

— Да нет, ровно вокруг шеи, ожерельем. А почему...

— Цепочка — это, знаете ли, не нитка, разорвать не так-то просто, а короткую цепочку — еще тяжелее.

— Вот я и говорю, что специально, — опять вздохнул он. — А позавчера у Кристины в ванной кто-то разлил шампунь.

— Ну и что?

— Как — что? — возмутился мой собеседник. — Она только случайно не поскользнулась.

— Могла и сама нечаянно разлить и забыть. Или горничная. Хотя, конечно, горничная убрала бы... — Я задумалась, а потом спросила: — Радиоприемник или фен в ванной есть?

— Фен есть, маленький такой, на батарейках. Рита, может быть, на «ты»? Так проще.

— Да пожалуйста. Ты с кем-то из домашних все это обсуждал? То есть, кто вообще знает о письмах и всем остальном?

— Да никто, я думаю, — покачал головой Герман. — Про шампунь только. Светочка, горничная наша, клянется, что ничего такого в ванной не было. Письма Кристина только мне показывала. Цепочку тоже.

— Понятно. Герман, а у вас в доме гости часто бывают?

— Ну... как сказать, гости... Чтоб с застольем или что-то в этом роде — таких гостей не бывает. Если надо что-то отметить, это в ресторане. А просто так заходят, конечно. У Ольги кто-то толчется, к маме, случается, подруги приезжают. К Вике — это сестра моя — раньше частенько заскакивали, сейчас, правда, уже нет.

— Что так?

— Да Тимур, муж ее, он... — Герман замялся.

— Ревнует к прошлому?

— Не то чтобы ревнует... Не любит.

— Ясно. А письма по почте приходили или...

— Некоторые на стол клали, некоторые — в карман.

— Ты у Кристины не спрашивал, что она сама по этому поводу думает?

— Да не хочется ее еще больше расстраивать. Она, по-моему, уверена, что это Ольга пишет. В любом случае надо просто не обращать внимания, тогда автору, в конце концов, надоест.

— Здравый подход. А цепочка? А шампунь? Также Ольга?

— Да нет, вряд ли. Случайности скорее. То есть это Кристина так думает. Она очень храбрая девочка, — голос его дрогнул.

— Храбрая? Ну да, если делать вид, что чудища нет, оно само уйдет. Ты, кстати, эту несчастную цепочку ювелиру еще не отдал?

— Не успел. — Герман вытащил из внутреннего кармана пиджака плоскую темно-вишневую коробочку, щелкнул крышкой...

На самом деле, кусков — с учетом застежки — было пять. Очень красивая цепочка: розовое золото, ажурное плетение — вроде византийского, но полегче. Тончайшая работа. Я присмотрелась. Конечно, без лупы много не разглядишь, но, по-моему, цепочку не рвали, а резали.

— Да уж, случайностью тут и не пахнет.

— В том-то и дело, — кивнул Герман и вдруг спросил: — А при чем тут фен?

— Да так, вспомнилось кое-что из личного опыта. Любой сетевой прибор в ванну — и пожалуйста, идеальный несчастный случай, куда надежнее разлитого шампуня.

— Ты... вы... — Герман на минуту, кажется, потерял дар речи. — Ты полагаешь, что Кристине грозит реальная, — он подчеркнул это слово, — опасность? Что может...

— Вообще-то, по-моему, это ты так полагаешь. Или я чего-то не понимаю?

— Я... я не знаю. — Он растерялся так, что мне его стало жалко.

— Да нет, не думаю, что все так уж серьезно, — попыталась я успокоить его. — Если бы кто-то всерьез пытался от нее избавиться... Нет, непохоже. Убить человека, в сущности, несложно, а тут скорее просто желание напугать, сделать больно, отравить жизнь, в общем. Но почему я? Почему бы тебе не обратиться в какое-нибудь охранное агентство?

— Нет, этот вариант не пойдет. Я даже свою службу безопасности не хочу задействовать. А про тебя мне рассказывали. И присутствие в доме журналиста я объяснить могу: по случаю юбилея мы решили о компании книжку написать, ну, что-нибудь такое. Вроде бизнес — это сражение, а мой дом — моя крепость, в смысле, тыл. Или это очень уж глупо?

Я признала, что «глупо», но не «очень», как предлог сойдет.

3

*Кто, кто
в теремочке
живет?*

**Рихард
Зорге**

Если буду когда-нибудь строить собственный дом — спаси меня, боже, от этих кирпичных инкубаторских недоносков, что повыврастали на каждом шагу, как неистребимые одуванчики по весне. Некоторым образом можно этим монстрам и порадоваться — не на Майорку народ свои деньги вывозит, в стране оставляет. Но ведь без слез не взглянешь!

Вот и Герман Борисович отстроил себе такой же образец сплюснутой готики. Впрочем, справедливости ради надо заметить, что внутри «замок» куда симпатичнее, чем снаружи. А населе-

ние его столь многочисленно, что «узелки на память» заняли почти два десятка страниц рабочего блокнота.

Кристина. Очаровательна. Золотоволосая и голубоглазая мечта поэта, какие автоматически пробуждают в мужчинах инстинкт защитника. А если серьезно... Внешность херувима-переростка у нее удачно дополняется хорошими манерами, полным отсутствием высокомерия и приветливым дружелюбием, хотя и с некоторым привкусом истеричной демонстративности. Не то в детстве недолюбили, не то любовных романов перекушала, или мексиканско-бразильских сериалов. Двадцать три года. Приехала в город из какого-то райцентра, кажется, из Приреченска, поступила в политех, отучилась почти три курса, ушла в секретарши, через полгода после этого попала в офис к Герману Борисовичу.

На Германа юная супруга глядит нежно и даже, пожалуй, с трепетом. С прочими обитателями поддерживает вооруженный нейтралитет. Кроме, разве что, Ольги. Мое присутствие Кристине, похоже, нравится. Забегает ко мне по десять раз на день. Так, посидеть. Одиноко ей тут, холодно...

Если бы они с Германом были женаты уже лет десять, я рискнула бы предположить, что и письма, и разлитый шампунь, и разорванная цепочка — дело ее собственных нежных ручек — дабы показать, как она нуждается в заботе и защите. Н-да. Классическая жертва. А если вспомнить, с каким вдохновением Герман говорил о ее хрупкости и беззащитности, она как раз относится к этому типу.

При подобном раскладе мое присутствие тут принесет примерно столько же пользы, сколько аспирин при переломе: вся эта гадость будет продолжаться до тех пор, пока Кристина сама не изменится.

Ольга. Горячо любимое дитя от первого брака. Хотя не очень-то и дитя, в свои восемнадц-

цать вполне самостоятельная особа. Филолог, второй курс. С мачехой, несмотря на «подозрения» Германа, отношения почти дружеские, возможно, по причине близкого возраста. Тоже блондинка, кстати. О матери вспоминает с прохладцей. Когда та, надумав «сменить среду обитания» на более теплые края, вышла замуж не то во Франции, не то в Израиле и попыталась увезти с собой и дочь, Ольга в неполные тринадцать лет продемонстрировала решимость, какую иным взрослым не грех позаимствовать: уперлась — «никуда отсюда не поеду», и настояла на своем. Мать время от времени шлет письма и подарки, получая в ответ вежливые открыточки типа «спасибо, все в порядке». Подарки частично пополняют гардероб, частично раздаются подругам. Отца Ольга любит, и, кажется, даже очень. Но — на расстоянии, безо всяких сю-сю-сю. И... совсем она не похожа на ревнивое дитя, подбрасывающее угрожающие письма.

Вика и Тимур. Сестра и зять Германа. Тимур — такая флегма, что Герман мог даже крокодила в дом притащить, он бы и не поморщился. Как его с таким пофигизмом жениться угораздило? Любовь, однако. Когда на жену смотрит, всегда улыбается, причем, по-моему, и сам этого не замечает. Кристина ему вообще до тумбочки, вроде как Эйфелева башня или Южный полюс. Зато Вике она настолько поперек горла, что, если бы взгляд обладал убойной силой... Хотя они почти ровесницы: Кристина по возрасту как раз где-то между Ольгой и Викторией. И профессия Вики — юрист-хозяйственник или что-то в этом роде — воспитывает сдержанность. Но вот поди ж ты! Причин, я имею в виду объективных, не вижу и не понимаю. Ревность? К кому? Муж? Тимур глаз с жены не сводит, заподозрить его в «прогулках на сторону» — надо полным идиотом быть. А может, на нее беременность так действует? Месяцев пять, по моим прикидкам. Тогда после родов вся напряженность в доме сама сойдет на нет?

Зинаида Михайловна и Борис Наумович. Родители. Старая гвардия. Зинаида Михайловна на всех выборах голосует за коммунистов, однако по воскресеньям вместе с Борисом Наумычем с удовольствием наблюдает всякие политические телеэскапады и сериалы смотрит, не меньше трех в день. К Кристине особой любви не испытывают оба, но явно недоброжелательство не демонстрируют. Люди вежливые и табуретками швыряться не привыкли. Ольгу «старички» обожают и даже не шпыняют за всякие модные прибабасы. К собственной же дочери они куда более равнодушны.

Ядвига Леонтьевна. Не то троюродная тетка, не то четвероюродная сестрица Бориса Наумовича. Не знаю, сколько лет Ядвиге, но вылитая Баба Яга. Только не наша, а такая... европейская, цивилизованная. Особенно, когда дает себе труд причесаться, хотя и делает это довольно редко. Не знаю, как зимой, а сейчас все больше напяливает неопишемую широко-

полюю шляпу и в саду возится. Кстати, как ландшафтный дизайнер она просто гениальна!

Живет Ядвига в башенке над юго-восточным углом дома. У нее там две комнатки, увешанные пучками всяческих трав, уставленные пузыречками и коробочками, и даже собственная мини-кухня: раковина, стол и газовая плита, на которой булькают какие-то явно колдовские зелья. Ведьма! Подарила мне подушечку «для инвалидов умственного труда» — это я так сформулировала, сама колдунья изъясняется куда вежливее. Подушечка пахнет полынью и чем-то непонятным, горьким и свежим. Понюхаешь — и мозги прочищаются, как воздух после генеральной уборки...

Нина. Сфинкс. Энциклопедия на санскрите. Подземное озеро, до которого не добрались геологи. Если говорить о фактической стороне дела, на ней держится весь дом: еда, кое-какая уборка и прочее в этом духе. И это, пожалуй, все, что я могу о ней сказать. Ходит, говорит, улыбается, даже шутит, но при этом остается непроницаемой, как зеркальное стекло. Примерно ровесница Германа или немного младше. А по внешности — женщина без возраста, из тех, у кого двадцать пять и сорок пять вообще не различить. В самом хорошем смысле. Классические точеные черты — и лица, и фигуры. Прическа — волосок к волоску, ногти короткие, всегда в идеальном порядке. Красивая женщина? Вроде бы да, но могу держать пари: ни один из встречаемых мужчин не то что не обернется вслед, скорее всего, вообще ее не заметит. Столько дано от природы — и ни малейшего отблеска собственной личности. В косметике или без — никакая. Совсем. Серая мышь...

Боб, он же Борис Михайлович. Двоюродный брат бывшей жены Германа и его бессменный партнер в делах. На десять лет моложе Шелеста. Удивительно, как это я его ухитрилась на

банкете не заметить. Уж-жасно милый! Оценкам не поддается, ибо обаятелен настолько, что глаза слепит. Умен, воспитан, образование разностороннее, но понять, что за фрукт перед тобой, такие «мерки» не помогают. Один узелок на память я, впрочем, завязала: Боб, кажется, единственный обитатель дома, который не пользуется услугами Стаса, а ездит либо с самим Германом, либо на такси. Сам не водит, что для взрослого успешного дядьки даже странно. Скорее всего, это пустяк, не имеющий никакого значения, но ничего другого все равно нет.

Стас. Шофер. Лет чуть больше двадцати. Гладко выбрит и серьезен. Похож, скорее, на охранника, чем на шофера. Единственное, пожалуй, отличие от секьюрити — умеет разговаривать. Хотя делает это редко, а еще реже улыбается. Большой аккуратист. Обе машины — представительский «мерседес» Германа Борисовича и «вольво», на котором, собственно, и ездит Стас, сияют, как посуда в рекламе новомодного моющего средства. Стас вполне мог бы жить в доме, места хватает, однако предпочитает быть поближе к своей ненаглядной технике: оборудовал себе жилье в галерее, соединяющей дом и гараж.

Кстати, у Вики с Тимуром машины нет.

Света. Пухленькая крашеная блондинка с «выщипанной» челкой работает у Шелестов уже третий год. Вульгарна, как оттопыренный мизинец, и примитивна, как телеграфный столб, но одета, покрашена и причесана всегда столь же тщательно, сколь и безвкусно. Казалось бы, в таком большом доме горничных должно быть не меньше трех, но на деле и одной Светочки многовато. Зинаида Михайловна, естественно, наводит чистоту сама — в этом возрасте привычек уже не меняют. У Германа убирается Нина. Вечеринки, после которых полдня нужно все вылизывать, здесь не бывает. Обитатели отнюдь не склонны шататься по всему дому, а сидят в основном по своим комнатам, иногда на террасе, в холле или на кухне. В собственных же вотчинах каждый устраивается по своему вкусу, так что надрываться Светочке не приходится. Конечно, очень хочется, чтобы и «подметные письма», и все прочие пакости оказались делом ее маленьких ручек. Во-первых, самый посторонний человек в доме. Если это она, вся история не стоит позавчерашнего трамвайного билета. Выгнать — и все дела. Во-вторых, и письма, и прочее свинство выглядят плодами не слишком мощного интеллекта, а Светочка как раз — существо абсолютно безмозглое.

Герман Борисович Шелест. Генеральный президент торгово-производственной фирмы — это определение столь же внушительно, сколь и бессодержательно. Один мой знакомый именовался точно так же. Хотя, вообще-то, он был сапожник-одиночка, а попутно приторговывал в своей будочке шнурками, кремом для обуви, щетками и прочей мелочев-

кой. Тоже звался генеральный президент торгово-промышленной компании. Но Герман точно не сапожник. Невзирая на официальную версию моего присутствия, я не стала разбираться, чем занимается дружный коллектив фирмы «Имэкс» — но точно не обувью. Название представляет собой банальное сокращение от «импорт-экспорт». Пресловутый контракт с итальянцами предполагает с «нашей» стороны поставку не то бульдозеров, не то дверных звонков, не то вовсе галosh, а оттуда должна идти не то мебель, не то макароны — в общем, что-то на букву «м». Большая же часть деятельности происходит на внутреннем рынке, и тут вообще три черта ноги поломают. Автозапчасти, опять же мебель, стройматериалы, да еще какие-то интересы в строительстве. Дела, насколько я поняла, в полнейшем порядке, и к дыму домашнего очага все это никакого отношения не имеет. А мне-то как раз желательно разобрататься, откуда этот самый «дым» идет.

4

Вы можете доверить мне свои сердечные тайны. Это делали многие, и никто не жаловался.

**Кристиан
Барнард**

Если честно — мне здесь ужасно нравится. Прямо незапланированный отпуск получается. Что еще нужно человеку для счастья?

Только вот почему-то не оставляет ощущение, что меня попросту использовали втемную. При этом совершенно непонятно — для чего. Почему я согласилась? Не иначе, Герман меня загипнотизировал.

Вопрос первый: а был ли мальчик? То бишь, насколько реальны высказанные Германом опасения? Не плод ли они чьей-то буйной фантазии или расшатанных нервов? И не есть ли они лишь легенда, скрывающая истинную причину моего здесь присутствия?

Ответ: мальчик — был.

Это не «дамские нервы» и не естественные для любой семьи «скелеты в шкафу». Стоит по-

явиться Кристине, и кожей ощущаешь не то чтобы враждебность, но, как минимум, отчуждение, как будто дом и его обитатели и впрямь пытаются ее оттолкнуть, а может, и уничтожить... Но от кого конкретно эти флюиды текут — понять не могу.

Да, Вика и Зинаида Михайловна относятся к юной супруге, как хозяйка, свихнувшаяся на идее порядка в доме, глядит на гостя в грязных ботинках — убить не убьет, а покалечить может. Но, честное слово, не могу представить ни одну из них за изготовлением «подметных писем». И Вика, и Зинаида Михайловна для проявления своей «любви» пользуются милыми классическими способами. Тут и ледяная вежливость, и ядовитая заботливость, и, естественно, душеспасительные беседы с Германом. Но, боже упаси, ничего напрямик, все намеками.

Хуже всего, что мне совсем не хочется выяснять, кто же это портит Кристиночке нервы. Они тут все такие ми-и-илые! Конечно, каждый, как говорится, со своими тараканами в голове, но ведь эта живность заводится тут же, как только находит чего покушать, — «тараканов» не бывает лишь у клинических дебилов.

Может, это все-таки какой-нибудь посторонний? Да, поселок охраняется, да, спальни на втором этаже. Но при желании можно и на территорию поселка проникнуть, и в дом Шелестов, и в комнату юной супруги. Сложно, но не невозможно. Она ведь не с неба на Германа свалилась, у нее есть какое-то прошлое. При всей своей очаровательности, а то и благодаря ей, могла же Кристина когда-то кому-то на ногу наступить.

На этом глубокомысленном выводе я и засыпаю здесь каждый вечер.

5

*В борьбе
обретешь ты
право свое...*

**Иван
Поддубный**

Как у любой «совы», мое утреннее состояние точно описывается формулой «поднять — подняли, а разбудить забыли». Переход из сна в состояние, которое хотя бы условно можно считать бодрствованием, для меня сродни героическим усилиям дворника, разгребающего последствия трехдневного снегопада, осложненного оттепелью и морозом.

И все же, все же... Какое наслаждение выйти поутру в сад... Воздух, краски, запахи, свежесть... Щенячий восторг!

Да и сад тут такой... с подтекстом. Кажется, все растет и буйствует само по себе, а приглядишься повнимательнее — нет, ребя-

та, природа такого совершенства достичь не в состоянии, только рука мастера.

Кстати, о мастерах, единственный неухоженный предмет в этом саду — неопишуемая шляпа Ядвиги Леонтьевны. Шляпой это можно назвать только потому, что она на голове. А если отдельно — отродясь не подумаешь, что это головной убор, какое-то воронье гнездо, выкупанное, вдобавок, в хлорке.

Я спустилась с крыльца и подошла к Ядвиге. Никакого дела у меня к ней нет, разве что «доброе утро» сказать.

— Ядвига Леонтьевна, а почему вам в саду никто не помогает?

— Как же не помогает? — удивилась она. — Все помогают. Нина с кулинарными травками возится, Вика и Оленька красоту наводят, да и Кристина тоже... Хозяину только все некогда. Кстати, о помощи, пришли ко мне Стаса, сделай милость. Видишь, какая охапка? — кивнула она на изрядный ворох растений возле себя. — Надо ко мне наверх отнести. Сама не дотащу, — и тут же внимательно посмотрела на меня: — Ты, кажется, поговорить со мной хотела?

— Э-э-э... — промычала я в ответ.

— И чего испугалась? — с явным сочувствием посмотрела на меня Ядвига. — Герман просил тебе помочь, раз уж так выходит.

— Что выходит?

— Да может, еще и не выйдет, только неладно у нас. Нехорошо.

— И давно?

— Да с полгода, наверное...

— А в чем дело? Или в ком?

— Лучше бы Герман ее еще где-нибудь поселил. Чужая она здесь. Хотя, конечно, и не житье это — по разным домам.

Н-да... Про «лучше бы где-нибудь еще» я и сама уже знаю. А не пойти ли другим путем? Я угнездилась на бордюрном камне поудобнее и неожиданно спросила:

— Ядвига Леонтьевна, а вы Нину хорошо знаете?

— Нину? — удивилась она. — Странная мысль, мне это даже в голову не приходило. Разве что Зинаида расскажет... Я тогда с ними не жила еще.

— Тогда — это когда?

— Когда они на Овраге жили. Знаешь, послевоенная застройка?

Овраг у нас самый настоящий. То есть, их даже несколько, как в любом приречном городе. Но с большой буквы, как имя собственное, пишется лишь один, ибо являет собой не только образчик берегового рельефа, но и городской район. Сегодня, с точки зрения географии, Овраг — это практически середина города. Там, значит, господа Шелесты и обитали в прежние времена...

— Они с матерью в соседней квартире жили. Нина в одной школе с Германом училась, Зинаида ее привечала. Да и помочь Ниночка никогда не отказывалась. Ну, там шторы перевесить, окна-полы помыть. Матери-то вечно дома не было, вот она у соседей и торчала... А у Германа дела сразу неплохо пошли, он всегда был упрямый, а главное, хотел всех своих близких обеспечить. Дом вот этот выстроил, Оленька, кажется, в школу уже пошла. Это сейчас тут такой поселок, охрана, obsлyга... А тогда — первый особняк был, вокруг одни хибарки стояли, а некоторые и лежали, — усмехнулась Ядвига. — Тогда и я к ним переехала, и Нину они с собой взяли...

6

*Я встретил вас,
и все...*

Чикатило

Я решала сложнейшую проблему: то ли лечь поспать, то ли прогуляться по саду, то ли просочиться на кухню и выпросить у Нины пару бутербродов. Последний вариант выглядел наиболее вдохновляющим и весьма перспективным — едят здесь, как кому бог на душу положит, точнее, на желудок. В любое время суток можно прийти на кухню и раздобыть какой-нибудь еды. Исключение, о котором мне сообщили сразу же, — общесемейный воскресный завтрак. Вот интересно будет посмотреть.

И тут появился незванный визитер. С ироническим поклоном Боб вручил мне пушистый голубой ирис со словами:

— Приветствую вас, прелестная гостья, столь же загадочная, как этот волшебный

цветок! Откройте бедному пилигриму, сильно ли ваша несравненность занята и чем?

Я, мгновенно подхватив игру, ответила:

— Да вот, стражду, раздираясь сомнениями: предаться сну, насладиться красотами ландшафтного дизайна или проникнуть во владения Нины с целью стащить у сей достойной особы чего-нибудь съестного.

— О, мадемуазель! Вы зарождаете искру надежды в моем измученном сердце. Нельзя ли совместить два последних варианта? Устроиться на террасе, любясь буйным цветением природы, и выпить на брудершафт... по чашке кофе? Быть может, перейдя на «ты», я перестану вас, чудная, бояться? — Он забавно склонил голову набок и поглядел на меня самыми жалобными глазами, какие только можно представить.

— Как интересно! — постаралась я попасть в тот же тон. — Разве вы меня боитесь?

— О да, таинственная незнакомка! Хотя для психиатра вы чересчур молоды... Но это, пожалуй, пугает вдвойне...

— Вот как? Разве в этой профессии существует возрастной ценз?

Вообще-то, я хотела бы спросить совсем о другом. Например, с какой стати ему вздумалось принять меня за психиатра. Вроде по поводу официальных причин моего присутствия мы с Германом договорились. Или Бобу он что-то еще рассказал?

Когда мы спустились на кухню, Боб театрально прижал руки к груди и даже сделал вид, что пытается встать на колени:

— Нина Витальевна, голубушка, не дайте погибнуть во цвете лет двум страждущим личностям!

— Сейчас что-нибудь найдем. Посытнее или слегка перекусить? — спокойно проговорила она, и перед этим высокогорным спокойствием даже веселое буйство Боба несколько поблекло и увяло.

— Так, кормилица наша, поклевать, аки птицы небесные.

Получив виноград, сыр и кофе, мы продолжили наш «словесный бад-минтон» на террасе.

— Ох, боюсь, вы сочтете меня скучным... Увы, неумолимые годы погасили мой высокий пламень, превратив юного мечтателя в бизнесмена средней руки.

Шутит он или не совсем? Если только шутит — это мой потенциальный союзник. И совершенно неважно, как он при этом относится к Кристине. Человек, способный шутить над собственной глубокоуважаемой персоной, не станет гадить соседу в компот. А если в этой восхитительной демонстрации самоуверенности есть хоть толика искренности... Ведь рядом с Германом он вечно второй.

— Не могу тебя представить в бизнесе. Деловой партнер? Фантастика! И на работу ты, кажется, вовсе не ходишь...

— Вот так всегда... — Подвижное лицо моего визави превратилось в маску огорченного клоуна. Актером бы ему быть, а не бизнесом заниматься.

— Что всегда?

— Женщины никогда не верили, что я могу чего-то добиться, — сокрушенно развел руками Боб. — Впрочем, меня это скорее спасало, чем огорчало. И, кстати, можешь спросить у Немца — я очень ценный кадр.

— У немца? Какого немца? — искренне удивилась я.

— Герман, германец, немец. Я его уж лет пятнадцать так зову. На работу ходить? Когда надо, я и по шестнадцать часов вкалываю, как египтянин на пирамиде.

— И чем же ты занимаешься, если не секрет?

— Да какой там секрет! — отмахнулся Боб. — Придумываю всякое разное.

— Рекламные идеи, что ли?

— Чаще производственные или маркетинговые. В общем, специалист по неясным вопросам. Немец не даст соврать, я свой хлеб недаром ем. Он со своими юридическими мозгами все абсурдные идеи отмечает сразу, а именно эти идеи — если, конечно, грамотно их использовать — приносят максимальный доход.

Не могу судить, насколько идеи Боба помогли Герману в делах, но меня прямо-таки восхитило, с какой виртуозностью он избежал ответа на вопрос. Вроде бы и ответил, а вдуматься — не сказал вообще ничего.

— Пардон, что значит «юридическими мозгами»? Мне казалось, что Герман занимается торговлей, ну, и отчасти производством.

— Зато вскормили эту акулу бизнеса именно на юрфаке, Викушка-то по его стопам пошла. А экономическое образование — это он уже потом добавлял, для комплекта.

— Ясно. Инженеры торгуют пивом, а биологи в поте лица вяжут детские шапочки. Загадочная русская душа.

— Ну да, ну да. А юридическое образование в любой деятельности полезно.

— Ага, особенно в производстве газонокосилок, — съязвила я непонятно зачем.

— Да и там тоже. Хотя это уже крайности. Тебе никто не говорил, что ты споришь только ради того, чтобы поспорить?

— А я разве спорю? — промурлыкала я самым нежным и тягучим голосом, на который была способна. Ну, да ладно. Скажи лучше, с чего это ты меня психиатром обозвал? Вроде никого не трогаю, починая примус, собираю материал для биографии. Акула бизнеса в семейном интерьере. Или Герман...

Молчал он с минуту, не меньше. Потом покачал головой и хмыкнул:

— Немец мне скормил ту же версию, что и всем. Балбес. Сперва Степа все компьютеры в доме поковырял — типа рутинная антивирусная проверка. Ага! Начальнику службы безопасности больше делать нечего. А теперь ты. Вообще-то, я с Германом не со вчерашнего дня знаком. Эта, как ты выражаешься, биография ему нужна, как удаву подтяжки. И на фига он тебя пригласил? Компаньонка-наблюдатель, какие еще варианты? Юная супруга не может вписаться в коллектив и нервничает. А про психиатра я так, для красного словца сказал. По моим наблюдениям, для психиатра пока еще рано.

— По наблюдениям, говоришь? И с кем ты ими уже поделился?

— Ага, вот прям хожу и всем нашептываю: а что же тут эта девушка делает? — покрутил пальцем у виска Боб. — С какой стати? Да ты не напрягайся, никто про тебя ничего такого не думает.

Красная Шапочка

Сокурсникам Кристины я представилась, как есть, журналистом — это обычно дает широчайшее поле для маневра. Народ почему-то полагает, что журналист — некая помесь Карлсона, фотоаппарата и Джеймса Бонда. Скачет, как взбесившийся вертолет, туда-сюда, а потом вдруг что-то «интересненькое» начинает публике рассказывать. Для большинства профессия журналиста стоит где-то между шаманом и летчиком-испытателем. Хотя на самом деле это что-то среднее между бухгалтером и почтальоном: сложить два и два, а потом принести итог «в каждый дом».

Мой интерес к Кристине никакого удивления у ребят не вызвал. Только плотная девушка с короткой стрижкой и в просторном джинсовом сарафане скептически усмехнулась:

— Вы о ней писать будете?

— О ней в том числе, — постаралась я напустить как можно больше тумана. Сами все додумают и сами все расскажут.

Все не все, но первые полчаса, как это нередко бывает, информация сыпалась, как из рога изобилия. Всевозможная. У Кристины всегда можно было списать. Кристина сама безбожно списывала. Кристина зарабатывала оценки томными взглядами. Кристина поглощала учебный материал с неумолимостью мясорубки и знала куда больше, чем нужно по программе. Кристина, напившись, подралась с девицей с соседнего факультета. Кристина в рот не брала спиртного, а на факультетские вечеринки не ходила в принципе, предпочитала дорогие ночные клубы. Кристину интересовали одни лишь деньги. По другой версии — учеба и карьера, а по третьей — только мужчины, но хватало мозгов, чтобы крутить романы так, чтобы про них никто в институте не знал. Кристина нюхала кокаин, бегала по утрам и три раза в неделю

ходила в бассейн. Смотрела на всех, задрав нос, сходить с однокурсниками попить пивка было ниже ее достоинства. Но при этом — добрая душа, всегда посочувствует. И прочее, и прочее...

Через полчаса, оставшись в количестве пяти человек и выговорившись, ребята несколько успокоились и согласились промеж собой, что все это лишь болтовня, а на самом деле... Что же там было на самом деле, никто сказать не мог.

— Очень замкнутая. Если не знаешь, никогда не догадаешься, что она из села. У нас сельских много, так они все... знаете... «ромашки спрятались, поникли лютики». А Кристина... Она была такая... такое оранжерейное растение, — вздохнув, попытожил парень, больше похожий на кинематографического бандита, нежели на студента.

— За ней, должно быть, многие ухаживали? — спросила я, заподозрив в нем обиженного поклонника.

— Ухаживали-то многие, да только...

— Я занята, и весь сказ, — процитировала девица в джинсовом сарафане.

— Ни в группе, ни вообще на факультете у нее никого не было.

— Козлик ее в какие-то клубы водил. Хотя тоже... без последствий.

— Козлик, простите, это кто?

— Козицкий, сын нашего декана.

— О-о... — Я постаралась изобразить на лице глубочайшее почтение. — Он, должно быть, сильно обиделся, что кто-то посмел ему отказать...

— Кто его разберет? — повела круглым плечом «джинсовая» девица. — Он же белой кости, до нас не снисходит.

Великолепно. Запомним и перевернем тему.

— А кто ее лучше всех знает? С кем-то ведь она наверняка дружила?

— Мы же и говорим — ни с кем, — заявили они почти хором. Странно. Им что, неприятно

вспоминать? Или они чего-то опасаются? Непонятно. Ну, ни с кем, так ни с кем.

— Какие у нее вообще были отношения в группе, на факультете? Ссорилась? Могла вспылить по пустякам? Обижала? Обижалась?

— Кристина — самый неконфликтный человек на свете, — усмехнулся «бандит». — Свято уверена в том, что все ее любят, и не просто любят, а готовы в любой момент все для нее сделать. И, кстати, тут она в чем-то права.

— Ну, не скажи, — вмешалась жгуче-черная девица с черным лаком на ногтях. — Это с мужиками она такая мягкая, а могла и по стенке размазать. Я как-то раз пошутила неудачно, так она меня чуть живьем не съела: мол, лезешь не в свое дело, неприятностей захотелось? И конечно, неприятности тут же и начались.

— Большие?

— Ну... достаточные, — поморщилась девица. — Впрочем, неважно.

Ага, надо полагать, Кристина ей перебежала дорожку, в смысле кого-то увела.

— Ерунда все это, — решительно возразила «джинсовая». — Вам с Левчиком надо поговорить. Уж он-то ее знает как облупленную. Больше нас, по крайней мере.

После двухминутной перепалки все решили, что Левчик сейчас «наверняка в лаборатории очередную железку облизывает». «Бандит» — самый доброжелательный из всей компании — проводил меня в подвал. Без него я точно заблудилась бы в нескончаемом лабиринте плохо освещенных серых коридоров, сворачивавших и пересекавшихся под какими-то немислимыми углами.

Левчик оказался белобрысым розовощекиим пухляком с очень светлыми и неожиданно колючими глазами. От подскочившей к нему жгучей брюнетки — «Левчи-ик, а тут журналист Кристиной интересуется, ты же про нее больше всех знаешь», — он отмахнулся, как от комара, а на меня взглянул без малейшего дружелюбия:

— Журналист? Светская хроника, что ли?

— Вроде того.

— Сплетни, значит, собираете, — буркнул он.

— Ну, почему же сразу сплетни? — «обиделась» я. Но — не помогло. Все попытки убедить этого сфинкса в абсолютной чистоте моих намерений оказались тщетными. Я даже «проговорила» об анонимных посланиях, мол, это может быть опасным, надо помочь, но единственным результатом стало:

— Вы думаете, что это моя работа?

9

*Брак —
это на всю
жизнь.*

Генрих VIII

— Да что вы, что вы! Но кому, как не вам, знать, кто мог на Кристину затаить зло...

Безнадежно.

Странный персонаж. Может, зря я ему про анонимки сказала?

Когда я вернулась, в холле меня перехватила Зинаида Михайловна:

— Риточка, что-то вы к нам и глаз не кажете. А уж кто про Герочку больше родителей знает? Пойдемте, я вас чайком побалую.

Ну, чайком так чайком. Авось, что-нибудь интересное услышу.

— Зинаида Михайловна, а как Герману Борисовичу вообще пришло в голову собрать всю семью в одном доме? — первой начала я разговор. — Это сегодня не очень-то типично.

— Герочка — хороший мальчик... — вздохнула она. — Только вот с женами ему не везло... Марина еще ничего была. Гонору, конечно, многовато, это ей не скажи, и туда не указывай, она сама знает, как жить и что делать. В кино одна ходила, когда Гера занят был. Правда, как Оленьку родила, тут уж не до фанаберий стало, особо не развлечешься, когда ребенок на руках. Но справлялась она хорошо, ничего не скажу. Повезло ей — Оленька здоровенькая родилась и не болела совсем. А тут все это безобразие началось, перестройки всякие. Но Герочка не растерялся. Дела у него сразу хорошо пошли. Живи да радуйся, раз уж с мужем так повезло, и копеек считать не приходится, и отчета никто не требует. А она — фырь-фырь, новой жизни ей захотелось, чтобы тепло кругом, и продавцы вежливые. Вот и уехала. Я надеялась, теперь Герочка найдет хорошую девушку, а эта... Деточка, деточка, а палец в рот не клади — раз-раз, и окрутила.

— Мне показалось, что она чего-то боится, — осторожно закинула я маленький крючок, ко-

торый, как мне казалось, Зинаида Михайловна должна была схватить на-верняка. И не ошиблась.

— Вот и пусть боится, страх должен быть, а то фьюить, фьюить, подолом махнет и... И вообще нечего ей тут делать, — вдруг твердо заявила Зинаида Михайловна. — Чужая она здесь! Вот пусть только у Герочки глаза откроятся.

— Зиночка, ты несправедлива, — робко вмешался Борис Наумович. — Кристина — очень милая девочка.

— Милая! А ты тут же и перья распушил! Всем вам одного надо! Глазки чистенькие, попка кругленькая — все, готово! Вспомни, как она тебя осадила, а? Забыл?

— Ну, Зиночка, я же не хотел ничего плохого. Робкая девочка, в чужой семье...

— Молчал бы уж... — Зинаида Михайловна в последний раз бросила на мужа взгляд типа «знаем мы вас» и вновь превратилась в радушную хозяйку: — Риточка, вам чаю еще налить? А вы что-то и печенье не попробовали, берите, очень вкусно...

Да уж, страх, видите ли, должен быть. То-то собственный муж ее, как цыпленок ястреба, шугается. Вот интересно: насколько активно Зинаида Михайловна воспитывает сыночка на предмет несоответствия его жен маминым высоким идеалам? Вдобавок, у Зинаиды Михайловны, кроме понятной материнской ревности, есть еще одна причина не любить Кристину — тоже ревность, но супружеская. А это причина не менее, а может, и более серьезная. Вдруг Борис Наумович народную мудрость про седину и ребро уже пытался подтверждать делом? И как на это могла отреагировать Кристина? В самом деле «осадила»? Или нет? И не обиделся ли, в итоге, сам Борис Наумович?

Господи! Народу в доме — по пальцам перечесть, а побуждения и мотивы напоминают орнамент, изготовленный неумелой вязальщицей. Путаница фантастическая. Кстати или некстати, вспомнился анекдот времен начала перестройки, когда все торговали всем подряд, и, преимущественно, по телефону. «Вагон кофе возмешь? — Конечно! — А вагон патефонных иголок? — Ну... ладно, возьму. — О кей, забирай, у меня на товарной станции два вагона этой смеси стоят». А мне теперь, значит, как Золушке, отделять кофе от патефонных иголок?

10

*Мы продолжаем
себя в детях.*

Папа Карло

Наступил вечер. Звезды тут потрясающие. Совсем не то, что в многоэтажных районах. «Открылась бездна, звезд полна...» Воистину полна. Только взгля-

нешь — и тащат они тебя все дальше, дальше, а ты и не сопротивляешься. Уплываешь, уплываешь, уплываешь...

Как же, уплывешь тут! Только начала сливаться с мировой гармонией, как меня тут же выдернули оттуда. На пороге появился Герман. Он прошел через комнату, плюхнулся в кресло и, уставившись на меня, прямо спросил:

— Ну и как у тебя первые впечатления?

— Сильнее всех, на первый взгляд, Кристину не любит Вика. Может, не сильнее, а просто откровеннее.

— Вика просто ревнует, — отмахнулся Герман. — Она и к Ольге ревнует. С Мариной отношения наладились только в последний год, когда она уже всерьез на ту сторону намылилась. Вика про это, правда, не знала, но, наверное, почувствовала. Да и вообще, ревность ревностью, но чтобы Вика... Она человек выдержанный. Даже с Тимуром не ссорится.

— Ну, знаешь! По-моему, с Тимуром поссориться — это сильно постараться надо. Другой такой флегмы свет не видывал.

— Ты его просто мало знаешь, — усмехнулся Герман. — Видела бы ты, что творилось, когда он за Викой ухаживал. Во все стороны пыль летела.

— Он машину водит?

— Водит, конечно.

— А своей нет?

— Это все оттуда же. Гордый очень. На жестянке какой-нибудь ездить, тем более Вику обожаемую возить, не желает, а что-то достойное пока позволить себе не может. Я хотел им подарить, так он меня чуть не убил, как будто я ему не подарок, а гадость страшную хочу сделать.

— Ему? — удивилась я.

— Если бы Вике, тогда точно убил бы. Я, видишь ли, имел право о ней заботиться до свадьбы, а теперь она его жена.

— Но живут-то они здесь? — я решительно ничего не понимала.

— Живут, потому что Вика это условие еще до свадьбы поставила. Или здесь, или до свидания. Пришлось Тимурчику смириться.

Похоже, Германа тимуровские попытки сохранить хотя бы видимость самостоятельности ничуть не задевали, скорее веселили.

— Значит, гордый? — уточнила я. — А как же его гордость позволяет пользоваться услугами Стаса, зарплату-то ему ты платишь?

— О! — Герман поднял указательный палец. — Это — история, причем гениальная по своей глупости. Гордость, естественно, не позволяет, абсолютно справедливо. Но когда я заметил, что Вика ждет ребенка... Короче, я был неумолим: это моя единственная сестра, и я не желаю рисковать здоровьем будущей матери. Вообще-то, для меня это был повод, Вика — девочка очень осторожная и внимательная, обеспечивать ее безопасность таким образом не было никакой необходимости. Но мне показалось, что она под руководством любимого мужа потихоньку задыхаться начинает. В общем, нашла коса на камень.

— И как ты его убедил?

— А я не убедил. Он теперь выплачивает треть зарплаты Стаса. Настаивал на половине, но я ему цифрами доказал, что его доля должна составлять треть. На том и помирились. — Герман задумался и проговорил: — Может, это он Кристину изводит? Просто, чтобы Вике приятное сделать. С него станется.

— Он что, дурак?

— Он Вику очень любит. Когда она сказала, что ей не нравятся брюнеты, он на следующее утро явился... ну, как негатив: сам смуглый, а волосы и даже брови белые. Вика хохотала полчаса, потом велела немедленно ликвидировать это безобразие и первый раз согласилась отправиться с ним... я сегодня уж и не помню куда. Своего ближайшего помощника уволил, потому что Вике тот не понравился. В качестве свадебного подарка.

— Тимур? — удивилась я всему сказанному, так как до сих пор ни на минуту не принимала мужа Вики всерьез или хотя бы как самостоятельную личность. Муж Вики — и все тут. Но если он мог уволить толкового работника только ради того, чтобы порадовать свою ненаглядную... — Вика Кристину не любит, и мама твоя. Но и Вику, и Зинаиду Михайловну не устроит вообще ни одна кандидатура рядом с тобой.

— Ну... Если Милла Йовович получит герцогский титул, три Нобелевских премии и вдобавок станет премьер-министром, например, Великобритании, — и при этом еще будет глядеть на меня снизу вверх... — усмехнулся Герман.

— А мама тебя часто учит, как надо себе пару выбирать?

— Регулярно... — устало подтвердил он.

— Бедный богатый мальчик. Тебе никогда не казалось странным, что Вика и Зинаида Михайловна довольно прохладно относятся друг к другу, но совершенно одинаково смотрят на твоих...

— На моих женщин. Чего уж тут странного? У них и между собой трения на ту же тему — меня никак поделить не могут. Да пустяки, я привык. Понимаешь, я же люблю их. Всех. А помирить не могу. Даже и не пытаюсь уже. Просто стараюсь сглаживать острые углы, когда вылезают. До сих пор вроде удавалось, а теперь... Как будто где-то в доме притаился маленький тролль, невидимый и очень злой. Сидит и пакостит. С Мариной ничего подобного не было.

— Может, потому что таких денег не было?

— Ты с ума сошла! — возмутился Герман. — Я всегда о семье заботился, никогда ни в чем не отказывал. И они прекрасно знают, что никакая женщина этого изменить не способна.

— Насчет злобного домового — идея интересная, главное, перспективная. Обрызгаем все углы святой водой — он сам и вылезет.

— Ты что, и в самом деле в духов веришь?

— Угу. Особенно после второго стакана. Только мне все больше инопланетяне являются. Такие, знаешь, маленькие, с блюдами. Иногда даже с чайниками. А если это и впрямь домовой, тогда тут не я, а батюшка с кадилом нужен.

— Да хоть десять батюшек, лишь бы помогло...

Мне хотелось хоть чуть-чуть расшевелить Германа — уж больно он был замороженный, как хек на прилавке. Но все мое балагурство пропадало втуне. Казалось, предложи я сейчас вызвать самого Папу Римского для сеанса экзорцизма — Герман лишь пожмет плечами и начнет выяснять, сколько это стоит. Вот допекли мужика! Мне его было жаль даже больше, чем саму Кристину.

— Герман, а у тебя, часом, в делах никаких неприятностей не нарисовалось?

— Да нет. Там-то как раз все в порядке. Только дома кавардак. Мистика какая-то! Говорят же — плохое место, хорошее, энергетика там и все такое. Ты не думай, я не всерьез, только... Дом-то выстроен на старых развалинах.

— На графских?

— Не знаю. — Герман снова не принял шутки, а может, Гайдара в детстве не читал. — Какой-то загородный особняк тут стоял. Может, и графский.

— Ага, а теперь покойный владелец по ночам осваивает современную технику. Представляешь, сидит такой скелет в лохмотьях за монитором и костями по клавиатуре стучит. Но письма-то — штука вполне материальная, не привидение же их, в самом деле, печатало.

— Да... письма... — как-то вяло согласился он.

11

*Мысль
изреченная
есть ложь.*

Герасим

Вдоволь нахлебавшись за неделю «домашнего уюта», я ожидала, что атмосфера за пресловутым семейным завтраком будет напоминать шкуру кошки, которую полчаса причесывали: только дунь — и ворох искр летит во все стороны. Ан нет! Никаких молний над столом не летало. Только Зинаида Михайловна пару махоньких стрелочек пустила:

— Кристиночка, вам обязательно нужно фасоль кушать. И сливочное масло. Очень освежает кожу, а главное — для нервов полезно.

Не знаю, как там «для нервов», а кожа Кристины сегодня точно нуждалась в освежении. Цвет лица, невзирая на косметику, был такой, словно она не спала по меньшей мере двое суток. Разве могла заботливая свекровь упустить такой случай?

Остальные присутствующие вели себя на удивление корректно. Кстати, любопытная деталь: в «семейном» завтраке участвовали действительно все члены дома. Даже Нина завтракала вместе со всеми, отлучаясь лишь для того, чтобы переменить блюда.

Семейная идиллия, одним словом.

— Стас, после обеда, будь добр, съезди в аптеку. Зинаида Михайловна тебе списочек даст, — обратилась за столом к водителю Ядвига Леонтьевна.

— Только недолго! — капризно заявила Кристина. — Мне к трем на примерку нужно.

— А почему не на своей машине? — мягко спросил Герман.

— Да, вот прямо так сразу, с бухты-баряхты, сяду и поеду? — Кристина слегка поморщилась, недовольная не то вопросом, не то качеством поедаемого омлета. Скорее всего, вопросом, потому что у омлета имелся единственный недостаток: от него невозможно было оторваться.

— А-а... — Вика растерянно посмотрела на мужа, на Германа, снова на мужа. — Мы ведь к Никитиным собирались, на крестины. Что теперь, такси вызывать?

— Ох, извини, родная, я и забыл, — смутился на мгновение Герман, но тут же нашел выход: — А давай я вас отвезу, мне все равно по дороге, а вечером Стас вас заберет. Годится?

— Конечно, Герман, если тебе не сложно, — улыбнулась она. — Спасибо! Я всегда говорила, что такого заботливого брата ни у кого на свете нет, — и примирительно добавила: — Хотя не беспокойся, пожалуй, мы и правда можем сейчас такси вызвать. Или подождем, время пока терпит.

Герман хмыкнул, отодвинул тарелку, встал, проходя мимо Вики, ласково взъерошил ей волосы, поцеловал в макушку и вышел. Бедный мужик! Можно, конечно, поселить в одной клетке хорька, ворону и кролика — только вряд ли обитатели будут наслаждаться этим... разнообразием. Если и будут, то недолго.

...Я сидела в своей комнате на подоконнике и, спрятавшись за шторой, наблюдала за тем,

что происходит во дворе. Вот приехал Стас, загнал машину в гараж и с небольшим пакетом отправился в дом. К Зинаиде Михайловне, надо полагать. Потом появилась Светочка. Огляделась украдкой и юркнула в открытую дверь гаража.

Через несколько минут из дома вышел Герман с большим серым кейсом. Он что, и по воскресеньям работает? Похоже, что так: «мерс» величественно выехал из гаража и двинулся к воротам. Но вот ведь чудеса! Я готова была поклясться, что Светочка из гаража не выходила, вряд ли можно было не заметить ее ослепительный наряд. Однако каким-то неясным образом она оказалась возле ворот — и как раз в тот момент, когда к ним подъехал Герман. Светочка ослепительно улыбнулась, изящно склонив головку, что-то сказала, дверца машины открылась, и она скользнула внутрь...

Н-да. И как она ухитрилась очутиться у ворот, не выходя из гаража? Телепортация, не иначе.

Едва «мерс» скрылся за воротами, как из дома выскочила Ольга, понеслась по дорожке с такой скоростью, словно за ней гналась стая крокодилов, и влетела в гараж... А через пару минут вышла уже совсем в другом темпе, как в том анекдоте — медленно и печально.

Вскоре появилась и Кристина. Мне почему-то показалось, что она обижена на весь белый свет — никогда не видела, чтобы чья-то спина выглядела настолько раздосадованной. Что бы это значило?

У гаража стояли Вика с Тимуром, ожидая Стаса. Вид у Вики был довольный — видимо, планы в очередной раз поменялись, и едут все-таки они. Еще бы ей не быть довольной, ведь час назад пришлось согласиться, что первой поедет Кристина, а они потом. Но все-таки любопытно — как она ухитрилась обойти Кристину? Неужели пошла на принцип и решила сделать наперекор? Забавно.

Когда Стас выехал из гаража во двор, Вика уселась на переднее сиденье, но Тимур стал ее уговаривать переместиться назад: мол, мало ли что, тебе нельзя рисковать, вдруг тряхнет и вообще, в дело пошли уже аргументы типа «ты меня совсем не любишь»...

Стас делал вид, что его тут вовсе нет, только пальцы на руле выстукивали что-то нервное. После трехминутной перепалки супруги, наконец, вспомнили о взаимном согласии, устроились на заднем сиденье вдвоем, и вскоре машина уехала.

А у меня вдруг появилось странное чувство — почему-то захотелось срочно убедиться, что с Кристиной все в порядке. Я попыталась себя успокоить: что может с ней случиться среди бела дня. Но тревога, совер-

шенно необъяснимая тревога не отступала, и я рванулась на поиски своей «подопечной».

Кристина изволила исчезнуть. В холле и в саду ее не было, в собственной комнате тоже. Зато на полу валялось скомканное банное полотенце, все в каких-то коричневых пятнах...

На кухне Нина колдовала над разделочной доской и моего появления, кажется, даже не заметила. Нож в ее руке стучал не хуже швейной машинки. Интересоваться, не видела ли она хозяйку дома, я почему-то не стала.

Для очистки совести пробежалась практически по всему дому, заглянула даже в спортзал — с тем же результатом. Оставались сауна и гараж, но в этом и вовсе не было никакого смысла. Ну да, можно еще и сад обыскать — как раз к завтрашнему утру управлюсь.

Куда она, черт побери, могла подеваться? Обиделась на всех и отправилась погулять? По магазинам? На ту самую примерку? Пешком? Сомнительно.

Грозовая туча, залюбившаяся на востоке, не улучшила настроения. Мне начали мерещиться всякие кошмары. Бездыханная Кристина с куском проволоки на нежной шее или, если вспомнить об испачканном полотенце, с разбитой головой... Но где?

12

*Поговорим
о странно-
стях
любви...*

**Зигмунд
Фрейд**

Налетел ветер, потемнело, по крыльцу застучали первые капли. Господи, у меня ведь в комнате окно не закрыто! Там сейчас такое море образуется — хоть международную регату устраивай.

Про окно я, впрочем, забыла сразу же, как вошла в комнату. Нашлась моя пропажа! То бишь, Кристина. Вовсе не бездыханная, даже наоборот, чересчур дышащая. Мне показалось, что она здорово чем-то напугана. Бледная до синевы, губы дрожат, и листок зажат в руке так, что костяшки пальцев побелели, аж ходуном ходят.

— Рита, я боюсь! — протянула она бумагу мне.

Текст был краток, эмоционален и невнятен: «Убирайся, откуда пришла! Тебе здесь не жить!» Напечатано крупно, во весь лист. Но больше всего меня заинтересовал не текст — чего-то подобного я и ожидала, — а шрифт. Я сама равнодушна к необычным его видам, так что моей коллегии могло бы позавидовать какое-нибудь дизайн-агентство. Однако такого образчика плакатного искусства нет даже у меня. Буквы будто бы окровавленные, с вертикальных палочек «т», «п», «и», «р» «стекают» крупные капли. Очень натурально нарисовано. А принтер, похоже, заправляли недавно: чернила кое-где размазаны, и по краю какие-то брызги или потеки. Но рассматривать послание тщательно было некогда.

— Ну почему? — Кристина, казалось, сейчас разрыдается. — Что я им сделала? Чем помешала? Я что, виновата, что мы с Германом друг друга любим? Разве я у кого-то что-то отняла?

В общем, началось. А то я уже было начала скучать: враждебность чувствуется, а явных проявлений нету.

— Где нашла?

— На кровати лежало, — шмыгнула она носом. — Это Вика подбросила! Герман с ней нянчится — ах, сестричка, ах, солнышко, а она... она меня убить готова!

— А что с твоим полотенцем случилось?

— Н-не з-знаю... Оно на полу лежало... Я сама испугалась. — Голос Кристины предательски задрожал.

— Погоди, погоди! Я чего-то не понимаю. Во-первых, почему ты здесь, а они уехали со Стасом?

— Регина позвонила, сказала, что у нее какие-то срочные дела, и мне лучше приехать завтра. Наверняка Вика постаралась. Ну, как же! Регина меня только год одевает, а ее восемь лет. Конечно, она для Вики в лепешку расшибется!

— Регина — это ваша портниха?

— Ну да. Наверняка Вика ей позвонила и попросила меня передвинуть. Специально!

— Ладно, не переживай раньше времени, нервы дороже. Может, тебе и в самом деле на какой-нибудь курорт уехать? А тем временем все и успокоится.

Я, конечно, не слишком рассчитывала на успех своего предложения, но и не ожидала, что оно окажется настолько «поперек».

— Ну, уж нет! — Кристина едва не выскочила из кресла. — Я имею такое же право жить здесь, как и любой из этой семейки, может, даже больше, и из этого дома уйду, только если Герман сам меня попросит.

*Кто бы мог
подумать,
что такой
пустяк
наделает
столько
шума.*

**Альфред
Нобель**

Дверь резко распахнулась, и в комнату влетел Герман, за ним Боб. Не сказав ни слова, Герман обнял Кристину и повел к выходу. Она обернулась в мою сторону, как будто собиралась что-то сказать, но то ли передумала, то ли просто не успела. Боб остался, присел на край кресла и вздохнул:

— Сейчас позвонил Стас... Они... ну, в общем, в аварию попали. Тимур умер там же, не приходя в сознание, Вика в больнице. Так-то она почти не пострадала, только ударились... наверное... — он вдруг замялся.

— Ребенок? — догадалась я.

— Кровотечение сильное, — кивнул он, — сказали, что вряд ли удастся сохранить. Господи, ну ее-то за что?!

— А Стас? Он из больницы звонил?

— Звонил. Сам-то почти в порядке, слабое сотрясение, парочка ушибов и царапин. — Боб помолчал и добавил: — Герман сейчас в клинику поедет, вот только Кристиночку успокоит и спать уложит.

Неприятнь, прорвавшаяся в его голосе, поразила меня едва ли не больше, чем страшное известие. Он тоже не в восторге от Кристины, но чтобы настолько!

Грозовые сумерки успели смениться ночной темнотой, небо расчистилось, высыпали звезды. Надо бы, однако, уже и окно открыть — дышать нечем, так надымила.

В раскрытое окно ворвался запах сырой земли и мокрых сливовых листьев. Но дымовая завеса не сдавалась. Еще бы! Пепельница после моих посиделок напоминала маленький Везувий. Неужели я успела столько выкурить? И главный вопрос — как бы это поаккуратнее донести до мусорного ведра? Для начала стоит хотя бы вылезти из кресла, подсказал внутренний голос.

Вообще-то, разумнее было бы принести ведро к пепельнице, а не наоборот, но внутренний голос ничего больше подсказывать не стал — управляйся, мол, как знаешь.

У массовиков-затейников, помнится, было два излюбленных аттракциона: бег в мешках и переноска куриного яйца в столовой ложке, тоже бегом. Ну уж, дудки! Возьмем лист бумаги, подставим для страховки под пепельницу и осторожно, как канатоходец по проволоке...

Тр-р-р-рах!

На мгновение сознание мое отключилось, а когда включилось, я обнаружила себя сидящей на полу рядом с дверью. На коленях аккуратно лежал «страховочный» лист бумаги, на нем — пепельница, из которой даже почти ничего не просыпалось, а возле меня на корточках сидел Герман и вроде бы пытался извиняться: стучал, мол, но... Только я не особенно хорошо его слышала: лоб трещал, перед глазами плавали круги, в ушах шумело, в затылке звенело — короче, полный оркестр.

— Черт! Хотел ведь раздвижные двери поставить, да мама с отцом на дыбы встали — вот еще, как в поезде.

Герман помог собрать мусор, довел меня до кресла, усадил, заметил на столе листок с «кровавыми» буквами, поглядел на него, помолчал, а потом медленно произнес:

— Вот, значит, как... Ну, что же... Рита...

Может, он таким способом хотел повежливее меня выпроводить? Да со всем нашим удовольствием!

— Наверное, сейчас мое присутствие в доме не особенно желательно? — перебила его я, думая, что, вероятно, таким способом он хотел меня повежливее выпроводить. Да с превеликим удовольствием!

— Нет. В смысле, совсем наоборот, — покачал он головой. — Кристина почему-то считает, что... Ладно, неважно.

Мне показалось, что Герман успел порядком нагрузиться — каждое слово он произносил медленно, отдельно и очень отчетливо. Преувеличенно отчетливо, я бы сказала. Запаха алкоголя, впрочем, не чувствовалось.

— Как это случилось? — осторожно спросила я. — Столкнулись с кем-то?

— С бетонной опорой они столкнулись! Что-то с колесом, машину занесло, и... Вика-то скоро в норму придет, ну, отдохнет еще недельки две-три. Стас вообще в порядке, пара ушибов. Я хотел... Я Вику завтра домой привезу. Она ведь почти не пострадала, весь удар пришелся на долю Тимура. У нее даже ушибов-то почти нет, только...

— Значит, все-таки выкидыш? — уточнила я.

— А... Ты уже знаешь? Срок не очень большой, угрозы особой нет, они там сделают, что положено, и, думаю, сразу ее домой. Ну, медсестру, конечно, приглашу, это само собой. Но ты тоже с ней как-нибудь...

— А похороны? — удивилась я. — Может, лучше ей эти дни в больнице побыть?

— Тимура родственники забирают, — отмахнулся Герман. — Похороны — не наше дело. Мы же иноверцы, — презрительно уточнил он. — Наверное, все к лучшему. В конце концов... Может, теперь все само наладится...

Тимур?!

Мысль, конечно, интересная и, главное, в сложившейся ситуации разрешающая все сомнения просто идеально. Но этого не может быть!

— Ты полагаешь, что все эти милые шалости были делом рук Тимура?

— А у тебя есть другое объяснение? — довольно резко спросил Герман.

— Да не то чтобы... Только неясно, зачем я-то тебе тогда понадобилась?

Совершенно неожиданно мой вопрос Германа как-то странно смутил. Он замялся, но ответил:

— Понимаешь, я, собственно, и предполагал что-то в этом роде, но... Вдруг я чего-то не замечаю. Со стороны, говорят, виднее.

— Ну, предположим, что его боженька покарал. — Я почему-то решила не делиться с Германом своими сомнениями. — А если бы нет? Ну так, гипотетически. Представь, что никакой аварии не было, а вдруг выясняется, что письма и все прочее — шуточки Тимура. Что бы ты тогда сделал?

— А-а... Сейчас-то какая разница? Сейчас надо, чтобы все забылось, правильно?

Да уж, куда правильнее. Герман вел себя, мягко говоря, странно, но голова болела — сил никаких не было терпеть, не то что сообщать.

*Я не матерюсь —
это у меня
голос такой.*

Вл. Вольфович

Проснулась я поздно. Впрочем, «проснулась» — это как сказать. Правый глаз открылся сразу. Левый пришлось уговаривать минуты две. Слева на лбу, аккуратно в месте вчерашней стыковки с дверью, набрякла изрядная шишка. Попытка ее потрогать ясно продемонстрировала, что знаменитое небо в алмазах — отнюдь не поэтический образ, а нечто очень даже реальное. Хотелось заскулить, заскрипеть зубами и чего-нибудь расколошматить, желательно одновременно.

Убедившись, что немедленная смерть мне не грозит, я поднялась и отправилась в ванную, приготовившись увидеть в зеркале персонаж из фильма ужасов...

Ничего особенного. Физиономия как физиономия, надо лбом наблюдается легкая припухлость, если не присматриваться, то и не заметишь. Ни синяка, ни ссадины. Намочив полотенце самой холодной водой, я приложила его к шишке. Стало легче. Выхлебав два стакана воды и похоронив в очередной раз планы покончить с курением, я не то чтобы почувствовала себя хорошо, но, по крайней мере, уже не хотелось немедленно перестать себя чувствовать вообще. Приемлемо. Мозги на месте и даже, кажется, функционируют.

Утреннее появление Германа, к счастью, не сопровождалось столь разрушительными для моего организма последствиями, как вчерашнее. Но и его организму, похоже, досталось. Вряд ли его кто-то лупил по голове, но выглядел мой гость (он же хозяин), тем не менее, далеко не лучшим образом. Обаяния не потерял, но в конкурсе на звание «мистер Вселенная» победил бы вряд ли. Воспаленные глаза и посеревшее, осунувшееся лицо навели на мысль, что он, как минимум, не спал всю ночь. Что при этом пил — кофе или более

мужские напитки, судить трудно, однако определенные сомнения цвет лица вызывал.

Вдобавок визитер казался порядком растерянным и, к тому же, испуганным. Вчера он выглядел, как человек, столкнувшийся с неожиданным и неприятным препятствием и готовый его преодолеть. Сегодня — как тот, кто, доставая из кармана авторучку, обнаруживает вместо нее кобру.

Но воспитание, что ни говорите, дает себя знать. Прежде всего, как и положено вежливому хозяину, Герман проявил естественный интерес к моему драгоценному здоровью и еще раз извинился за причиненный ущерб — мне показалось, что, пока он автоматически произносит необходимые реплики, мысли его витают где-то далеко-далеко.

— Рита, у нас странный разговор вчера получился.

Ну да, конечно. «Странный» — самое подходящее определение, что и говорить.

— Неужели? — Вместо того, чтобы сочувствовать Герману, я начинала злиться. — Так жизнь вообще довольно странная штука. И юмор у нее такой, своеобразный.

— В каком смысле? — Он, кажется, даже не заметил моей язвительности. Поморщился, потер виски. Кажется, проблемы с головой сегодня не только у меня.

— Если бы Вика не стремилась так к первенству, осталась бы цела и невредима. Не говоря уж о Тимуре. Ехать-то Кристина должна была, не помнишь?

— Помню, — после короткой паузы медленно проговорил Герман. — Я ведь так и не понял, почему все-таки Вика с Тимуром поехали.

Мне показалось, что собирался он сказать что-то совсем другое, а замечание про непонятное изменение «графика пользования автотранспортом» просто подвернулось в последний момент.

— Кристина сказала, что ей позвонила портниха и сообщила, что хотела бы перенести мероприятие на следующий день.

— Да? Это может быть. Даже у Марины, помню... Регина Владимировна при всей своей гениальности далеко не сахар.

— Так ты ее знаешь?

— Еще бы! Старая гвардия, она Марину одевала, потом Вику, Ольгу иногда. И Кристину я к ней отвел. Опасался, правда, осложнений — Вика-то до сих пор у нее шьет. Но там сразу любовь началась до гроба.

— Даже так? Любовь? А вот Кристина уверена, что Регина позвонила не по своей инициативе. Ее, дескать, Вика попросила эту чертову примерку перенести. Из вредности.

— Может, и так, с Вики, по правде говоря, случилось бы. А что? Обычные бабские разборки.

— Дай-то бог. Слушай, а ведь Нина должна знать, какие были звонки. Трубку ведь она обычно берет?

— Да, пожалуй. Сейчас узнаю. — Герман пожал плечами и вышел.

Конечно, для полной уверенности надежнее было пойти вместе с Германом, но, с другой стороны, весьма вероятно, что при мне Нина закроется как устрица — да-да, нет-нет. Что ж, будем кушать, что дают. В конце концов, она — отнюдь не единственный возможный источник информации.

Так. Но ведь Герман пришел вовсе не за тем, чтобы выяснять, почему вместо Кристины поехала Вика с мужем. Просто схватился за первое, что подвернулось. А зачем приходил?..

Вернулся он очень скоро и доложил:

— Регина звонила дважды: сначала Кристине, минут через десять после этого — Вике. Ты довольна?

— Если перед первым звонком был еще один... — пожала я плечами. — Да ладно, проехали. Герман, а не стоит ли мне все же отсюда убраться?

Молчал он минут пять, не меньше. Германа свет Борисовича, судя по всему, раздирали два противоречивых желания: отправить меня немедленно куда подальше, дабы не лезла в шкафы со скелетами, и — поделиться «горячей» информацией. Неоднократно уже было замечено, что эту самую «горячую» информацию очень трудно держать при себе.

— Стас клянется, что и колеса, и вообще машина были в полном порядке. А в том, что касается транспортных средств, ему можно верить на все двести процентов.

Сообщение меня, в общем, не удивило. Уж очень вовремя случилась эта авария, и, как ни крути, пострадать в ней должна была Кристина.

— Герман, давай называть вещи своими именами. Во-первых, перестань себя обвинять, никто не обязан быть ясновидцем. Оставь эти глупо-

сти и давай думать. Ты считаешь, что машину испортили намеренно, в расчете на поездку именно Кристины?

Он тяжело вздохнул, помолчал, снова вздохнул:

— Я не исключаю такой возможности. Технически это несложно. Стас все-таки не каждые две минуты облизывает машину.

— Хорошо, допустим. Тогда главный вопрос — ради кого это было сделано?

Герман замаялся. Ну что ж, придется самой.

— В конце концов, все слышали, что ехать должна была Кристина. Все. Даже Света, ты же видел, она постоянно в холле мелькала. А вот про изменение планов — никто. Кристина сообщила Стасу, он Вике. Единственное возражение, хотя и очень слабое, — зачем такие сложности? Не проще ли испортить машину самой Кристины?

— Не знаю. Но эта дурацкая сцена за завтраком могла оказаться последней каплей.

— Да, возможно. Но тогда, наверное, пора уже подумать о настоящей охране?

— Нет. Пока... Нет.

Как мило. Интересно, «пока» — что?

15

*Называйте
вещи
своими
именами!*

**Гастон
Галифе**

Беседу с Кристиной я решила, не мудрствуя лукаво, начать с провокационного вопроса:

— Ты не знаешь, у Вики никого не было? Как-то она смерть Тимура восприняла... не вселенская трагедия, в общем. А вроде любимый муж. И ребенка еще потеряла.

— Да, пожалуй... — легко согласилась Кристина, но тут же предложила собственный взгляд на события: — Вика просто упрямая, как Герман. Но она правда удивительно хорошо держится, если и переживает, только за закрытой дверью. Да и то вряд ли. А зря. Говорят, нельзя все в себе держать, вредно, надо выплакаться или отвлечься. Но ты не думай, мне ее вправду жалко, хотя она меня и шпыняет постоянно.

Интересно. Над цепочкой рыдала, от письма, хоть и неприятного, но все-таки дурацкого, чуть в истерике не билась, а сейчас... Неужели в эту хорошенькую головку и вправду не заходила элементарная мысль — в разбившейся машине должна была сидеть вовсе не Вика? Да она должна пудовую свечку в ближайшем храме поставить — за чудесное избавление от смерти. Но ставить свечку Кристина, кажется, не собирается.

А почему бы мне через нее не выйти на эту самую Регину, а? Из первых рук выяснить все эти чертовы «непонятки» с телефонными звонками, а при удаче — еще чего полезного услышать. Портниха, обшивающая семью без малого два десятка лет, должна о ней мно-о-ого знать.

— Слушай, Кристиночка. Все эти трали-вали вокруг портнихи заронили в меня неожиданную идею...

— Ну, наконец-то! — Кристина поняла меня с полуслова. — Давно пора. А то все, что ты носишь... Не обижайся только, но джинсы эти, майки... Тебе, конечно, все это идет, только какое-то оно...

— Вот и я думаю, не пора ли чего-то новенького попробовать, сделать подарок самой себе?

— Самой себе?! — Кажется, эта идея стала для Кристины настоящим потрясением.

— Ладно, самой не самой — неважно. Ты лучше скажи, твоя Регина Владимировна дорого берет?

— Ну... — задумалась Кристина, — по-разному. Наверное, если по рекомендации, да будет знать, что ты журналист...

— Стоп! Из этого можно сделать оч-чень интересный материал. А если еще и... она на кого-то из известных шьет?

— Конечно. Например, эта... жена нынешнего... господи, как же они называются... жена вице-мэра, кажется, она двадцать лет у Регины одевается. Еще бы! С ее-то формами. Как же ее... Татьяна... Наталья... Мы же виделись там. О! Галина Викентьевна!

Для журналиста «Городской газеты» вычислить «в верхах» Галину Викентьевну пара пустяков. Сочинить правдоподобную историю, чтобы получить у нее рекомендацию к Регине Владимировне, — это и вовсе раз плюнуть. Конечно, можно было не заморачиваться и устроить то же самое через Кристину или Германа. Но мне почему-то показалось, что лучше этого не делать. Впрочем, я вообще всегда все усложняю.

Частная портниха всегда представлялась мне толстой громогласной теткой. И на этот раз мое подсознание меня не обмануло: размеры Регины Владимировны еще не заставляли пугаться, но уже внушали легкий трепет, и голос был как у массовика-затейника. При этом, невзирая на такое точное совпадение с моими подсознательными предчувствиями, на пор-

тниху она была непохожа абсолютно и больше всего напоминала постаревшую пионервожатую. А вот глаза «пионервожатой» оказались неожиданно умные и даже едкие. Они пробежались по мне, тщательно оценивая каждую деталь внешности. Результат осмотра Регину не восхитил, но и недоумения не вызвал. Меня это неожиданно обрадовало.

Вскоре выяснилось, что Герман звонил ей вчера, предупреждал о моем возможном появлении и просил оказать всяческое содействие. Пока Регина, как положено при знакомстве, не сласякую необязательную чушь, я немного собрала мысли в кучку.

Собственно, единственный вопрос, который я хотела задать семейной портнихе — не звонила ли Вика с просьбой перенести примерку Кристины? Поглядев в маленькие острые глазки, я как-то сразу поняла, что юлить бессмысленно — либо я задаю вопрос в лоб, либо могу сразу прощаться. Пришлось рискнуть.

— Кристиночка, конечно, маленькая фантазерка, — ответила Регина Владимировна, — но здесь она сказала абсолютную правду.

— А у нее бывают фантазии? Откуда вы знаете? — удивилась я.

— Рита, кто знает женщину лучше, чем ее портниха? Только ее парикмахер или косметичка. И то не всегда. Так что поверьте: фантазий у Кристиночки полно, правда, все безобидные. Продавцы ей постоянно комплименты говорят, таксисты бесплатно возят. Родители ее холили и лелеяли, а в школе так чуть не на руках носили, сама директриса с ней французским языком занималась, и одноклассники с ней прямо по всем предметам консультироваться приходили. И теперь, когда она к родителям приезжает, полшколы сбегается с ней встретиться...

Очень интересно! Если верить Герману, за время замужества Кристина ни разу ни к каким

родителям не ездила. И на свадьбе их, между прочим, не было. И Боб то же самое сказал. Значит, правда. А сказочки она Регине рассказывает.

— А почему вы думаете, что это фантазии?

— В дюжину поклонников я поверить еще могу, — усмехнулась портниха, — но чтобы все остальное... И эти рассказы про самый шикарный дом в поселке... Три верховые лошади — это надо же! Конечно, она все сочиняет. Только не стоит ее за это осуждать. Наверное, у нее было очень бедное детство при родителях-алкоголиках, вот она и придумывает теперь, что все ее обожают. Кристина — милая девочка, и если уж жизнь ее не баловала, пусть сейчас утешается таким безобидным способом.

— Почему бы и нет, если от этого никому никакого вреда? — согласно кивнула я.

— В жизни вообще без вранья не обойтись. Я с голоду бы померла, если бы заказчицам правду говорила.

16

*Верной
дорогой
идете,
товарищи!*

Моисей

Когда я вернулась, в доме было пусто, как в музее. Густой солнечный свет заполнял комнаты так плотно, что все предметы казались покрытыми толстым слоем золотой пыли. Сто лет одиночества. Только муравьев и не хватает.

Раздобыв бутылку холодной минералки и чашку кофе, я спряталась от пыльного сияния в одно из дальних кресел террасы, под чем-то вьющимся, и призадумалась.

Все-таки это очень странный дом. Смерть Тимура, казалось, не пробудила в его обитателях ничего, похожего на печаль. Я, положим, тоже не слишком переживаю, но я и видела-то его от силы раз пять, а для них-то он не посторонний.

Эти размышления увлекли меня настолько, что, забыв про обещание, данное Герману, — никаким образом ни в каких беседах не упоминать Тимура и всего, что с ним может быть связано, я чуть было не поделилась своими сомнениями с появившейся неизвестно откуда Кристиной. Сидя друг против друга, мы бездумно перезванивались льдинками в бокалах с апельсиновым соком. С одной стороны качнется бокал — динь! С другой — опять динь! Динь! Динь!

Динь-динь-динь-динь! Дуэт для двух бокалов со льдом. Думать не то что не хотелось, вообще было невозможно.

Ольга с порога швырнула сумку в кресло, в мгновение ока оказалась рядом и плюхнулась в него.

— Тебя кто-то обидел? — удивленно подняла одну бровь Кристина.

— Эта гримза мне опять зачет не ставит!

— Придирается?

Ольга в ответ лишь дернула плечом и одним глотком осушила полстакана газировки.

— А выучить никак нельзя, чтобы придраться не могла? — мягко поинтересовалась Кристина.

— Это же не математика! — почти взвыла Ольга. — Стилистика, чтоб ее! Всегда можно найти, к чему прицепиться, будь ты хоть академиком.

— И как теперь?

— Черт его знает!

— А комиссии сдавать не думала?

— Придется, — согласилась Ольга и, безнадежно махнув рукой, добавила: — Хотя толку от этого...

— Почему? — удивилась я. — Сложно выучить?

— Может, ей денег нужно дать? — предположила Кристина.

— Не знаю, она вроде не берет. По-моему, она меня просто не переваривает.

— А декан у вас как, ничего? — неожиданно спросила Кристина.

— Да ничего, говорят, — пожала плечами Ольга. — Я его плохо знаю, он у нас не читает.

— Сходи к нему, объясни ситуацию. Если нормальный дядька, поймет, гримзу утихомирит.

Ольге это предложение, кажется, не очень понравилось.

— Да ну, как-то нехорошо...

— Здрассьте! А жизнь тебе портить — это хорошо?

— Все равно неправильно это, — нахмурилась Ольга. — Она же при всех, а я наушничать буду?

— В конце концов, декан для того и существует, чтобы разрешать факультетские конфликты, разве нет?

— Ну, в общем, наверное, да. — Но энтузиазма в голосе Ольги что-то не слышалось. Все ее бешенство куда-то уже улетучилось, и она стала похожа на потерявшегося щенка. — И все равно мне ее жалко.

— Очень последовательно. То гримза, то жалко.

— Она же не от хорошей жизни гримза. Старая дева, мозгов чуть, внешность — без слез не взглянешь.

— Ну, если тебе нравится жить под дамокловым мечом, дело твое. Тогда чего расстраиваться?

— Да день какой-то неудачный, все наперекосяк. Прямо с утра. Стакан разбила, серьгу раздавила...

— Господи, как ты ухитрилась?

— Как, как, наступила. Ноготь сломала, пузырек с лаком перевернула. Прямо на белую юбку. Как у твоего, Кристин, матросского костюма, помнишь? Если бы я после этого зачет получила — было бы удивительно.

— Да, тяжелый день, — усмехнулась Кристина. — Ну, серьги починить можно или новые купить, зачет в итоге получишь, стакан вообще не стоит внимания, ноготь отрастет. А юбка... Пойдем, поглядим, может, и это горе не такое уж страшное...

Я вздохнула и отправилась вверх в свою комнату. Не прошло и получаса, как сияющая Ольга влетела ко мне и принялась кружиться, красуясь подозрительно знакомым костюмом в матросском стиле — я уже видела его на Кристине. Собственно, от «матросского» в нем была только бело-голубая расцветка да полоски в «стратегических» местах. Шел он Ольге фантастически. Неудивительно, что настроение у нее резко изменилось к лучшему.

— Мы все переменяли, матросом буду я! — распевала Ольга, кружась и размахивая какой-то белой тряпкой.

— Это и есть та злополучная юбка?

— Была юбка, стала тряпка! В помойку! — не унималась Ольга.

Я потянулась посмотреть: на белой ткани красовалось внушительное пятно довольно странного цвета.

— Это лак?

— Ну да, мне мама прислала. Все наши девчонки от зависти умирают. Видишь, переливается?

Действительно, при малейшем повороте цвет пятна менялся: то бордовый, то почти черный, то золотисто-зеленый. Он показался мне странно знакомым.

17

*Соль жизни
в том,
что она
не сахар.*

**Федерико
Феллини**

Я вытащила из сумки рабочую папку, а из нее — последнее угрожающее послание. То самое, что появилось в день аварии. Приложила к пятну...

Один в один. Краешек бумаги был испачкан тем же лаком.

Надо же, я ухитрилась подхватить простуду. В горле как будто ежиная семья поселилась, способность к членораздельной речи потеряна почти начисто, даже горячий кофе не помогал — не то что глотать, дышать невозможно, так больно.

Кристина, добрая душа, заметила мое полумертвое состояние и мигом скормила мне какую-то «умную» таблетку. Бог ее ведает, что там было, но горлу и вправду стало легче.

— Может, тебе еще ингаляцию?

— Да ну, вот еще возиться, само проскочит, — отмахнулась я. Не люблю лечиться.

— А чего возиться? — удивилась Кристина. — Берешь и дышишь. У меня в ванной флакон на полке.

... А все моя дурная привычка — проверять перед использованием любое устройство сложнее канцелярской скрепки. Сняв колпачок с ингалятора, я слегка нажала на головку — убедиться, что клапан не засорился и работает как положено. Должно быть, сумма моих прегрешений перед Всевышним оказалась не так уж велика — первую порцию, и то крошечную, я направила на раковину, не в собственное горло. Запах, который почуял при этом мой бедный нос, в обыденной жизни, к счастью, встречается крайне редко, но его ни с чем не спутаешь.

Я сунула ингалятор в карман и вышла из ванной.

— Крис, у меня, похоже, температура, пожалуй, пойду, прилягу, там и подышу, ладно?

— Забирай, конечно. Я тебе попозже молока горячего принесу.

У себя в комнате я внимательно осмотрела «флакон». Ингалятор как ингалятор. Может, мне уже мерещится? Как та салфетка в ресторане? Зашла в ванную, задержала на всякий случай дыхание и легонько пшикнула еще раз...

Нет, не мерещится.

Горло болело по-прежнему, но черт с ним, с горлом, не до него. Ничего особенного я придумывать не стала, поскольку точно знала, кто мне сейчас нужен. Есть у меня один такой знакомый химик, Вадим Стрельцов зовут, если он сейчас в городе, значит, мне повезло.

Выглянув в окно, я увидела у гаража Германа, собиравшегося куда-то ехать. Он вдруг поднял голову, заметил меня, и я, как смогла, показала ему жестами, подожди, мол. Быстро натянула джинсы, ингалятор положила в карман, и бегом!

— Ты чего такая встопорщенная? Случилось что? — с удивлением спросил Герман, когда я в мгновение ока оказалась рядом с ним.

— Так, пустяки, — отмахнулась я. — Ты в центр? Подбросишь?

— Да бога ради, садись, — пожал плечами Герман, и только когда мы уже выехали из поселка, поинтересовался: — А тебе, собственно, куда?

Я попросила Германа подбросить меня к «политеху», ухитрившись не задать ему ни одного вопроса. Впрочем, он тоже молчал всю дорогу.

18

Подарки делаются на две категории: те, которые вам не нравятся, и те, которых вам не подарили.

Санта-Клаус

— Что, опять? — ехидно поинтересовался Вадим, едва завидев меня на пороге кабинета. — Типа что с меня взять, кроме анализов, так, что ли?

На мгновение я усомнилась в правильности выбора помощника. Быть может, стоило обратиться к Никите? Сделал бы необходимый анализ по своим полицейским каналам. Но нет. Насколько я представляю, официальные эксперты загружены работой по самое «не хочу». Так что, даже если ненаглядный мой майор Ильин и уговорит их сделать все максимально быстро, это «быстро» окажется чересчур долгим. Но главное — какой бы Никитушка не был лапочка и душка, он настоящий профессионал, и ему непременно захочется выяснить, от-

куда это у Маргариты Львовны завелись такие опасные игрушки, во что она опять вляпалась. И ведь выяснит. А после этого такое «веселье» начнется в доме Шелестов, что даже представить себе трудно. В каком-то смысле я понимаю Германа, который категорически против любых официальных вмешательств.

А Стрельцов — свой человек, к моим фокусам привычный, так что лишних вопросов задавать не будет и языком трепать тоже. И сделает все быстро. Ну, то есть, действительно быстро.

— Не язви, лучше вот, понюхай! — огрызнулась я и протянула Вадиму ингалятор.

Он отвернул его от себя, легонько нажал... и от его язвительности не осталось и следа.

— Ну, ты даешь! Кто же тебе такое преподнес? Быстро надо?

— Это не мне преподнесли. Вадим, я знаю, что сессия, знаю, что я самая наглая из твоих знакомых. Сейчас сделаешь, а? А я тут где-нибудь подожду.

— Да ладно, я добрый. Хоть каждый день можешь всякую дрянь приносить. Не напрягайся, анализ-то простенький, сейчас сделаю, — пообещал он. — На улице подождешь?

На улицу я не пошла, устроилась в курилке на подоконнике. И даже не заметила, как пролетело время ожидания. Вскоре появился Вадим, уселся рядом со мной на подоконнике, достал сигареты, щелкнул зажигалкой:

— Может, тебе помощь нужна?

— Что там?

Он задумчиво почесал кончик носа и ответил:

— Из того, что тебя, насколько я понимаю, интересует, — синильная кислота.

— Так она же... это, испаряется быстро? — удивилась я.

— Ну-у... — укоризненно протянул Вадим. — Не разочаровывай меня. Ингалятор-то герметичный. Слушай... Может, все-таки... А? Меня

ты этим не напряжешь, Катерина на даче служит переводчиком между старшим и младшим поколениями, так что я пока свободен, как ночной троллейбус. Ты уверена, что своими силами обойдешься?

— Уверена, — честно соврала я. — И много ее там, кислоты то есть?

— Ну, как тебе сказать, я ж не токсиколог. За один вдох ручаться не стану, а двух-трех, полагаю, за глаза хватило бы.

— Ясно. А ее трудно достать, кислоту эту?

— Да нет, — пожал плечами Стрельцов. — Яд, конечно, но ничего сложного. Можно на кухне синтезировать, можно так добыть. Это же не наркотик, кому она нужна?

Кому-то, оказывается, все-таки нужна. Я поблагодарила и поспешила распрощаться. Он еще раз попытался заикнуться на предмет помощи, но я отмахнулась.

Пока шла к выходу, меня опять зазнобило. Что же это такое делается?! Ну, авария, что бы там Стас ни утверждал, могла быть и случайной. А тут уж никаких сомнений. Черт знает что!

Кстати, для всяких нештатных ситуаций, как известно, существует две классических схемы поведения: тигр и черепаха. Если ты черепаха — постарайся стать как можно более незаметным, забейся в угол, в норку, под камень, сиди тихонечко и не высовывайся. Можешь только принохиваться и иногда приглядываться. Принцип поведения тигра прямо противоположный: я круче горы Эверест, сильнее отряда спецназовцев и не ведаю глупого чувства страха. Одним словом, правило Наполеона: главное — ввязаться в драку, а там посмотрим.

В общем, кому что нравится. Мне «по условиям игры» положено наблюдать. Делать это из-под панциря явно спокойнее. Это плюс. Сидя на одном месте, можно чего-то и не заметить. Это минус. Тигр, нарываясь на конфликты, провоцирует окружающих на какие-то действия. Экспериментируя таким образом, можно получить куда больше разной информации — как нужной, так и не очень. Это плюс. А вот явный минус — результатом «экспериментов» может стать не только информация.

Десять минут сидения на горячем каменном парапете у главного входа прогнали озноб и вернули способность размышлять. Кому же это Кристина так насолила? Ревность способна принимать самые дикие формы, тот же Вадим может мно-ого про это порассказать. И, кроме ревности, так сказать, внутрисемейной, всегда существует вариант отвергнутого поклонника и прочее в этом роде. Или ревность — это, как большинство самых очевидных вещей, дымовая завеса, а причины происходящего в бизнесе? Хотя для «производственных» мотивов методы очень уж странные. Все-таки проникнуть в дом не так-то просто.

Не посоветоваться ли с Германом? В конце концов, это его дом и его жена. Ага. И что я ему скажу? То, о чем он и так знает или, как минимум, догадывается: у кого-то из его близких крыша на почве ревности уехала аж до Китая? А он спросит — у кого? Откровенно побеседовать с самой Кристиной? Ничего, кроме абстрактных «боюсь», от нее не добьешься, пробовали уже. Похоже, она и впрямь не догадывается, кто именно ее преследует. Или — догадывается, но говорить почему-то не хочет.

«Ты балда, Маргарита Львовна! — невежливо вмешался в мои рассуждения внутренний голос. — Неделю страдаешь, что источников информации тебе не хватает, а до факультета, где Кристина училась, между прочим, рукой подать». А ведь действительно, с сокурсниками поговорила и успокоилась, попробовать же добыть информацию в учебной части и в голову не пришло. А все остальное Кристино прошлое? Кому-то она там дорогу перешла. К примеру, увела парня у лучшей Викиной подруги, или что-нибудь в этом роде, или что-нибудь более раннее. Правда, школу она заканчивала где-то в области, но мало ли как человеческие жизни перекрещиваются?

Один из лучших способов получить нужную информацию — прикинуться полной идиоткой. Главное — говорить очень быстро, чтобы собеседник не то что слова вставить, призадуматься не успевал. Через пять-десять минут такого пулеметного обстрела он сделает все, что вы хотите, — лишь бы от вас избавиться. Для убедительности неплохо было бы еще и прослезиться, но это у меня никогда не получалось. Впрочем, хватило и так. Несчастливая секретарша — или как они тут, в учебной части, называются — уже через пять минут, затравленно озираясь, готова была отдать сумасшедшей тетке хоть все шкафы с личными делами, лишь бы я заткнулась. К

счастью, личное дело Кристины было на месте. Так, отчислилась по собственному, поступила, экзаменационные оценки, так, приреченская средняя школа номер... Ох, нет, извините, пожалуйста, это не может быть моя племянница, она никогда не жила в Приреченске, надо же, какие бывают совпадения, хорошо, что догадалась проверить, и так далее, и тому подобное. Следующие пять минут я бурно благодарила за помощь и извинялась за отнятое время, чувствуя, что еще чуть-чуть — и на меня уронят один из шкафов.

Конечно, все это можно было бы проделать куда проще. Ничего, зато у бедной секретарши нынче же вечером будет шикарная возможность пожаловаться своему молодому человеку на тяжелую работу и сумасшедших теток, по которым смирительная рубашка плачет.

Все-таки информация Вадима о содержимом ингалятора шарахнула меня изрядно, мозг отказывался принять очевидное: это настоящая, стопроцентная попытка убийства, без всяких там «трагических случайностей». Требовалось переключиться на что-нибудь противоположное.

Вот только ехать в Приреченск решительно не хотелось. Трястись полтора часа в автобусае ... Да и кого я там застану?

19

*Лучше гор
могут быть
только
горы.*

Мцыри

Школьная директриса являла собой образец учительницы и одновременно администратора: строгий костюм, белейшая блузка заколота круглой брошкой, стекла очков сияют хрустальной чистотой. И все это венчается аккуратнейшим начесом по моде тридцатилетней давности.

Звали директрису Галина Сергеевна. Она окинула меня пронизывающим взглядом и убежденно заявила:

— Вы — Рита.

Мне не оставалось ничего другого, кроме как согласиться с этим утверждением. Было ясно, что номер с сумасшедшей теткой, оказавшийся столь результативным в учебной части, тут не пройдет. Да и кураж пропал. Ладно, попробуем напустить на себя таинственности... Галина Сергеевна к обинякам и недомолвкам отнеслась вполне благосклонно, но сразу расставила все точки над «и»:

— Ничего плохого я вам про Кристину сказать не могу, замечательная была девочка, лучшая моя ученица.

— Что вы, что вы, — всполошилась я. — Во все не нужно ничего плохого, наоборот. Просто расскажите о ней поподробнее. Хорошее — это даже еще лучше.

Удивилась ли Галина Сергеевна или усомнилась в цели моих расспросов — было непонятно, но если и удивилась, то ничем этого не выдала, кроме легчайшего движения брови и легчайшей же усмешки.

— Что вам сказать... Очень хорошая была девочка, очень старалась, у нас ведь обычная школа, особых возможностей никаких, вы понимаете? Но Кристина даже в наших условиях старалась, как могла. Пятерки — это само собой, ей этого мало было. Знаете, — вдруг улыбнулась Галина Сергеевна, и взгляд ее смягчился, — я сама с ней французским занималась. По программе у них английский был, а это дополнительно. Она стремилась чего-то достичь, очень стремилась и все для этого делала. Я даже разрешила ей занятия по автоделу посещать, с мальчиками. Обычно мы такого не допускаем, а то сплошные... ну, в общем, не школьные настроения начинаются. А уж у детдомовских, сами понимаете, тем более...

— Детдомовских? — удивилась я. — Разве Кристина?..

— А вы не знали? — в свою очередь удивилась Галина Сергеевна. — У нас больше половины школы из детского дома. Им ведь тоже нужно где-то учиться, а мы тут рядом. Да вы его видели, когда к школе подходили, серое здание справа. Может, и не стоило про это упоминать. Впрочем, нет, вы как раз должны понять. Кристина выделялась среди них, совсем на этих зверенышей не была похожа.

— Наверное, Кристину в классе не очень любили? — предположила я.

— Как вам сказать... Тех, кто выделяется, вообще не очень приветствуют. Быть как все гораздо спокойнее. Кое-кто считал, что Кристина чересчур задирает нос, да.

— Кое-кто — это вообще, или там были явные враги? Тем более, что и внешностью Кристину Бог не обидел.

— Если вы имеете в виду ту дурацкую историю с Лилей Макаровой...

— Ну, к примеру... — я слышала эти имя и фамилию впервые, но, естественно, сделала вид, что история мне знакома.

— Это все глупость, Кристина вела себя безукоризненно, она совершенно этого мальчика не поощряла. Но, конечно, рядом с ней Лиля сильно проигрывала. Во всех смыслах — и внешне, и по обаянию, и по манерам. Да и помладше она, а в переходном возрасте два-три года — разница колоссальная. Естественно, мальчик... как же его звали? Я в этом классе не преподавала, поэтому не очень хорошо их помню. Саша? Или Слава? Кажется, все-таки Слава. Конечно, он от Лили отдалился и начал ухаживать за Кристиной. Школа — не место для всех этих романов, но куда же от них денешься? — тяжело вздохнула Галина Сергеевна. — А в данном случае это было совершенно естественно. Тем более, мне с самого начала казалось, что он ухаживал за Лилей только из-за ее матери.

— А кто у нее мать? Она что, имела такой большой вес?

— Ну, что вы! Серафима Гавриловна — педагог старой закалки, самый требовательный человек в нашем коллективе, а химия — предмет серьезный. Этот Слава — или все-таки Саша? -ах нет, теперь я вспомнила, Станислав его звали, до этого он первым в классе шел, а когда с Лилей поссорился, сразу на тройки съехал. А Кристина — нет, как бы к ней не придирались.

— А Серафима Гавриловна сильно придиралась после этого?

— Вообще-то за ней такого не водилось, — замялась Галина Сергеевна, — просто Лиля у нее была единственный свет в окошке, она в ней души не чаяла, понимаете, одна всю жизнь, поздний ребенок. Ее можно понять...

— Да-да, конечно. Она еще работает?

— Нет, мы ее в прошлом году на пенсию проводили, они с Лилей из Приреченска уехали. Собственно, Лиля еще раньше уехала, учиться. У нас-то выбор небогатый.

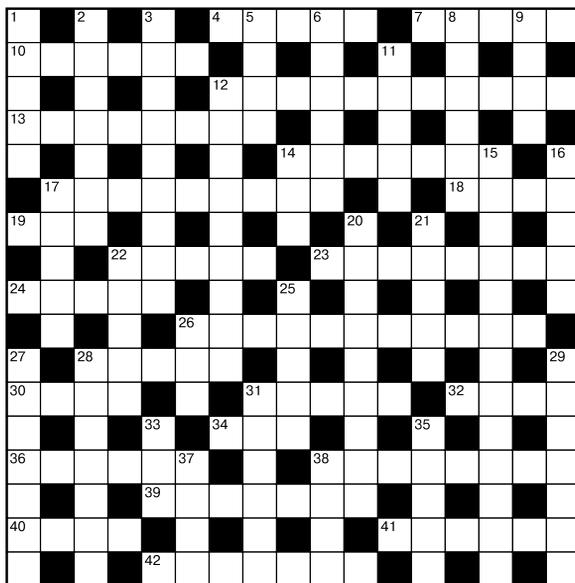
— А куда она поступила, не знаете? Какая-нибудь химия или биология?

— На филфак, как ни странно.

Под конец беседы Галина Сергеевна, расчувствовавшись, посоветовала мне поговорить еще и с заведующей детским домом и даже позвонила ей — предупредить о моем визите. Наплевать на такую предупредительность было бы чистым свинством. Пришлось соответствовать. □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Самый популярный в мире плод. **7.** Претензия на оригинальность. **10.** Какую столицу можно получить, переставив буквы в имени «планеты любви»? **12.** Его книга вышла в 1569 году, а заглавие гласило: «Первая часть учит нас способу приготавливать разную помаду и духи для украшения лица. Вторая часть учит приготавливать варенья различных сортов из меда, сахара и вина». **13.** За какую сеть Ватикан поставил отвечать святого Мартина? **14.** Какое число для нас ровно в тысячу раз больше, чем для американцев? **17.** Тот самый Мальстрем, куда низвергается рыбак из рассказа Эдгара По. **18.** Пшеничная ... обязательна в рационе того, у кого вос-

палилась поджелудочная железа. **19.** Что прибил к воротам Царьграда «вещий Олег»? **22.** Законодательная ... власти. **23.** Откуда родом американский президент Барак Обама? **24.** Какой предмет одежды запретил носить своим подданным русский император Павел I? **26.** Молодой жених, сыгранный Георгием Вициным в 46 лет. **28.** «Вершина славы». **30.** Ручной охладитель. **31.** «Опять и вновь ... света переносят по техническим причинам». **32.** Кто пригрел героя сказки «Нехороший мальчик» Ханса Андерсена? **34.** «Откликнуться на ...». **36.** Чтобы собрать ... на килограмм меда, одной пчеле пришлось бы налетать между ульем и источником корма в целом 40 000 киломе-

тров. **38.** «Свои среди чужих» за чужбине. **39.** Кто из наших сказочных героев владеет тремя языками? **40.** Мультишный гений ... Дисней. **41.** Это как два переезда, но, не выезжая из квартиры. **42.** «Я устал и отдыхаю, в ... вас приглашаю, где куклы так похожи на людей».

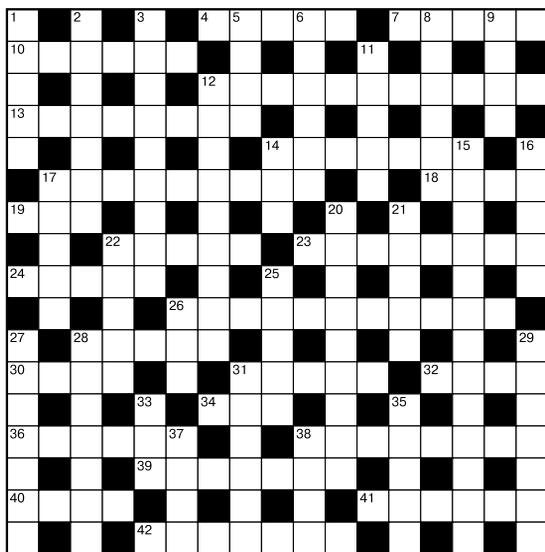
ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Английское графство, чья аристократичность в средние века вызывала смех «даже у домашних животных», что и описано в сказке Льюиса Кэрролла. **2.** По какой причине обычная шахматная партия может стать блицем? **3.** Шикарный автомобиль из комедии «Неисправимый» с Жан-Полем Бельмондо в главной роли. **5.** Какой газ практически отсутствовал в первичной атмосфере Земли? **6.** Недуг, боль от которого заставляла великую певицу Эдит Пиаф прибегать к помощи наркотиков. **8.** Какую деталь глаза скульпторы Древней Греции обычно раскрашивали? **9.** «Табурет, отрастивший спинку». **11.** Говорят: «Гуси спасли Рим». А кто его хотел погубить? **12.** Крах долга. **14.** Он всегда дает человеку то, что он заслуживает. Кто

требует большего, тому придется разочароваться! **15.** Вавилонский царь, дважды разграбивший иерусалимские храмы. **16.** Гриб, который прежде чем мариновать, нужно вымачивать, чтобы избавиться от горечи. **17.** Материал, служивший главным хранителем звуков до появления магнитных лент. **20.** Тезка Михаила Горбачева из «Мертвых душ». **21.** Азиатская столица с метро, где работают толкачи, пропихивающие народ в вагоны. **22.** «Заговорщик и обманщик» из стихотворения «Веселый барабанщик» Булата Окуджавы. **25.** «Малая родина» первого керосина. **26.** «Байт минус налоги» (компьютерная шутка). **27.** Итальянский футбольный клуб, чьих игроков за их полосатую форму прозвали «зебрами». **28.** Какому предмету дама уделяет за свою жизнь около 349 575 минут, что равняется 242 дням? **29.** «Внезапная ... ударяет как молния и лопается как мильный пюзырь». **31.** Кто поставляет молоко для самого популярного в Монголии самогона? **33.** Властелин чудес. **35.** Гурман прекрасного. **37.** Цветок Богородицы. **38.** Пыточная перекладина Малюты Скуратова.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №2

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Бинго. **7.** Взор. **10.** Коррида. **12.** Бакалейщик. **13.** Холстомер. **15.** Винтер. **16.** Налог. **18.** Усердие. **19.** Суп. **24.** Выключатель. **25.** Истина. **26.** Осетр. **27.** Гопак. **30.** Удод. **34.** Доза. **35.** Разговорник. **37.** Галл. **39.** Разврат. **41.** «Валькирия». **42.** Робот. **43.** Весна. **44.** Гринвич. **45.** Кошка.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Шоколад. **2.** Христос. **3.** Идиот. **5.** Икар. **6.** Глаз. **8.** Защита. **9.** Рекорд. **11.** Пение. **12.** Бесстыдство. **14.** Пролетариат. **15.** Винчи. **17.** Гунны. **20.** Отход. **21.** Алмаз. **22.** Фикус. **23.** Створ. **28.** Повар. **29.** Капля. **31.** Дайвинг. **32.** Ягур. **33.** Бильярд. **36.** Шафер. **37.** Гиена. **38.** Лилия. **40.** Тото. **41.** Волк

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Народ, умудрившийся как-то в течение дня захватить сразу несколько посольств в разных странах Европы. **7.** Какого Брайана английская королева выбрала личным фотографом на праздновании Золотого юбилея? **10.** Цветок «тайного огня» из ахматовского «Обмана». **12.** Единственный литературно одаренный человек в ближайшем окружении Адольфа Гитлера, ставший после советником по вопросам нацизма в Белом доме. **13.** В каком из индийских городов расположен главный храм сикхов? **14.** Зловредный дух из славянских мифов. **17.** Из какого растения получили яд, которым убивают во время игры в покер из фильма «Казино Рояль» про Джеймса Бонда? **18.** У древних гре-

ков — архонт, а у византийцев — ... **19.** Естественный регулятор количества пешеходов и автомобилей. **22.** «Варварский лук» из исторических опусов Анны Комнины. **23.** Шведский физик длиной в одну десятимиллиардную метра. **24.** Татарские клецки. **26.** Умение иллюзиониста спрятать в руке предмет и показать, что в ней ничего нет. **28.** Мифический сгибатель сосен, придававший всех странников страшной смерти. **30.** «Лорд зла» среди девяти принцев Амбера в трилогии Роджера Желязны. **31.** Сеть на тетеревов. **32.** Атласская овчарка. **34.** Что греческие и римские воины ели в больших количествах для возбуждения силы и храбрости? **36.** «Меч души» из чеховского рассказа «Тысяча одна страсть». **38.** Мле-

копитающее с самым острым зрением. **39.** Кто стал первой в истории актрисой, получившей за роль в фильме 20 миллионов долларов? **40.** Какую часть свиньи австрийцы едят на Новый год, чтобы стать счастливыми? **41.** Кого из Медичи считают крестным отцом коллекционирования произведений искусства? **42.** Закон двух подвохов Фортена гласит: «Оптимисты изобретают самолет, а пессимисты — ...»

ПОВЕРТИКАЛИ: 1. «Божественное вдохновение» у мусульман. **2.** Кем «числился» Александр Солженицын на даче у Мстислава Ростроповича? **3.** Однажды сенатор Роберт Кеннеди получил от своего брата-президента в подарок ... с надписью: «Желаю начать с того, чем кончил я». Через несколько лет пожелание превратилось в страшное пророчество! **5.** «Священное бревно», ставшее ритуальным барабаном австралийских аборигенов. **6.** Складной стул у древних греков. **8.** Флорентийское семейство во главе «черных гвельфов». **9.** В каком качестве использовали недодаренный картофель в конце XVIII

века? **11.** Материал башмачков Вареньки из рассказа «После бала» Льва Толстого. **12.** Самая длинная из ядовитых змей. **14.** Французский астрофизик, придумавший внеатомный коронограф. **15.** Попытка математика из «некрасивого» графика сделать «красивый». **16.** Индейское племя, захваченное ацтеками, сделавшими из него наемников. **17.** Последний из трех великих кардиналов, кто возглавлял правительство Франции. **20.** В девственных лесах тропической Африки под кронами деревьев, подобно ласточке, летает парусник ..., крылья которого размахнулись на 23 сантиметра. **21.** Виконтесса, первая женщина, избранная в британский парламент. **22.** Будущий ребе. **25.** На каком автомобиле предпочитают разъезжать большинство героев в детективах Джеймса Чейза? **26.** Бутылка из Древней Японии. **27.** Лоскутная мозаика. **28.** Кефаль, плавающая в Каспии. **29.** «Морской воробей». **31.** Высочайший водопад на «черном континенте». **33.** Месяц еврейского календаря. **35.** Рисовая лебеда. **37.** Под чью музыку «Табор уходит в небо»? **38.** Ирландское блюдо с бараньей грудинкой.

Ответы на эрудит, опубликованный в №2

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Обыск. **7.** Блок. **10.** Флаэрти. **12.** Блокбастер. **13.** Беспредел. **15.** Дакрон. **16.** Фрейд. **18.** Коллиур. **19.** Пол. **24.** Триклайминг. **25.** Винтем. **26.** Яздан. **27.** Пепел. **30.** Дрил. **34.** Лото. **35.** Фейсбилдинг. **37.** Бизе. **39.** Байлаор. **41.** Литофаня. **42.** Сенат. **43.** Ботрю. **44.** Архимаг. **45.** Курум.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Алгебра. **2.** Бэглайт. **3.** Ответ. **5.** Белл. **6.** Сакэ. **8.** Лотарь. **9.** Корзно. **11.** Лахар. **12.** Безобразник. **14.** Александрит. **15.** Дукат. **17.** Докет. **20.** Ампел. **21.** Унсет. **22.** Шведе. **23.** Индиф. **28.** Помин. **29.** Ломея. **31.** Леклерк. **32.** Аспос. **33.** Андорра. **36.** Фатом. **37.** Багио. **38.** Зидан. **40.** Рему. **41.** Лану.

Уважаемые читатели!

С 1-го февраля ОТКРЫТА досрочная подписка на 2-е полугодие 2013 года. До 1 апреля подписка оформляется по ценам 1-го полугодия 2013 года. Условия подписки на журнал «Смена» через редакцию:

Оформить подписку на журнал «Смена» вы можете в редакции с получением по почте. Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Сбербанка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Подписка на 1 месяц с учетом доставки стоит 77 руб. 00 коп. Подписка на 3 месяца с учетом доставки стоит 231 руб. 00 коп. Подписка на 6 месяцев с учетом доставки стоит 462 руб. 00 коп.

КУПОН

Ф. И. О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет	40702810410150414401	
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет	30101810400000000555	
	ИНН 7714026110	КПП 771401001	
	БИК 044525555 (для юр.лиц)	Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)	
	<small>Другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет	40702810410150414401	
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет	30101810400000000555	
	ИНН 7714026110	КПП 771401001	
	БИК 044525555 (для юр.лиц)	Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)	
	<small>Другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Уважаемые читатели!

С 1 февраля по 1 апреля 2013 года открыта **досрочная** подписка на журнал «СМЕНА» на 2-е полугодие 2013 года по КATALOGУ ОАО Агентства «Роспечать» — «ГАЗЕТЫ. ЖУРНАЛЫ» «Спецвыпуск» через любое почтовое отделение связи.

На оформление подписки действуют цены 1-го полугодия 2013 года.

Примерный образец каталога:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов
		Индекс 70820 — для остальных подписчиков

Вся пресса
в одном
месте!

PRESSA.RU

Collage of publications: BAZAR, РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА, СМЕНА, ELVID, marie claire, БЕЛОНОСТИ, ЖЕМУ РЕБЕНОК, СЕМЬ.

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

 БИБЛИО-ГЛОБУС
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

« Когда в 1682 году неожиданно для всех скончался царь Федор Алексеевич, на престол должен был по закону сесть его младший родной брат 15-летний Иван Алексеевич. Но венчались на царство оба брата — Алексей и Петр, правда, «старшего царя» воспринимали достаточно серьезно, а «Петрушку» использовали в качестве дублера — мало ли что... Но Иван совершенно не вникал в дела государственные, ему были интересны только две вещи: церковь и семья. И хотя он прожил дольше всех отпрысков мужского пола царицы Марии Милославской, скончался царь на тридцатом году жизни, после чего самодержцем стал, наконец, Петр Алексеевич.

Светлана **Бестужева-Лада** «Иван, брат Петра»

« Имя архимандрита Иакинфа (в миру — Никиты Бичурина) по праву можно поставить отдельной строкой в истории востоковедения как основоположника научного китаеведения. Изучению азиатских стран он посвятил более сорока лет, то есть половину всей своей жизни. Что же это был за человек, который попал за вольнодумство в немилость Синоду и скончался, всеми забытый, в таком же забытом монастыре?

Денис **Логинов** «Девятая миссия»

« Ее называли самой прекрасной и самой элегантной женщиной Европы XIX века. В ее распоряжении были великолепные дворцы, чистокровные лошади, драгоценности и неограниченные денежные средства. Урожденная принцесса Баварская, королева-консорт Венгрии и императрица Австро-Венгерской империи, она была известна в Австрии под уменьшительно-ласкательным именем Сиси.

Майя **Орлова** «Кочующая императрица»

« Этот человек, как никто другой, умел разделять великое и незначительное, и себя самого значительным никогда не считал. Его ругали, травили, осмеивали, а он, чаще всего, прощал и продолжал писать свои великие стихи, которые стали для нас тем, чего не может не быть. Разве можно представить Москву без этих строчек: «Ах, Арбат, мой Арбат, ты моя религия...»?

Евгения **Гордиенко** «Музыка слов»

« Окончание детектива **Елены Колчак** «У страха глаза велики»